ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2019. Том 64. № 2

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2019. Том 64. № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Котляров – Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционный совет

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр "Наука" Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр "Наука" Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Герд Генчель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
А. Е. Дайнеко – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. П. Изотко – Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Вологда, Россия
С. П. Карпов – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
И. Л. Копылов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Е. Миронович – Белостокский государственный университет, Белосток, Польша
И. В. Саверченко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2019. Том 64, № 2.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Ю. В. Денищик*

Подписано в печать 05.04.2019. Выход в свет 29.04.2019. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 92 экз. Заказ 72.
Цена номера: индивидуальная подписка – 11,74 руб., ведомственная подписка – 28,19 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2019

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2019. Vol. 64. No. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Academic Secretary of the Department of Humanities and Arts, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board

Vladimir V. Gnilomedov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Petr G. Nikitenko – National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead editor*)

Yevgeni M. Babosov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigori A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Igor V. Kotlyarov – National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Lokotko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr A. Lukashanets – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Dmitri I. Shirokanov – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Council

Aleksandr N. Bulyko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Book Culture Research Centre, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Gerd Hentschel – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Aleksei Ye. Daineko – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University, Minsk, Belarus
Valeri I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir P. Izotko – Minsk, Belarus
Vladimir A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Moscow State M. V. Lomonosov University, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Igor L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Yevgeni Mironovicz – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Ivan V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Azimchan A. Satybaldin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrey V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum. belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS
Humanitarian Series, 2019. Vol. 64, No. 2.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *Yu. V. Dzianishchyk*

Signed to print on 05.04.2019. Published on 29.04.2019. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 92 copies. Order 72.
Number price: individual subscription – BYN 11.74, departmental subscription – BYN 28.19.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2019

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Смоляков Д. А. Философские основания интернационализации высшего образования 135
Климашин А. Г. Информационная безопасность личности в цифровую эпоху 145

ГІСТОРЫЯ

Бобков В. А. Исторический опыт кадровой политики и кадровой работы (1960 – 1980-е гг.) 151
Савик С. А. Подготовка офицеров оперативно-тактического уровня для Вооруженных Сил Республики Беларусь (1995–2015 гг.) 158
Матвейчык Д. Ч. Дыскусія вакол выхаду мемуараў Міхаіла Мураўёва і яе ўплыў на развіццё гістарыяграфіі паўстання 1863–1864 гг. 166

МОВАЗНАЎСТВА

Гергиев О. А. Взаимодействие оратора и аудитории в публичной речи на английском и белорусском языках 176
Шоу Цзяжуй. Праблема сінтаксічнай непаўнаты ў кітайскім мовазнаўстве 182

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Пилатова И. В. “Пані Ядвіга” В. Солтана: либреттологический аспект исследования оперного авантекста 191

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Навасельцава Г. В. Вывучэнне рамана: гісторыя і сучаснасць 200

ПРАВА

Василевич Г. А. Нормативно-правовые акты органов исполнительной власти: понятие и виды 209
Арчаков В. Ю., Макаров О. С., Баньковский А. Л. О концептуальных взглядах на информационную безопасность Республики Беларусь в аспекте современного общественного развития 220

ЭКАНОМІКА

Гусаков Е. В. Теоретические и методологические решения по развитию кластерной политики 227
Подобед Н. А., Енин Ю. И. Транспортно-логистическая инфраструктура Евразийского союза: принципы и факторы эволюционного развития 235

РЭЦЭНЗІІ

Здановіч У. В. Вялікая Айчынная вайна ў святле новых гістарычных крыніц 242
Данилов А. Н. Апокалипсис отменяется. *Homo sapiens* выживет… 251

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Дмитрий Иванович Широканов (К 90-летию со дня рождения) 254

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Smaliakou D. A. Philosophical grounds for internationalization of higher education 135
Klimashin A. G. Individual information security in digital era 145

HISTORY

Babkou U. A. Historical experience in personnel policy and staffing in 1960s – 1980s 151
Savik S. A. Training of tactical level officers for the armed forces of the Republic of Belarus (1995–2015) 158
Matveichyk D. Ch. The debate on the publishing of the memoirs of Mikhail Muravyov and its impact on the development of the historiography of the 1863–1864 Uprising 166

LINGUISTICS

Herhiyeu A. A. Speaker-audience interaction in British and Belarusian public speeches 176
Shou Jiarui. Problem of syntactic incompleteness in chinese linguistics 182

HISTOTY OF ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

Pilatova I. V. "Pani Yadviga" by V. Soltan: librettological aspect of the opera's avan-text researching 191

LITERARY STUDIES

Novoseltseva A. V. A novel study: history and modernity 200

LAW

Vasilevich G. A. Concept and types of regulatory legal acts of executive authorities 209
Archakov V. Yu., Makarov O. S., Bankowski A. L. On conceptual views on information security of the Republic of Belarus in the aspect of modern social development 220

ECONOMICS

Gusakov E. V. Theoretical and methodological solutions for the cluster policy development 227
Podobed N. A., Enin Yu. I. Transport and logistics infrastructure of the Eurasian Union: principles and factors of evolutionary development 235

REVIEWS

Zdanovich U. V. Great Patriotic War in the light of new historical records 242
Danilov A. N. Apocalypse canceled. *Homo sapiens* will survive 251

SCIENTISTS OF BELARUS

Dmitry Ivanovich Shirokanov (To the 90th anniversary of his birth) 254

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 167:378(437.6)
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-135-144

Поступила в редакцию 14.08.2018
Received 14.08.2018

Д. А. Смоляков

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь,
Линнаньский педагогический университет, Чжаньцзян, Китай

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Рассматриваются различные концептуальные подходы к пониманию феномена интернационализации высшего образования. В частности, проанализированы основные заблуждения и мифы, циркулирующие в академической среде в отношении данного феномена, разобраны типы его обоснования, рассмотрены заинтересованные стороны. Детально показаны концептуальные отличия интернационализации от глобализации, подчеркивается характер высшего образования как национального феномена. В силу различия национальных приоритетов и заинтересованных сторон делается вывод, что интернационализация сама по себе не может быть целью, однако может являться приоритетом национальной и институциональной политики. Представлен генезис интернационализации как попытки интеграции через различные программы по совершенствованию качества высшего образования постсоциалистических стран в общеевропейское пространство в 1990–2000-х гг. В результате устанавливается связь интернационализации высшего образования с такими концептами, как «интеграция» и «качество», а сам феномен представляется как институциональный процесс, лежащий в поле дихотомии данных концептов.

Ключевые слова: интернационализация, глобализация, качество высшего образования, интеграция, модернизация

Для цитирования. Смоляков, Д. А. Философские основания интернационализации высшего образования / Д. А. Смоляков // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 135–144. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-135-144

D. A. Smaliakou

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus,
Lingnan Normal University, Zhanjiang, China

PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION

Abstract. The article deals with different conceptual approaches for understanding the phenomenon of the internationalization of higher education. Particularly misconceptions and myths about nature and purposes of internationalization circulating in academic society were analyzed. There are also various types of rationales of internationalization and it is emphasized that they do not contradict each other. Conceptual differences between internationalization and globalization were carefully reviewed, the principles of the higher education as national phenomenon are emphasized. The conclusion was made that higher education understood as national phenomenon is mostly focused on national particularities rather than on existing borders. The analysis of stakeholders of internationalization resulted the statement, that this phenomenon could be the priority of national or institutional policy but could not be the goal by itself. In this regard the genesis of internationalization is described as an attempt to integrate post-socialist countries into the common European space in the 1990–2000s, which was realized through the various programs of higher education's quality improvement. Consequently, the principles of the internationalization of higher education lie between concepts "integration" and "quality" and could be understood as institutional process located inside this dichotomy.

© Смоляков Д. А., 2019

Keywords: internationalization, globalization, quality of higher education, integration, modernization
For citation. Smaliakou D. A. Philosophical grounds for internationalization of higher education. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 135–144 (in Russian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-135-144

В последнее время интернационализация высшего образования становится одним из актуальных направлений исследований в области социально-гуманитарных дисциплин. Актуализация данной проблематики происходит как в контексте вхождения Беларуси в Болонский процесс (2015 г.), так и в связи с поиском путей улучшения конкурентоспособности национальной системы высшего образования [1, с. 8]. В этой связи естественно, что данное явление ассоциируется с модернизационными проектами, что нашло отражение в соответствующих государственных программах [2, с. 9]. Не лишено актуальности и развитие экспорта услуг образования [3].

Вместе с тем, если частным или прикладным аспектам этого феномена уделяется достаточно много внимания со стороны как отечественных, так и зарубежных ученых, то его философские основания все еще требуют дополнительного внимания. Зачастую интернационализация понимается как экспорт услуг образования, упоминание университета в международном рейтинге или количество договоров о сотрудничестве с иностранными учреждениями высшего образования. Правдоподобно, что отмеченная смысловая редукция происходит в контексте недопонимания субъектами национальной системы высшего образования сущности, механизмов и целей данной интернационализации.

Такая ситуация не является чем-то уникальным, поскольку, несмотря на всевозрастающую значимость интернационализации с точки зрения развития экономических и социально-культурных отношений, на данный момент в мире существует лишь узкий круг авторитетных исследователей, погруженных в теоретическую проблематику. В этой связи стоит отметить, что отставание фундаментальных исследований от прикладных может существенно сказаться на практической эффективности конкретных примеров интернационализации высшего образования, поскольку сложно говорить о совершенствовании и целесообразности, если о феномене как таковом существуют противоречивые представления.

Основные подходы к пониманию интернационализации. Несмотря на более чем 20-летний опыт исследований рассматриваемого феномена, современная наука может уверенно констатировать лишь то, что «интернационализация является общим компонентом текста миссий образовательных учреждений и ключевым аспектом их стратегических планов» [4, с. 136]. В подобной ситуации непрозрачности явления возникает многообразие его видений, в связи с чем для одних ученых интернационализация высшего образования представляется состоянием, для других – процессом, для третьих – доктриной [5, с. 84]. Одновременно, в силу той же непрозрачности, перечисленные видения фокусируются на проявлениях феномена, следовательно, рассматривают его в контексте отдельных преломлений и частных практик.

В то же время это многообразие свидетельствует о настойчивости попыток подойти к предмету, увидеть его сущность, пусть и через ореол ассоциирующихся с ним элементов. В этом контексте одна из наиболее авторитетных исследователей данного феномена Д. Найт замечает, что для кого-то интернационализация высшего образования означает совокупность международных мероприятий, таких как академическая мобильность, в рамках партнерских соглашений или международных академических и исследовательских программ, для других – это экспорт услуг образования в рамках создания зарубежных филиалов или экспансии франшиз, для третьих – внедрение интернациональных аспектов в процесс обучения [6, с. 6]. Иными словами, академическая среда, не выработав теоретических оснований данного феномена, стремится ассоциировать его с теми активностями, в которые вовлечена в своей повседневной практике.

В этом многообразии представлений исследователями замечается ряд возникающих смешений, которые могут уводить от природы и сущности интернационализации. Указанные смешения можно свести к двум аспектам: подмене интернационализации экспортом услуг образования и отождествлению его с феноменом глобализации. Если первое увязывается с набором иностранных студентов и усилиями в области международного маркетинга, то второе ассоциируется с обеспечением унифицированных подходов и международных стандартов в работе отдельно взятого университета либо национальной системы высшего образования в целом.

Рассматривая подобные смешения, исследовательская активность обретает твердую почву в пространстве критики дефиниций, где поиск соответствий не что иное, как методологическая попытка выйти за рамки стереотипов и ошибок в практике. Под такими ошибками понимается не только желание представить под видом интернационализации другие типы международной кооперации, но и распространенное сведение многообразия данного феномена к отдельным его элементам.

В подобной ситуации было бы естественно очертить круг имеющихся заблуждений. В этой связи Д. Найт выделяет пять мифов интернационализации: 1) иностранные студенты являются средством интернационализации, а значит, чем больше иностранных студентов, тем лучше университетская среда и учебная программа; 2) международная репутация является синонимом качества: чем более интернационализирован университет, тем лучше его репутация; 3) развитие международной договорной базы улучшает университетскую репутацию, т. е. чем больше международных договоров и участия в международных ассоциациях, тем престижнее университет; 4) аккредитация международными организациями влияет на уровень интернационализации, или чем больше университет имеет международных аккредитаций, тем выше уровень его интернационализации; 5) международный маркетинг тождественен интернационализации, или маркетинговый план университета по позиционированию за рубежом эквивалентен плану по интернационализации [7].

Другой авторитетный исследователь интернационализации Х. де Вит к упомянутому перечню добавляет ряд заблуждений: интернационализация – это то же, что внедрение обучения на английском языке, или учеба за рубежом; преподавание международных предметов; межкультурные и международные компетенции как таковые не обязательно должны быть приоритетом; высшее образование является международным по своей природе; интернационализация является самоцелью [8, с. 246]. В совокупности приведенные мысли свидетельствуют в первую очередь о том, что на практике отдельные элементы феномена воспринимаются в качестве его как такового, в связи с чем на институциональном уровне могут подменять его, тем самым реализуя однобокую, урезанную или вовсе лишенную практического смысла активность.

В то же время существует подмена понятий, и дело не только в смешении проявлений глобализации и интернационализации, о чем будет сказано ниже, но и в примерах попыток решить исключительно за ее счет внутриуниверситетские проблемы. Тут речь идет о ситуациях, когда договорные и аккредитационные успехи на международной арене призваны завуалировать отставание образовательной программы, проблемы в кадровом потенциале и отсутствие успешных выпускников.

В сущности, все перечисленные выше мифы и заблуждения являются не чем иным, как желанием, с одной стороны, наделить характеристиками отдельного проявления интернационализации весь феномен в целом, с другой – свести его исключительно к технологиям управления репутацией.

Если природа интернационализации находится глубже в отдельных проявлениях, то, возможно, имеет смысл обратиться непосредственно к целям ее реализации. Однако и тут нет достаточной ясности, поскольку разными исследователями выделяются разнообразные цели интернационализации, соответственно, присутствуют и различия в обосновании (rationale) этого феномена.

В отношении обоснования интернационализации высшего образования распространены три основных подхода: идеалистический, инструментальный и педагогический [5].

В основе идеалистического обоснования интернационализации высшего образования находится ожидание, что международные академические связи способствуют распространению успешного мирового опыта в среде менее успешных государств или учреждений. Тут интернационализация отождествляется с доступом к актуальным социальным и образовательным практикам, что в теории должно способствовать формированию демократического и справедливого мира. В этом ключе обмен понимается как способность более продвинутых государств делится своими достижениями с менее продвинутыми, что может реализовываться как через экспорт услуг образования, так и международные программы по повышению эффективности национальных систем образования или отдельных учреждений.

В контексте инструментального подхода интернационализация рассматривается более в утилитарном ключе. Эта утилитарность, в зависимости от поставленных целей, может выражаться как в унификации законодательства, повышении прозрачности подходов разных государств друг к дру-

гу, так и облегчении мобильности рабочей силы и технологий, а также передаче желательных идеологий. Здесь высшее образование начинает играть роль инструмента международных политик отдельных государств, как один из элементов механизма максимизации прибыли, а следовательно, прагматические и экономические цели превалируют в понимании интернационализации.

В рамках педагогического подхода интернационализация интерпретируется в рамках познавательной функции человека и выступает в роли важного элемента по формированию социально-культурного бэкграунда выпускников. Другими словами, интернационализация приобретает важное значение в контексте перечня формируемых у студентов компетенций, необходимых в условиях современного мира. Тут она выступает естественным проявлением человеческой любознательности, ограничиваясь рамками обучения как такового, становясь его элементом или даже предметом.

Перечисленные обоснования интернационализации скорее стоит воспринимать в качестве типологии, нежели взаимоисключения, тем более, что существует большое число прикладных исследований, подтверждающих результативность каждого из них. С другой стороны, различие в обосновании указывает на субъекты постановки целей, а также на то, что этих субъектов в условиях интернационализации присутствует несколько. В этой связи возникает вопрос: имеет ли интернационализация свои собственные цели или цели определяются извне?

В этом вопросе имеется больше ясности, ведь в качестве указанных субъектов постановки целей, как правило, выделяются наднациональные организации, правительства государств, государственные органы управления, администрация университетов. Следовательно, любое из перечисленных обоснований может рассматриваться в контексте постановки целей данными субъектами.

В этой связи исследователями выделяется ряд заинтересованных сторон (stakeholders) интернационализации, которые локализируются в рамках трех секторов: государственного (government), образовательного (education) и частного (private) [9, с. 21]. Под государственным сектором понимаются как наднациональные, так и национальные органы управления, включая их территориальные отделения. Образовательный сектор представляет собой совокупность учреждений высшего образования (университеты, институты, академии и т. д.) и индивидуальных участников (студенты, преподаватели, члены ректората и т. д.). Частный сектор – это потребители кадров с высшим образованием – компании и предприятия, как национальные, так и международные.

Рассматривая данный перечень, сложно говорить о равнозначности влияния всех перечисленных субъектов, скорее тут имеет место вектор, исходящий из наднациональных структур к непосредственным исполнителям. В этом контексте, если государственный сектор осуществляет распорядительное влияние, то частный, наоборот, воздействует опосредованным образом через требования к компетенциям будущих выпускников. Между этими влияниями зажат образовательный сектор, адаптируя внешние цели в соответствии с приоритетами как индивидуального, так и институционального развития.

Таким образом, можно отметить внешний характер целеполагания интернационализации, т. е. этот феномен не может быть целью сам по себе, но является средством достижения целей заинтересованных сторон. На данном этапе стоит подчеркнуть, что каждый уровень управления (наднациональные органы – правительства – государственные органы управления – администрации университетов) не только определяет цели и задачи интернационализации, но и преломляет их в контексте коммуникации между собой. В этом контексте интернационализация может быть рассмотрена как приоритет международной, государственной или университетской политики. Недопонимание этого нюанса указывает на то, что субъект постановки целей не до конца осознает природу и сущность этого феномена.

Интернационализация и глобализация. Еще одним способом подойти ближе к природе интернационализации является сравнение ее с глобализацией. В частности, большинством специалистов подмечается интенция академической среды отождествлять эти понятия, в то время как сами они склонны их разделять. В частности, Х. де Вит указывает, что высшее образование это национальный феномен, в силу чего его интернационализация является скорее сюжетом взаимодействия между нациями, в то время как глобализация, наоборот, старается игнорировать национальное, обращая большее внимание на сходство, нежели на различия [10, с. 13]. В этом ключе

для высшего образования приоритетом выступает разнообразие культурных различий и языковых сред, что противоположно глобализации, которая унифицирует и стандартизирует их.

В сравнении с глобализацией интернационализация воспринимается не просто как преодоление границ, их иллюминация, но, скорее, как мост через эти границы. В этом контексте локальные особенности приобретают пористую структуру, сквозь которую национальное может выходить за свои рамки, встречаясь с другим национальным. Одновременно успешные примеры национального масштаба в процессе заимствования приобретают черты глобального феномена, и в этом контексте глобальное может усваиваться национальным, превращаясь в его составную часть [4, с. 139].

В зависимости от контекста глобализация может отсылать к денационализации, вестернизации и модернизации, в то время как интернационализация является ответом на данные тенденции, как путь сохранить национальную идентичность [11, с. 18]. В частности, Д. Найт указывает, что если глобализация – это трансграничный обмен знаниями, технологиями, людскими ресурсами, идеями и т. д., то интернационализация высшего образования представляет собой один из путей национального ответа на достижения глобализации, одновременно сохраняя уважение к национальным особенностям [11, с. 14].

Не разбирая более подробно различия между глобализацией, вестернизацией и модернизацией, можно заключить, что интернационализация скорее отсылает к мультикультурализму, как к исследованию, так и толерантности различий, в то время как глобализация описывается в категориях переосмысления географии – стирание национальных границ и различий.

Временные рамки рождения интернационализации. Несмотря на различия в понимании интернационализации и глобализации, исследователями, как правило, подчеркивается приблизительная одновременность появления данных феноменов. Тут важно отметить единодушие мнений, что интернационализация высшего образования – это явление, которое возникло в последней декаде XX в. Таким образом, время маркирует не только зарождение интернационализации, но и точку перехода мирового сообщества из одного состояния в другое.

В научной литературе особенность этого периода и его отличие от иных эпох, как правило, видится в несоразмерности масштабов социальных изменений [12], под которыми понимается в первую очередь рост уровня мировой мобильности. Часто указывается, что с этого момента «люди, идеологии, капиталы, медиа-примеры и культурные импульсы распространяются по миру столь быстро и эффективно, как никогда ранее» [13, с. 33]. Другие исследователи указывают, что люди окружены изображениями, посланиями, новостными сообщениями, которые перманентно напоминают, что они часть «единого мира», «будь то стихийные бедствия, спровоцированные человеческим фактором кризисы, реклама или ежедневная трансграничная мобильность идей, людей и вещей» [4, с. 134].

Констатируя новое качество современных отношений (мир стал един), в научной литературе либо игнорируется природа этого перехода, либо рассматривается в контексте глобализации. Если разговор фокусируется на преодолении рамок и национальных границ, то почему именно важен период заката XX в., ведь транснациональные компании имели место задолго до указанного момента?

Вместе с тем на протяжении более чем 1000-летней истории можно наблюдать многочисленные примеры международной кооперации в сфере высшего образования, захватывающие как по своему культурному значению, так и географическому охвату. В то же время исследователи подчеркивают разницу с иными эпохами, которая как раз и заключается в преодолении былых ограничений, ранее препятствующих быстрому увеличению контактов между народами и государствами мира. Подчеркивая беспрецедентность современного уровня мировой мобильности, теоретиками интернационализации, однако, опускаются факторы, которые сдерживали его ранее.

В этом контексте исследователи нередко отмечают лидерство Европы в сфере интернационализации высшего образования [14], однако не решаются признать, что этот феномен в современном понимании родился в результате окончания холодной войны, в ходе реализации программ по адаптации стран бывшего социалистического лагеря к новым условиям рыночных отношений. В конечном счете, процессы транзита постсоциалистических стран к рынку можно интерпретировать как последующее приобщение их к более ранним процессам становления объединенной

послевоенной Европы. В то же время вряд ли кто-то из исследователей мог ассоциировать международную кооперацию западноевропейских стран с термином «преодоление границ», хоть это, по сути, таковым и являлось. В этом контексте то, что в научной литературе понимается под национальными границами, имеет более масштабное значение, поскольку, в сущности, эти границы возникли в момент падения железного занавеса, тогда как до этого момента Европа в целом и высшее образование в частности пребывали в логике идеологического противостояния биполярного мира.

Во многом благодаря погруженности интернационализации в интеграционные процессы постсоциалистических стран на европейском пространстве такие важные проблемы, как терроризм, радикальный ислам, проблема беженцев долгое время оставались вне ее фокуса. То же происходило и с внеблоковыми регионами, причем давние колониальные связи никогда не теряли своей актуальности. В сущности, когда речь идет о благополучных примерах интернационализации в академической среде, как правило, имеется в виду Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе (1997), и возникшая на ее основе Болонская декларация (1999). Интернационализация высшего образования других регионов мира – это уже скорее сюжет догоняющей активности.

Генезис феномена интернационализации. Генезисом интернационализации высшего образования можно считать 1990-е гг., когда Европейская комиссия запустила ряд программ, которые были призваны способствовать вхождению в ЕС стран-кандидатов и стабилизировать социально-экономическую ситуацию в приграничных странах-партнерах. Эти программы являлись продолжением более ранней политики ЕС, реализованной в 1950–1980-х гг., по интеграции западноевропейских стран в единое культурное и образовательное пространство.

Одним из первых подобных проектов была программа «Эразмус», запущенная еще в 1987 г. и далее включенная в 1995 г. в более масштабную программу «Сократус», целью которой являлось создание общеевропейского пространства высшего образования [15]. Параллельно с ней ЕС запустил ряд программ по развитию интернационализации в постсоциалистических странах, вошедших в ЕС, и их бывших союзников, так называемых приграничных стран. Пионером стала программа «Темпус», призванная установить многосторонние связи между академическими учреждениями, их студентами и преподавателями, тем самым усовершенствовав конкурентоспособность национальных систем высшего образования стран-партнеров. В этой программе принимали участие все постсоветские страны и Монголия [16]. Перечисленные программы, используя внешнее финансирование Европейской комиссии, реализовывались в рамках университетских консорциумов, которые и стали прямым механизмом развития академических связей и мобильности, внедрения институциональных изменений, пространством обмена опытом, идеями и инновациями.

В этом контексте параллельно программе «Эразмус» появляется программа «Эразмус Мундус» (2004 г.), ориентированная непосредственно на приграничные страны-партнеры ЕС и призванная продвигать ценности европейского высшего образования в соответствии с целями устойчивого развития [17; 5]. Другими словами, ЕС с этого момента работал на масштабную интеграцию государств всего Европейского континента, не замыкаясь внутри собственного пространства, но ставя приоритетные цели интернационализации также вне его границ. Примечательно, что, несмотря на сохранение физических границ внутри Европы, силами интернационализации к 2015 г. было построено общеевропейское пространство высшего образования, куда входят все страны континента.

К 2010 г. ЕС уже располагал целым перечнем программ интернационализации, охватывающим все уровни образования. Завершающим этапом стало объединение их под единой крышей масштабного проекта «Эразмус+» с бюджетом в 14,7 млрд евро на 2014–2020 гг. Такое обилие подобных программ в Европе в академической среде породило представление об интернационализации как совокупности мероприятий по проведению и участию в них [6].

Одновременно стоит отметить, что как масштаб европейских программ, так и многосторонняя основа их реализации являются ориентиром для всего остального мира. Собственно говоря, европейский пример во многом представляет собой реальное воплощение концептуальных оснований интернационализации высшего образования. В сущности, остальной мир только последние 10 лет пытается каким-то образом адаптировать этот европейский опыт, войти в контекст ин-

тернационализации, понять ее и взять на вооружение. Из близких по идеологии может считаться гуманитарный приоритет китайской инициативы «Один пояс, один путь», которая только начинает реализовываться.

В этом контексте не удивительно, что концепт «интеграция», как правило, рассматривается исследователями в непосредственном отношении к феномену интернационализации. В подтверждение этого тезиса Д. Найт подчеркивает, что интеграция – это специфически используемый концепт для обозначения процесса адаптации и внедрения международных и межкультурных стандартов в политику и программы. В этом ключе интернационализация выступает в качестве момента перехода, превращения исходного состояния в конечный результат. Иными словами, интеграция лежит во временном промежутке между началом деятельности и ее итогами, а значит, по своей природе может считаться процессом [18, с. 2–3].

Интернационализация и качество образования. Наряду с понятием «интеграция» в отношении интернационализации высшего образования в научной литературе существует еще один важный концепт – это «качество». Как интернационализация, так и качество являются ключевыми стратегическими элементами построения современного высшего образования. Х. де Вит отмечает: «Качество относится к интернационализации таким же образом, как интернационализация относится к совершенствованию качества высшего образования» [10, с. 153]. Д. Найт подчеркивает: «Обеспечение качества высшего образования является приоритетной целью интернационализации, а не развитие международного экспорта» [11, с. 19].

Одновременно стоит уточнить, что указанное понятие претерпело определенную эволюцию. Если традиционно с качеством ассоциировалось совершенное или выдающееся исполнение, то в современном высшем образовании оно скорее отсылает к выражению «соответствие цели» [19]. Следовательно, когда исследуется влияние интернационализации на улучшение качества высшего образования, в первую очередь имеется в виду фокус на актуальные цели высшего образования и соответствие им форматов и содержания внутриуниверситетских процессов.

Стоит уточнить, что под прилагательным «передовое», или выступающее ориентиром, понимается не что иное, как пространство наиболее эффективного взаимодействия упомянутых трех секторов заинтересованных сторон интернационализации. В этом ключе менее успешные в этом компаненте национальные субъекты используют интернационализацию для рефокусировки собственных целей, тем самым определяя перспективы вне ограничений внутринациональной повестки.

Столь пристальное отношение интернационализации к концепту «качество» возымело результат в создании инструмента анализа качества (quality review instrument). Пионером в этом направлении являлся процесс анализа качества интернационализации высшего образования «Internationalization Quality Review Process», реализованный в рамках совместной программы Организации сотрудничества и развития и Ассоциации академического сотрудничества. Результатом проведения такого анализа являлось представление компетентных рекомендаций, основанных на примерах международной практики, в целях содействия формулированию четких целей институционального развития конкретного учреждения высшего образования.

В этом контексте интеграция и качество лежат по обе стороны целеполагания интернационализации. Как было отмечено выше, интернационализация не предполагает общность целей ее участников, но представляет собой механизм достижения взаимной выгоды. Например, при реализации упомянутых европейских программ интернационализации Европейская комиссия преследовала цели интеграции бывших социалистических стран в общеевропейское пространство, в то время как страны-партнеры стремились повысить качество национальных систем высшего образования.

Схожие процессы протекали в Китае, который, стремясь усовершенствовать качество работы своих университетов, запустил ряд программ академической интернационализации, что привело к динамичной интеграции некогда закрытого государства в общемировое пространство. Одновременно партнеры Китая использовали данную интеграцию в целях роста экспорта услуг образования, что предполагало не только рост количества китайских студентов в западных университетах, но и создание многочисленных совместных образовательных структур на китайской территории.

В этой связи может показаться, что интернационализация является синонимом или одним из механизмов модернизации высшего образования, однако это не совсем так. Как уже упоминалось выше, интернационализация является единством дихотомии «интеграция–качество», а следовательно, может предоставлять инструментарий анализа эффективности протекания институциональных процессов национальной системы высшего образования. Иными словами, интернационализация – это не модернизация сама по себе, но важный инструмент анализа ее эффективности.

Исходя из подобного понимания интернационализации (дихотомии «интеграция–качество»), в рамках данного феномена предполагается исключение колониальных и чисто коммерческих аспектов. В конечном итоге, как отмечали многие исследователи интернационализации, сам по себе экспорт услуг образования не может считаться интернационализацией, хоть его развитие и может стимулироваться ее активностью. Сложно оценить в условиях интернационализации и колониальные практики, в рамках которых метрополия отбирает лучшие колониальные кадры, осуществляя их дальнейшую подготовку в учреждениях высшего образования на своей территории. В этом же аспекте нельзя воспринимать прямую трансляцию идеологий в рамках подготовки иностранных студентов, так как эта активность никоим образом не влияет на качество высшего образования страны-импортера.

Выводы. Подводя итог сказанному, можно заключить, что интернационализация высшего образования – это процесс, лежащий в поле дихотомии «интеграция–качество». Одновременно, в силу различия национальных приоритетов и институциональных уровней субъектов постановки целей, интернационализация сама по себе не может быть целью, как не может быть единства целей заинтересованных в ее реализации сторон. В то же время в рамках единого поля интернационализации каждая из заинтересованных сторон может достигать желаемых результатов, что позволяет причислить этот феномен к одному из видов win-win процессов.

В своей основе интернационализация имеет общеевропейские корни, маркируя момент перехода Европы из формата биполярного мира к многонациональной повестке. В этом ключе интернационализация будет отличаться от глобализации, так как не редуцирует границы как таковые, но сближает национальных игроков между собой, делая их понятными друг другу.

Столь однозначный вектор интернационализации позволяет ей выступать в роли инструмента коммуникации между национальными системами. Одновременно, данная коммуникация может быть как предметом изучения, так и формой построения программ обучения в учреждениях высшего образования.

Таким образом, стоит подчеркнуть, что интернационализация может способствовать росту экспорта услуг образования, однако не является его денотатом. Дихотомия «интеграция–качество» маркирует реальное, а не виртуальное воплощение академической активности, иными словами, за этим процессом скрывается внутриинституциональное совершенствование, а не международный PR.

Благодарности

Статья выполнена в рамках работы Белорусско-Китайского исследовательского центра философии и культуры, созданного Институтом философии Национальной академии наук Беларуси и Линнаньским педагогическим университетом (КНР).

Acknowledgements

The article is issued in the framework of Sino-Belarusian Research Center of Philosophy and Culture activity, established by Institute of Philosophy National Academy of Science of Belarus and Lingnan Normal University (China).

Список использованных источников

1. Государственная программа «Образование и молодёжная политика на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.brsu.by/sites/default/files/gosudarstvennaya_programma_obrazovanie_i_molodezhnaya_politika_na_2016_-_2020_gody.pdf. – Дата доступа: 03.08.2018.

2. Государственная программа развития высшего образования на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://srrb.niks.by/info/post893.pdf. – Дата доступа: 03.08.2018.

3. О деятельности УВО по развитию экспорта образовательных услуг в контексте концепции развития экспорта услуг (продвижение бренда «Образование в Беларуси») на 2018–2020 годы, утвержденной Министерством образования Республики Беларусь (приказ № 130 от 20.02.2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://srrb.niks.by/solution/2018-02-28-1.pdf. – Дата доступа: 03.08.2018.

4. Beck, K. Globalization/s: reproduction and resistance in the internationalization of higher education / K. Beck // Canad. J. of Education. – 2012. – Vol. 35, № 3. – P. 133–148.

5. Stier, J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism / J. Stier // Globalisation, Societies a. Education. – 2004. – Vol. 2, iss. 1. – P. 1–28. https://doi.org/10.1080/1476772042000177069

6. Knight, J. Internationalization remodeled: definition, approaches, and rationales / J. Knight // J. of Studies in Intern. Education. – 2004. – Vol. 8, iss. 1. – P. 5–31. https://doi.org/10.1177/1028315303260832

7. Knight, J. Five myths about internationalization / J. Knight // Intern. Higher Education. – 2011. – № 62. https://doi.org/10.6017/ihe.2011.62.8532

8. De Wit, H. Globalisation and internationalisation of higher education / H. De Wit // Rev. de Univ. y Soc. del Conocimiento. – 2011. – Vol. 8, № 2. – P. 241–248. http://doi.org/10.7238/rusc.v8i2.1247

9. Altbach, P. G. The internationalization of higher education: motivations and realities / P. G. Altbach, J. Knigh // J. of Studies in Intern. Education. – 2007. – Vol. 11, № 3–4. – P. 290–305. https://doi.org/10.1177/1028315307303542

10. De Wit, H. Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis / H. De Wit. – Westport : Greenwood Press, 2002. – 270 p.

11. Quality and internationalisation in higher education / OECD. – Paris : Organisation for Economic Co-operation a. Development, 1999. – 268 p. https://doi.org/10.1787/9789264173361-en

12. Giddens, A. The consequences of modernity / A. Giddens. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1990. – 186 p.

13. Appadurai, A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization / A. Appadurai. – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1996. – 229 p.

14. Teichler, B. Internationalisation of higher education: European experiences / B. Teichler, M. Kehm, H. De Wit. – Amsterdam : Europ. Assoc. for Intern. Education, 2005. – 180 p.

15. Klemencic, M. Evaluation of the impact of the Erasmus programme on higher education in Slovenia [Electronic resource] / M. Klemencic, A. Flander. – Ljubljana : CMEPIUS, 2013. – Mode of access: https://scholar.harvard.edu/files/manja_klemencic/files/klemencic_flander_impact_of_erasmus_on_he_in_slovenia_2013_0.pdf. – Date of access: 12.11.2017.

16. Tempus: programme of cooperation in higher education between EU, PHARE and TACIS countries / Europ. Comission. – Luxembourg : Office for Offic. Publ. of the Europ. Communities, 1998. – Mode of access: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d61f5582-815a-4fd3-990c-a8aa0e818bf0/language-en/format-PDF/source-43845326. – Date of access: 12.11.2017.

17. From Erasmus Mundus to Erasmus+ [Electronic resource] // Education, Audiovisual and Culture Executive Agency (EACEA) European Comission. – Mode of access:http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/tools/documents/repository/em_central_asia.pdf. – Date of access: 12. 11. 2017.

18. Knight, J. Updated definition of internationalization / J. Knight // Intern. Higher Education. – 2003. – № 33. https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391

19. Harvey, L. Define quality / L. Harvey, D. Green // Assessment a. Evaluation in Higher Education. – 1993. – Vol. 18, № 1. – P. 9–34.

References

1. *The state program "Education and youth policy for 2016–2020"*. Available at: http://www.brsu.by/sites/default/files/gosudarstvennaya_programma_obrazovanie_i_molodezhnaya_politika_na_2016_-_2020_gody.pdf (accessed 03.08.2018) (in Russian).

2. *State Program for the Development of Higher Education for 2011–2015.* Available at: http://srrb.niks.by/info/post893.pdf (accessed 03.08.2018) (in Russian).

3. *On the activities of the HEI on the development of the export of educational services in the context of the concept of the development of export of services (promotion of the brand "Education in Belarus") for 2018–2020, approved by the Ministry of Education of the Republic of Belarus (order no. 130 dated 02.02.2018).* Available at: http://srrb.niks.by/solution/2018-02-28-1.pdf (accessed 03.08.2018) (in Russian).

4. Beck K. Globalization/s: reproduction and resistance in the internationalization of higher education. *Canadian Journal of Education*, 2012, vol. 35, no. 3, pp. 133–148.

5. Stier J. Taking a critical stance toward internationalization ideologies in higher education: idealism, instrumentalism and educationalism. *Globalisation, Societies and Education*, 2004, vol. 2, iss. 1, pp. 1–28. https://doi.org/10.1080/1476772042000177069

6. Knight J. Internationalization remodeled: definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*, 2004, vol. 8, iss. 1, pp. 5–31. https://doi.org/10.1177/1028315303260832

7. Knight J. Five myths about internationalization. *International Higher Education*, 2011, no. 62. https://doi.org/10.6017/ihe.2011.62.8532

8. De Wit H. Globalisation and internationalisation of higher education. *Revista de Universidad y Sociedad del Conocimiento*, 2011, vol. 8, no. 2, pp. 241–248. http://doi.org/10.7238/rusc.v8i2.1247

9. Altbach P. G., Knigh J. The internationalization of higher education: motivations and realities. *Journal of Studies in International Education*, 2007, vol. 11, no. 3–4, pp. 290–305. https://doi.org/10.1177/1028315307303542

10. De Wit H. *Internationalization of higher education in the United States of America and Europe: a historical, comparative, and conceptual analysis*. Westport, Greenwood Press, 2002. 270 p.

11. *Quality and internationalisation in higher education*. Paris, Organisation for Economic Co-operation and Development, 1999. 268 p. https://doi.org/10.1787/9789264173361-en

12. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 186 p.

13. Appadurai A. *Modernity at large: cultural dimensions of globalization*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

14. Teichler B., Kehm M., De Wit H. *Internationalisation of higher education: European experiences*. Amsterdam, European Association for International Education, 2005. 180 p.

15. Klemencic M., Flander A. *Evaluation of the impact of the Erasmus programme on higher education in Slovenia*. Ljubljana, CMEPIUS, 2013. Available at: https://scholar.harvard.edu/files/manja_klemencic/files/klemencic_flander_impact_of_erasmus_on_he_in_slovenia_2013_0.pdf (accessed 12.11.2017).

16. *Tempus: programme of cooperation in higher education between EU, PHARE and TACIS countries*. Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 1998. Available at: https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d61f5582-815a-4fd3-990c-a8aa0e818bf0/language-en/format-PDF/source-43845326 (accessed 12.11.2017).

17. From Erasmus Mundus to Erasmus+. *Education, Audiovisual and Culture Executive Agency (EACEA) European Comission*. Available at: http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/tools/documents/repository/em_central_asia.pdf (accessed 12.11.2017).

18. Knight J. Updated definition of internationalization. *International Higher Education,* 2003, no. 33. https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391

19. Harvey L., Green D. Define quality. *Assessment and Evaluation in Higher Education*, 1993, vol. 18, no. 1, pp. 9–34.

Информация об авторе

Смоляков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: d.smaliakou@live.com, ORCID 0000-0002-9676-9628.

Information about the author

Dzmitry A. Smaliakou – Ph. D. (Philos.), Senior Scientific Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: d.smaliakou@live.com, ORCID 0000-0002-9676-9628.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.485.6
https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-145-150

Поступила в редакцию 25.09.2018
Received 25.09.2018

А. Г. Климашин

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с появлением новых технологий и технических решений, в частности, в сфере использования глобальной сети Интернет. В последние годы значимость использования цифровых инструментов для решения задач по коммуникации среди преступных сообществ, поиску и сбору персональных данных как для их вербовки, так и воздействия на психику значительно возросла. Вместе с тем цифровое пространство активно используется отдельными государствами, корпорациями и группами лиц для ведения информационно-алгоритмической войны и воздействия на общественное сознание, а технологии распределенных сетей стали способствовать финансированию запрещенных организаций. Автор анализирует не только юридические и технические возможности по обеспечению безопасности личности, но и социологический аспект, связанный с тем, как в целом появление рассмотренных факторов влияет на обеспечение безопасности государства и личности.

Ключевые слова: управление интернетом, информационный поток, фейк-ньюс, информационно-алгоритмическая война, цифровое пространство, распределённые сети, теневой интернет, блокировка

Для цитирования. Климашин, А. Г. Информационная безопасность личности в цифровую эпоху / А. Г. Климашин // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 145–150. https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-145-150

A. G. Klimashin

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

INDIVIDUAL INFORMATION SECURITY IN DIGITAL ERA

Abstract. The article presents topical issues related to the emergence of new technologies and technical solutions, in particular connected to the Internet. Over the last years, the importance of digital technologies for solving the problems of communication between criminal communities, of search and collecting personal data not only for their recruitment, but also for psychoactivity has increased significantly. At the same time, the digital space is actively used by separate States, corporations and groups of individuals for information and algorithmic warfare and impact on public consciousness, and technologies of distributed networks began to promote financing of the prohibited organizations. The author analyzes not only legal and technical possibilities to ensure safety of the individual, but also the sociological aspect associated with the impact that these considered factors have on safety and security of the state and individual.

Keywords: internet governance, information flow, fake news, information and algorithmic warfare, digital space, distributed networks, dark net, blocking

For citation. Klimashin A. G. Individual information security in digital era. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 145–150 (in Russian). https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-145-150

По данным Информационно-аналитического центра (далее – ИАЦ) при Администрации Президента Республики Беларусь, в нашей стране более 4,5 млн активных пользователей глобальной сети Интернет. На данный момент средний белорус скачивает информацию из сети со скоростью почти в 14 Мбит/с. При этом 39 % респондентов проводят в Интернете более трех часов ежедневно. Компьютер есть более, чем в половине домохозяйств, 62 % совершеннолетних жителей страны являются пользователями, 87 % из них входят в сеть ежедневно. Среди студенческой молодёжи эта цифра достигает 94 %. При этом потребление трафика от внутренних ресурсов Республики Беларусь составило лишь 6 % от объемов внешнего шлюза [1]. Согласно данным исследований ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь, почти 85 % белорусских пользователей отмечают, что используют интернет как главный источник информации, 46 % кон-

© Климашин А. Г., 2019

кретизируют, что ищут в том числе и политические новости. На вопрос о том, какой сайт запускают первым, пользователи отвечают – поисковик (32 %), социальную сеть (28 %) и новостной сайт (24 %). Поступающей информации от новостных сайтов доверяют 58 %, и больше трети – социальным сетям, примерно столько же прислушиваются к мнениям других пользователей, 96 % пользователей Беларуси имеют профиль хотя бы в одной из социальных сетей (*«ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook»* и др.) [2; 3].

В связи с тем, что РУП «Белтелеком» создало прямые пиринговые каналы с российскими представительствами наиболее посещаемых белорусами сайтов, мобильные операторы стали создавать тарифные планы, где не ведётся учёт трафика популярных мессенджеров (*«Viber», «Telegram», «WhatsApp», «WeChat»* и др.). Получает распространение новый вид Интернет-услуг – мобильное видеовещание и телевидение.

В связи с этим можно отметить быстрый рост интереса за последние несколько лет к обеспечению информационной безопасности как государства и общества, так и отдельной личности [4]. Организация Объединённых Наций (далее – ООН) инициировала проект «Форум по управлению интернетом» (сокращённо – IGF), который ежегодно проходит в каждом государстве с целью аккумулирования всех существующих вопросов и идей, связанных с управлением и безопасностью в цифровом пространстве. Это мероприятие служит объединению людей из различных групп и заинтересованных сторон на равных в обсуждении вопросов государственной политики, связанных с Интернетом. На текущий момент нет конкретных результатов, но в переговорах самым активным образом задействовано межсекторальное сотрудничество (*бизнес, государство, некоммерческие организации*), что доказывает высокую актуальность и значимость вопроса. На своем ежегодном совещании делегаты обсуждают, обмениваются информацией и передовым опытом друг с другом. IGF призван максимизировать возможности Интернета и снизить социальные риски и проблемы. Форум учреждён резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 2015 г. № 70/125 [5].

Следует различать защиту информации и информационную безопасность. Защита информации – это комплекс мероприятий, направленных на сохранность накопленной информации и недопущение её разглашения. Основные её составляющие: конфиденциальность, целостность, доступность. Под информационной безопасностью следует понимать защиту интересов субъектов информационных отношений. Следовательно, правильный с методологической точки зрения подход к проблемам информационной безопасности начинается с выявления субъектов информационных отношений и интересов этих субъектов, связанных с использованием информационных систем. Угрозы информационной безопасности – это противоположная сторона использования информационных технологий [6; 7].

Однако при социологическом анализе для нас важна не столько техническая сторона вопроса, сколько **оценка влияния технологии на общество и оценка рисков, связанных с появлением технологии**. С появлением и развитием международной сети Интернет очевидно возникла проблема соотношения соблюдения прав человека и обеспечения национальной безопасности. Соблюдение прав человека напрямую связано с защитой личности, так как ограничение её прав и свобод влияет на уменьшение возможностей для отстаивания своих интересов и ценностей. Однако при этом человек может неосознанно подвергаться другим видам воздействия, таким как психологическое, информационное, кибермошенничество и прочее, что также существенным образом подвергает его и наше общество опасности.

Одна из наиболее дискуссионных проблем заключается в том, что в сети Интернет известные субъекты осуществляют слежение за неопределённым кругом лиц вопреки процессуальному законодательству, т. е. осуществляют оперативный поиск потенциальных правонарушений через изучение среды, а не через оперативные мероприятия в отношении конкретного подозреваемого. В то же время даже такие меры не позволяют предотвращать террористические акты, наращивание потенциала террористических движений, распространение порнографической продукции, хищение денежных средств через компьютерные сети и т. д. Фактически проблема трудно разрешаема в силу несовместимости решений. По сути это новая плоскость спора правозащитных организаций и так называемого «силового блока». Человек должен смириться либо с отказом от личной жизни и анонимности в сети Интернет, либо самостоятельно заботиться о состоянии

защищенности своих информационных систем и психики, не уповая на органы внутренних дел, что также проблематично для обывателя.

С технической стороны серьезной проблемой по ликвидации анонимности в сети стала технология так называемой распределённой сети и нестандартные протоколы, используемые в DarkNet (*теневой Интернет*). Помимо него существует и ряд других распределённых одноранговых сетей, но в «теневом Интернете» файлообмен происходит полностью анонимно (*поскольку IP-адреса не доступны публично*), и, следовательно, пользователи могут общаться без государственного вмешательства. Именно поэтому он часто воспринимается людьми как инструмент для осуществления коммуникации в различного рода «подпольях» и незаконной деятельности. В более общем смысле термин «DarkNet» может быть использован для описания некоммерческих «узлов» интернета или относиться ко всем «подпольным» интернет-коммуникациям и технологиям, которые в большинстве связаны с нелегальной деятельностью или инакомыслием. Подобные технические решения сегодня реализуются при обороте криптовалют (например, *BitCoins*) и соединении субъектов информационных отношений для обхода блокировок либо при необходимости в безопасной передаче данных. Использование распределённой сети и нетипичных протоколов не поддаётся контролю через информационную среду, и, по мнению специалистов, полностью лишает возможности достоверно установить субъектов обмена информацией. Это лишь означает, что от значительной массы угроз в информационном пространстве личности всё же придется каждому индивиду самостоятельно оказывать противодействие. Для этого необходимо обладать цифровой грамотностью и ответственно подходить к своим действиям в информационном поле настолько же, насколько и в реальной жизни.

В последнее время возросла угроза рисков информационной безопасности не столько технического (*вирусы, атаки на информационные системы, хищения*), сколько психологического характера.

Сегодня в сфере информационной безопасности главенствующей угрозой безопасности являются отсутствие системного подхода в государственных реформах, связанных с управлением информационными потоками, и ***постоянные вбросы лживой информации*** в массы населения со стороны враждебно настроенных субъектов, что дискредитирует отдельные институты власти. При этом ответственности за так называемые *«фейк-ньюс»* не существует. Актуальность этой проблемы подтверждают и темы последних российских политических ток-шоу, и научные дискурсы. В частности, на конференции «Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты», проведённой в Институте национальной безопасности КГБ Республики Беларусь, проблема информационной безопасности выделена в отдельную, самую массовую секцию [8]. Кроме того, контент пропагандистского характера выполняет весомую роль при психологической обработке личности для последующей вербовки в террористические сообщества. Так, например, по оценке специалистов, в террористической организации ИГИЛ насчитывается около 3 000 граждан стран СНГ, значимую роль в вербовке которых сыграла публичная коротко-текстовая социальная сеть «Twitter» [8, с. 110–115].

Вербовка новых членов в такие организованные группы возможна благодаря следующей формуле: ***мотивы для девиантного поведения + доступ к информации + возможность анонимной коммуникации с представителями группировок***. Отсюда следует, что для борьбы с формами деликвентного (*форма девиантного поведения, заключающаяся в совершении деликтов, т. е. правонарушений*) поведения необходимо создавать социальные условия для самореализации личности, защиты её прав и законных интересов в рамках существующего общественного строя; контролировать доступ к персональным данным и блокировать деструктивный контент; иметь технические и кадровые возможности для контроля подозреваемых как через информационную среду, так и в режиме реального времени через профессиональное осуществление оперативно-розыскных мероприятий. Для совершенствования способов борьбы и способов защиты личности необходимо понимание того, как система работает сейчас.

Наличие мотивов совершения тех или иных действий у потенциальных жертв вербовки оценивается благодаря открытым данным в социальных сетях. Кроме того, отследить посетителей своих информационных ресурсов можно как через IP-адреса, отображаемые у системного администратора ресурса, так и через так называемые «лайки» и «репосты». Стоит отметить, что по-

добная схема является достаточно универсальной для большинства радикальных течений, поскольку общение через Интернет и социальные сети для рядовых граждан – наиболее понятный способ социальной коммуникации.

В настоящее время существует много нелегального контента, расположенного в «Twitter» [8, с. 111–114] (*зарегистрировано в Сан-Франциско, США*). И если юридически новые поправки в Закон «О средствах массовой информации» помогают с лёгкостью блокировать доступ пользователей к отдельным страницам, то с технической стороны вопрос значительно сложнее, так как любой пользователь может обойти блокировку, используя «DarkNet» (*TorBrauser, 2P2, Kaspersky Security Connection, VPN Brauser, Orbot* и другие инструменты). Намного более эффективно бороться с контентом, оказывающим деструктивное воздействие на психику и мировоззрение граждан, с помощью полного удаления контента с серверов. Однако в случаях, когда хостинг расположен в других странах, возможность воздействия на него зависит исключительно от позиции государства, которое не всегда может вести борьбу с таким контентом.

Управление по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий МВД занимается борьбой с хищениями с использованием компьютерной техники (ст. 212 Уголовного кодекса) и преступлениями против информационной безопасности (гл. 31 Уголовного кодекса). Раскрываемость этих преступлений достаточно высокая. По мировым стандартам, она составляет около 50 % и выше. В 2015 году она составила 56,5 %. Это высокий процент, если учитывать, что большинство подобных преступлений совершается в условиях неочевидности. Тем не менее количество преступлений против информационной безопасности растет. В 2016 году их было около 500. Как отмечает руководитель специальной следственной группы Следственного комитета Республики Беларусь по киберпреступности Александр Сушко, наибольшую проблему в расследовании этих дел как раз представляет их осложнённость иностранным элементом [9]. Ведь преступники, даже не находясь за пределами государства, в своих деяниях пользуются иностранными прокси-серверами. Так, например, сервера социальных сетей «ВКонтакте», «Facebook» также находятся в юрисдикции других государств, что затрудняет процесс расследования преступных дел. Именно поэтому для установления местонахождения преступника и получения свидетельств об этом требуется активная коммуникация соответствующих органов на международном уровне. Но такая коммуникация не всегда возможна в силу закрытости специальных служб, межгосударственных противоречий, отсутствия опыта совместной работы.

Более того, в последнее время получили широкое распространение такие сервисы, как CLOUDFLARE, privacyguardian.org, netprotect.support и т. д., которые предоставляют пользователям сокрытие информации об их IP-адресах, хостингах, e-mail, заменяя их своими. Несколько раз даже встречались случаи, когда RIPE вообще писал, что у такого доменного имени нет IP-адреса. При расширении такой практики бороться с нелегальным контентом непросто.

Но если вопрос с публикацией пропагандистского контента (содержания) технически может быть решен в ближайшей перспективе с помощью блокировки или удаления нелегального контента через многочисленные запросы в иностранные правоохранительные структуры, то проблема наличия доступа к персональным данным через информационные банки данных, социальные сети и публикации объявлений все же существует. Вопрос заключается в противоречивости позиций гражданского общества и государства. Безусловно, открытость данных для развития общества является благом. И сегодняшние тенденции ведут к повышению транспарентности деятельности государственных органов и различных организаций. Это помогает людям принимать более взвешенные решения, упрощает административные процедуры и способствует более быстрому поиску и контакту с подходящими лицами. Однако открытость данных позволяет также злоумышленникам получать почти полные данные о потенциальных жертвах преступлений и потенциальных агентах преступного сообщества. Несмотря на исключительную компетенцию специальных служб и правоохранительных органов на обращение с персональными данными, многие из них доступны коммерческим организациям (*сотовые операторы, банки, страховые организации, визовые центры* и т. д.). Сегодня для поиска информации о человеке не требуется специальной техники и большого объема специализированных знаний. Для установления личности необходимы усидчивость и высокоскоростное соединение с глобальной сетью. Фактически

любое лицо с аналитическими способностями и знаниями психологии может изучить политические взгляды и убеждения по тем или иным многочисленным комментариям, статусам, статьям в блогах, опубликованным научным статьям и т. д. Социальные сети позволяют установить место проживания, место работы и круг общения жертвы. Более того, с потенциальной жертвой очень просто вступить в коммуникацию. Фильтровать трафик таких сообщений весьма сложно по ряду причин. Во-первых, это будет усложнять проблему соблюдения прав человека, во-вторых, это слишком большой объём работы, поскольку на подсознательном уровне и в приватных беседах проследить склонности к смене общественного строя можно у многих людей, но при этом преследовать их лишь за умысел будет незаконно и не совсем правильно.

Что касается отслеживания коммуникации участников радикальных течений, то контроль через информационную среду также видится более сложным решением, чем контроль через подозреваемых в режиме реального времени. Одним из нескольких известных способов конспиративной связи посредством сети Интернет являются компьютерные онлайн-игры. Большая часть сообщений идёт через игровую консоль, в которой технически невозможно фильтровать трафик.

Правозащитный подход к проблеме заключается в том, что специальные службы должны больше концентрироваться на работе в реальной жизни, чем в цифровом пространстве, так как в противном случае это неизменно ведёт к тому, что в процессе оперативно-розыскных мероприятий происходит нарушение прав человека и незаконным образом отслеживается его личная переписка. На специальной комиссии после инцидента с участием Эдварда Сноудена директор Агентства национальной безопасности США признался в том, что в процессе специальной деятельности проводится собирание личных данных как иностранцев, так и граждан США. Однако он отметил, что это происходит неумышленно, а в силу специфики технологического процесса. Следовательно, например, при выявлении покупателей оружия могут отслеживаться поисковые запросы в системе Google, но вместе с таким мониторингом корпорация собирает и хранит поисковые запросы всех остальных граждан. Подобные технологические возможности в США привели к тому, что уже неоднократно возникали судебные споры с участием Google, Apple по подозрению их в установлении средств негласного получения информации на свою продукцию. При этом даже такие беспрецедентные меры не привели к снижению уровня террористической угрозы и снижению количества актов терроризма ни в США, ни в мире.

В XXI веке дипломатические, информационные, военные, экономические и правоохранительные компоненты национальной мощи будут оперировать в глобальной среде, характеризуемой социально-экономической сложностью, неопределенностью и динамичностью. В новой глобальной цифровой среде процветание и безопасность народов в значительной мере зависят от обеспечения стратегического преимущества и мощи национальной безопасности в сфере использования «электромагнитного спектра технологий». Эти инструменты действуют независимо от геополитических границ, что придает новые возможности и создает дополнительные риски для их использования в сфере коммерции, управления, безопасности и военного дела в рамках отдельных государств, их сообществ и глобальном масштабе в целом [10, с. 71–79].

Для защиты личности в указанной области в Республике Беларусь в целях разрешения подобных проблем была создана специальная группа – Национальный центр по реагированию на компьютерные инциденты при Оперативно-аналитическом центре (CERT) [11]. Официальный сайт подразделения CERT.BY осуществляет сбор, хранение и обработку статистических данных, связанных с распространением вредоносных программ и сетевых атак на территории Республики Беларусь, а также реагирование на сами инциденты как в информационных системах государственных органов и организаций, так самостоятельно обратившихся субъектов национального сегмента сети Интернет. Задачей группы является не только борьба с киберпреступностью, но и выработка механизма по работе в этой сфере. Как отмечает руководитель группы, сложность работы во многом заключается в том, что компьютерные инциденты, как правило, выражаются в новых и новых формах. Поэтому при появлении нетипичных событий действовать требуется скорее в соответствии с профессиональной интуицией, нежели по предписанным правилам.

Таким образом, в идеологическом и мировоззренческом плане решение видится в том, что в первую очередь появление новых цифровых технологий не должно заменять реальной жизни. Это скорее должно являться дополнительной возможностью и дублированием неких функций. Способы

социальной коммуникации должны развиваться и давать человеку выбор, но ни в коем случае не вгонять его в рамки навязываемого США и их союзниками нового мирового порядка. Именно тогда человек как личность сможет быть более самодостаточным и независимым от какой-либо системы, в том числе цифровой.

Список использованных источников

1. Емкость внешнего шлюза в сеть Интернет за пять лет увеличилась в 15 раз [Электронный ресурс] // Белтелеком : нац. оператор электросвязи Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://beltelecom.by/news/company/emkost-vneshnego-shlyuza-v-set-internet-za-pyat-let-uvelichilas-v-15-raz. – Дата доступа: 29.12.2017.

2. Медиасфера Беларуси. Социологический аспект [Электронный ресурс] / под общ. ред. В. О. Дашкевича. – Минск, 2017. – Режим доступа: http://iac.gov.by/sbornik/Mediasfera_Belarusi.pdf. – Дата доступа: 29.12.2017.

3. Более 87 % белорусских юзеров обращаются к интернету практически ежедневно [Электронный ресурс] // БелТА : белорус. телеграф. агентство. – Режим доступа: http://www.belta.by/tech/view/bolee-87-belorusskih-juzerov-obraschajutsja-k-internetu-prakticheski-ezhednevno-176980-2016/. – Дата доступа: 02.01.2016.

4. Бабосов, Е. М. Обеспечение информационной безопасности – фактор устойчивого развития Беларуси / Е. М. Бабосов // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2012. – № 2. – С. 133–141.

5. Internet Governance Forum (IGF) [Electronic resource]. – Mode of access: www.intgovforum.org/multilingual/tags/about. – Date of access: 29.04. 2018.

6. Бобкова, В. А. Информационная безопасность и её составляющие [Электронный ресурс] / В. А. Бобкова. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/2012615/. – Дата доступа: 29.04.2018.

7. Бабаш, А. В. Информационная безопасность. История защиты информации в России : [учеб. пособие] / А. В. Бабаш, Е. К. Баранова, Д. А. Ларин. – М. : Университет, 2013. – 736 с.

8. Проблемы обеспечения национальной и региональной безопасности: правовые и информационные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 нояб. 2017 г. : в 2 т. / Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь ; [редкол.: А. Л. Лычагин (гл. ред.) и др.]. – Минск : ИНБ, 2018. – Т. 2. – 307 с.

9. Безопасность в Сети: практика борьбы с киберпреступлениями [Электронный ресурс] // БелТА : белорус. телеграф. агентство. – Режим доступа: https://www.belta.by/onlineconference/view/bezopasnost-v-seti-praktika-borby-s-kiberprestuplenijami-906/. – Дата доступа: 29.07.2018.

10. Ларина, Е. С. Мировойна. Все против всех / Е. С. Ларина, В. С. Овчинский. – М. : Кн. мир, 2015. – 416 с.

11. CERT.BY – Национальный центр реагирования на компьютерные инциденты при ОАЦ при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cert.by. – Дата доступа: 29.04.2018.

References

1. The capacity of an external gateway to the Internet has increased 15 times over five years. *Beltelekom* [Beltelecom]. Available at: http://beltelecom.by/news/company/emkost-vneshnego-shlyuza-v-set-internet-za-pyat-let-uvelichilas-v-15-raz (accessed 29.12.2017) (in Russian).

2. Dashkevich V. O. (ed.) *Media sphere of Belarus. Sociological aspect*. Minsk, 2017. Available at: http://iac.gov.by/sbornik/Mediasfera_Belarusi.pdf (accessed 29.12.2017) (in Russian).

3. More than 87 % of Belarusian users access the Internet almost daily. *BelTA*. Available at: http://www.belta.by/tech/view/bolee-87-belorusskih-juzerov-obraschajutsja-k-internetu-prakticheski-ezhednevno-176980-2016/ (accessed 02.01.2016) (in Russian).

4. Babosov E. M. Provision of information security as a factor for sustainable development of Belarus. *Vesnik Brestskaga universiteta. Seryya 1. Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya = Vesnik of Brest University. Series 1. Phylosophy. Politology. Sociology,* 2012, no. 2, pp. 133–141 (in Russian).

5. *Internet Governance Forum (IGF).* Available at: www.intgovforum.org/multilingual/tags/about (accessed 29.04. 2018).

6. Bobkova V. A. *Information security and its components*. Available at: https://studfiles.net/preview/2012615/ (accessed 29.04.2018) (in Russian).

7. Babash A. V., Baranova E. K., Larin D. A. *Information security. History of information security in Russia*. Moscow, Universitet Publ., 2013. 736 p. (in Russian).

8. Lychagin A. L. (et al.) *Problems of ensuring national and regional security: legal and informational aspects: materials of the International scientific and practical conference, Minsk, November 2, 2017. Vol. 2.* Minsk, Institute of National Security of the Republic of Belarus, 2018. 307 p. (in Russian).

9. Security on the Web: the practice of combating cybercrime. *BelTA*. Available at: https://www.belta.by/onlineconference/view/bezopasnost-v-seti-praktika-borby-s-kiberprestuplenijami-906/ (accessed 29.07.2018) (in Russian).

10. Larina E. S. arina E. S., Ovchinskii V. S. *World War. All against all*. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2015. 416 p. (in Russian).

11. *CERT.BY – National Computer Emergency Response Team of the Republic of Belarus*. Available at: https://cert.by (accessed 29.04.2018) (in Russian).

Информация об авторе

Климашин Александр Геннадьевич – аспирант. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alexandr89by@mail.ru.

Information about the author

Alexandr G. Klimashin – Postgraduate student. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alexandr89by@mail.ru.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 947.6
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-151-157

Поступила в редакцию 24.10.2017
Received 24.10.2017

В. А. Бобков

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ И КАДРОВОЙ РАБОТЫ (1960–1980-е гг.)

Аннотация. Цель статьи – раскрыть богатейший исторический опыт работы с руководящими кадрами в Беларуси в советский и постсоветский периоды и тем самым привлечь к вопросу внимание государственных органов и субъектов хозяйствования. В этой связи выявлены структурные элементы кадровой политики и кадровой стратегии, основные формы и методы подготовки и переподготовки руководящих кадров в 1960–1980-е гг. Такими эффективными формами и методами являлись семинары передового опыта, наставничество, научно-практические конференции. Проблемы кадровой политики активно исследовали ученые нашей республики. Творческое использование исторического опыта может оказать большую помощь в осмыслении кадровой политики и формировании ее современного образа: новое вырастает из старого. Этот опыт способен подсказать эффективные формы и методы кадровой работы и в то же время обратить внимание на недостатки, упущения в этом важном деле.

Ключевые слова: кадровая политика, работа с кадрами, руководящие кадры, успешный опыт руководства и управления

Для цитирования. Бобков, В. А. Исторический опыт кадровой политики и кадровой работы (1960–1980-е гг.) / В. А. Бобков // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 151–157. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-151-157

U. A. Babkou

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

HISTORICAL EXPERIENCE IN PERSONNEL POLICY AND STAFFING IN 1960s – 1980s

Abstract. The purpose of the article is to present the richest historical experience of working with managerial personnel in Belarus during the Soviet and Post-Soviet periods and in doing so to recall mind of public authorities and economic entities to the subject. In this regard structural elements of personnel policy and personnel strategy, main forms and methods of training and retraining of managerial personnel over the 1960 to 1980 period are revealed. Seminars of advanced experience, mentoring, scientific and practical conferences were such effective forms and methods. All problems of personnel policy were actively examined and analyzed by scientists of our republic. Innovative use of historical experience can help with understanding of personnel policy and forming of its modern image: new grows from old. This experience can create a number of effective forms and methods of personnel work and at the same time it can pay attention to shortcomings, omissions in this matter of concernment.

Keywords: personnel policy, work with personnel, managerial personnel, successful experience in supervision and management

For citation. Babkou U. A. Historical experience in personnel policy and staffing in 1960s – 1980s. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series,* 2019, vol. 64, no. 2, pp. 151–157 (in Russian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-151-157

В современной научной и общественной среде проводится немало дискуссий о путях эффективного и устойчивого развития нашей страны. В центре внимания – чаще всего экономика и инновации. Конечно, это важнейшие направления на пути к повышению благосостояния наро-

© Бобков В. А., 2019

да. Но в полемике мы забываем еще один и, пожалуй, самый мощный ресурс общественного развития – **человеческий потенциал, кадры, в первую очередь кадры руководителей.** Очень точно выразился в свое время известный генералиссимус: «**Кадры решают все!».** Добавим: толковые кадры – тем более. В советское время считалось: 50 % успеха организации – это ее обеспеченность ресурсами, а вторая половина – в умелом руководстве. В классической геополитике не без основания считается, что **качество народа, его менталитет, качество организации и управления** – это фактор, превосходящий по своей силе вооружения. Советский Союз доказал это в годы Великой Отечественной войны на практике. Немецкая армия в начале войны во много раз превосходила советскую и количеством, и качеством оружия. Однако советский народ побеждал силой духа, единства, организацией, силой умения.

В российской и отечественной научной мысли сформировалось довольно четкое понимание государственной кадровой политики и слагаемых работы с кадрами. Кадровая политика была детально разработана в советское время и являлась идейной и организационной основой партийно-советского руководства (управления), основным рычагом влияния на всю жизнедеятельность страны. Это нашло отражение и в сталинском лозунге: «Кадры решают все». И в советское время, и сегодня мы понимаем, что государственная кадровая политика включает в себя ряд принципиальных установок, научно выверенных и обоснованных подходов, главных направлений по претворению в жизнь той стратегической линии, которую политическая власть проводит на конкретном историческом этапе.

Таким образом, **государственная кадровая политика – это политика государственной власти в области работы с кадрами, направленная на успешное решение намеченных тактических и стратегических задач общества.**

В современных условиях частного партнерства весьма важно разграничивать понятия «государственная кадровая политика» и «кадровая политика» вообще. В первом случае речь идет о политике в области кадров, которую намечает и проводит государство, влияя через кадры госслужащих на дела в государственном секторе управления. Во втором – имеется в виду кадровая политика предприятия, объединения, концерна, возможно, целой отрасли, если она не является государственной. Следовательно, в негосударственном секторе управления могут быть какие-то свои особые частности, в определенных деталях не совпадающие с установками «государственной кадровой политики» или дополняющие их, например, в деле подбора, расстановки, выдвижения (перемещения), обучения и воспитания кадров.

Дело в том, что для государственных служащих, работодателем которых является государство, законом установлен ряд запретов и правоограничений, что обусловлено самой спецификой их правового статуса. В негосударственном секторе общественно-экономической жизни механизмы кадровой политики и деятельности более широки, подвижны и многообразны, ибо они устанавливаются каждым субъектом общественно-экономической жизни самостоятельно, с учетом специфики производства и трудовой деятельности. И здесь в большей мере, чем в государственном секторе управления, кадровая политика зависит от общей и правовой культуры руководителей, нравственного микроклимата, царящего в конкретном трудовом коллективе, устоявшихся традиций и ряда других факторов.

Вместе с тем и в государственной, и в негосударственной сфере управления проблема заключается в том, чтобы выдвигать на руководящие посты таких работников, у которых бы теоретическая подготовка, профессиональные и политические знания, деловые и моральные качества сочетались с умением работать с людьми. В массовом сознании простых людей это ассоциируется с выдвижением руководителями тех работников, кто заслуживает более высокой должности благодаря **своим способностям** и в то же время избавлением от тех, кто делает карьеру не благодаря высоким личным качествам, а используя возможности зайти «с черного хода», т. е. при помощи коррупции, протекционизма, кумовства, подхалимажа и т. п. Подобные изъяны особенно заметны широкому кругу людей, если они допускаются в практическом осуществлении государственной кадровой политики, которая имеет открытый, публичный характер.

Но это вовсе не значит, что в негосударственной сфере может существовать полная анархия и стихия в кадровой политике и кадровой работе. Здесь главными регуляторами в формировании

кадровой политики должны выступать Конституция, Трудовой кодекс Республики Беларусь, установки и распоряжения директивных органов, руководителя организации, коллективный договор.

Естественно, что в практическом осуществлении кадровой политики особое значение имеют ее эффективность и успешность. Если кадровая политика не отражает в своем содержании главные направления работы по осуществлению политического курса власти, такая политика не может быть эффективной. Она страдает оторванностью от планов, намеченных властью, от практической жизни и не мобилизует кадры на решение поставленных задач.

Данное понимание кадровой политики представляет ее не как застывшую категорию с постоянным набором определенных норм, правил, целей, форм и методов работы с кадрами на все времена, а как живое дело, успех которого зависит от прочности связей со стратегическим курсом власти, с реальной практикой и потребностями жизни, наконец, прочности механизма власти и управления. Поэтому содержание кадровой политики должно естественным образом изменяться, приспосабливаясь к новым задачам, меняющейся действительности, к новым условиям жизни. Это требует творческого поиска форм и методов работы с кадрами, адекватных новому времени и новым задачам.

Вместе с тем многолетняя историческая практика свидетельствует, что кадровая политика бывает успешной и эффективной только в том случае, если она в то же время прочно опирается на **прежний опыт**, проверенный предшествующей жизнью. Поскольку, скажем, такие структурные элементы кадровой политики, как подбор руководителей на основе их деловых, профессиональных способностей, высоких морально-нравственных качеств, остаются неизменными во все времена. Или, например, существует необходимость сочетания опытных, «старых» кадров и молодых; формирования женской кадровой прослойки в среде руководителей; создания резерва кадров; повышения их квалификации; обучения и воспитания кадров. Изменяться должна лишь «начинка» этих и других элементов кадровой политики применительно к новым задачам и требованиям времени.

Понимание содержания кадровой политики открывает путь к ее умелому использованию в практической работе, что позволяет большим и малым трудовым коллективам добиваться постоянного успеха в государственном и в негосударственном секторах управления и хозяйствования. Здесь в качестве примера могут служить известные белорусские предприятия «Бабушкина крынка», «Савушкин продукт», агрокомбинат «Снов», «Амкодор».

Однако понимание содержания и важности кадровой политики еще не обеспечивает ее эффективности и успешности. И это тоже убедительно подтверждает современная белорусская действительность. Глава государства А. Г. Лукашенко в последнее время сформулировал ряд принципиальных требований к кадрам и в то же время высказал немало обоснованных претензий к руководителям различного уровня. Одним не хватает разворотливости, мобильности, умения; другим – смелости в принятии решений и ответственности; третьим – опыта и желания. Президент требует решительно избавляться от этих недостатков либо уступить должность более способным кадрам [1]. Еще более прозрачно требования к руководящим кадрам выражены при назначении новых руководителей Администрации Президента – Н. И. Кочановой и М. В. Рыженкова : «Кто может работать, хоть в 80 лет пусть приходит и работает, предлагает свои услуги. Я готов их принять. Если совсем молодой человек и способен – пожалуйста, приходите тоже. Место найдется» [2]. Немаловажно и такое требование к руководящим кадрам, как способность вырабатывать и аккумулировать самые передовые идеи [3].

Тем самым сформулированы основные принципы государственной кадровой политики в условиях инновационного развития страны: **профессионализм, работоспособность и способность к выработке самых передовых идей, неприемлемость механического омоложения кадров**. Практическая реализация этих и других принципов осуществляется на основе конкретных форм, методов работы с кадрами, стиля работы руководителей. И в этом отношении весьма полезно обратиться к богатейшему историческому опыту, накопленному в Беларуси.

Например, в 1970–1980-е гг., кроме системной подготовки и переподготовки кадров в ВПШ, Центральным комитетом КПБ были задействованы такие формы и методы работы, как **коллективное обучение на передовом опыте, наставничество, научно-практические конференции,**

семинары и др. Эти формы и методы работы были настолько привлекательными и успешными, что их копировали во многих странах Запада, а наставничество попросту позаимствовали у нас и назвали «коучингом».

Акцент Главы государства на том, что возраст не является преградой занять руководящий пост, – это новый элемент в современной кадровой политике. И большой интерес в этом плане представляют выводы известного ученого – директора НИИ нейрохирургии им. Бурденко, академика Российской академии наук, вице-президента Всемирной федерации нейрохирургических обществ А. А. Потапова: «Стареющий мозг, – отмечает он, – сейчас активно изучают нейробиологи, неврологи, цитологи. Уже сейчас ясно, что мозг лучше сохраняется, если им активно пользуются. Исследования показывают, что у людей умственного труда мозг более тренирован, адаптивен, пластичен. Более того, зрелый мозг способен решать задачи, с которыми не справляется мозг молодых людей, – он аккумулирует огромный объем знаний и поэтому чаще выдает блестящие озарения. Неслучайно на Востоке часто прислушиваются к мнению стариков» [4].

Автор данной статьи предпринял попытку ранжировать основные качества руководителя, на которые сегодня обращается внимание при выдвижении кадров, и качества, необходимые для успешной работы руководителя (таблица).

Ранжирование основных качеств руководителя
Arranging of basic qualities of the leader

Качества, на которые обращают внимание при выдвижении кадров:	Качества, необходимые для успешной работы руководителя:
1) возраст;	1) опыт;
2) знания;	2) профессионализм;
3) профессионализм;	3) знания;
4) морально-политическая зрелость;	4) деловитость + умение работать с людьми;
5) деловитость + умение работать с людьми;	5) чувство нового, опора на науку;
6) опыт;	6) морально-политическая зрелость;
7) чувство нового, опора на науку.	7) возраст.

Примечание. Таблица разработана автором.

Remarque. The table is worked out by the author.

Таким образом, если при подборе кадров делается основной упор на молодой возраст (1), то в работе, особенно масштабной, он оказывается на последнем месте (7). Поэтому очень правильно акцентирует внимание Глава государства на возрастном цензе работника.

Рассмотрим **обучение кадров на передовом опыте.** Оно имело две развитые формы: коллективную и индивидуальную (наставничество). Вспомним К. П. Орловского, В. Л. Бедулю, М. Ф. Лавриновича и многих других белорусских руководителей, которых почти в лицо знал весь Советский Союз. У каждого из них была своя школа учеников. Каждая такая школа наставничества имела свои характерные черты: стиль, деловитость, образ мышления – по подобию руководителя. А суть наставничества заключалась в том, что молодого руководителя направляли на неделю-месяц к опытному передовому руководителю. Прикомандированный следовал за ним, как тень, наблюдая за каждым его шагом, манерой общения с подчиненными и вышестоящим начальством, стилем работы, характером, умением решить поставленную задачу. И, как губка, впитывал все.

Наставничество применялось также для обучения и воспитания кадров массовых профессий. Вспомним Стаханова, на опыте и методах работы которого учились сотни, тысячи последователей во всей огромной советской стране. Многие из них затем превзошли своего учителя в ударном труде.

Наставничество – индивидуальная форма учебы. Не менее широко использовалось **коллективное обучение руководителей на семинарах передового опыта** в областях и районах Беларуси. Они были сродни нынешним республиканским семинарам, но это было не одно и то же. В советское время передовой опыт изучали в обязательном порядке: планово, регулярно и детально – в партийной, советской, профсоюзной, комсомольской, хозяйственной практике. В пере-

довую организацию систематически направлялись делегации с последующим отчетом: что видели, что позаимствовали, какие заметили недостатки и т.п.

Третья важная форма – **научно-практические конференции**. В 1970–1990-е гг. их планировали и ежегодно проводили райкомы, горкомы, раз в 2–3 года – обкомы партии. Можно признать, что не всегда они были высоконаучными. Однако к ним целый год готовились кадры, сверяли теорию с практикой, учились анализировать практическую работу, видеть в ней позитив и недочеты, критически относиться к ним и искать пути исправления. Для участия в таких конференциях обязательно приглашались ученые, что во многом создавало **сплав теоретических знаний и практического опыта**.

Научно-практические конференции проводились некоторыми органами исполнительной власти в 1990–2000-е гг. Примером является город Минск. Когда город возглавлял М. Я. Павлов, здесь проводились ежегодные, масштабные международные конференции, на которых присутствовали до 400 участников: ученые, руководители городских служб, мэры и вице-мэры городов со всего мира. Постоянными участниками конференций являлись академики НАН Беларуси П. Г. Никитенко, М. П. Костюк, Д. И. Широканов, А. Г. Мартыненко, М. А. Савицкий, Г. Г. Поплавский, В. В. Гниломедов, Г. М. Лыч, И. И. Лиштван и другие, на конференциях дискутировались внутригородские проблемы, стратегии развития города, место и роль Минска в мировом городском сообществе, стиль и методы управления минских руководителей.

Следует отметить, что М. Я. Павлов вообще не представлял себе принятия решения горисполкомом без глубокого научного изучения проблемы. Так, Минск в 2000-е гг. поднимал с колен строительный, транспортный комплекс, жилищно-коммунальное хозяйство. С приходом М. Я. Павлова были приняты Устав города, его символы – герб, флаг, гимн, организационная структура Минска, Стратегический план развития города. Активизировалось участие жителей столицы в решении городских проблем. Все это позволяло успешно справляться с хозяйственными, социальными и политическими задачами. М. Я. Павлов не успел реализовать одну из многих своих идей – **создать в Минске научно-образовательный комплекс, который бы занимался научными исследованиями и повышением квалификации городских руководящих кадров**.

Научно-практические конференции видятся сегодня и как путь к внедрению научных основ в управленческой и хозяйственной работе, и как средство осмысления новых задач в области модернизации, инновационного развития страны, области, города, района, села.

Пропаганда опыта. Когда исследуешь опыт работы с кадрами, то находишь целую плеяду героев своего времени, путь к успеху которых описан подробнейшим образом: формы, методы, стиль работы – бери и пользуйся этим опытом. О передовом опыте, наставничестве постоянно публиковались статьи в журналах, издавались тематические библиотечки, целые серии брошюр! И это не являлось какой-то показухой, формальностью, поскольку это была четкая и ясная позиция руководства республики: не изучаешь новшеств, не внедряешь их в собственную практику – ты плохой работник и будешь освобожден от должности.

Автор статьи по поручению ЦК КПБ изучал и обобщал опыт работы Брестского горкома партии, который возглавлял интереснейший человек – В. П. Самович. Он отличался большой эрудицией, широким кругозором, стремлением разобраться в деталях любого дела, умением работать с людьми, организованностью, системностью, принципиальностью и высокой личной скромностью, а труды Маркса и Ленина знал не хуже доктора наук.

Мало сказать, что Владимир Петрович интересовался передовым опытом партийной работы, он его внимательнейшим образом изучал, фильтровал, внедрял приглянувшееся в практику горкома и того же требовал от подчиненных. Характерен стиль его работы с подчиненными – он часто поручал им изучить статью или брошюру об опыте работы, а затем на совещании или семинаре коллективно обсуждали ее, дискутировали, договаривались, что взять на вооружение, а что – неприемлемо. На этих обсуждениях, дискуссиях росли горкомовские кадры и впоследствии выдвигались на работу в обком партии, в облисполком, первыми руководителями в трудовые коллективы.

Подобным образом набирались ума, опыта, деловой хватки многие молодые директора предприятий, председатели колхозов и директора совхозов, секретари партийных комитетов и председатели райисполкомов, министры.

В постсоветские годы значительно потерян такой золотник в руководящей, управленческой работе, **как научность, научный подход, научная организация труда**. В советское время вопрос о научном подходе органично содержался в ленинском стиле работы, составными частями которого были научность, коллективность и деловитость. Будущие руководители органов власти и трудовых коллективов приучались к научности со студенческой скамьи, изучая научную организацию труда. Тем самым у них вырабатывалась потребность в руководстве и управлении на основе научного подхода. Поэтому многие министерства, заводы, комбинаты, колхозы и совхозы имели тесные связи с научными институтами, проводили научные исследования в своих коллективах. Сегодня такие исследования – величайшая редкость, которая появляется благодаря высокому интеллекту и широкому кругозору руководителя коллектива.

В 1960–1980-е гг. проблемы работы с кадрами были одними из самых изучаемых учеными нашей республики: результаты исследований публиковались в монографиях, брошюрах, статьях, журналах и газетах. Их авторами были, наряду с учеными, партийные и государственные лидеры. В качестве примера можно привести коллективную монографию «Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве» (на материалах Компартии Белоруссии, 1959–1973 гг.), изданную в 1974 г. тиражом в 10 тысяч экземпляров. Авторами ее, кроме ученых, были второй секретарь ЦК КПБ А. Н. Аксенов, секретарь ЦК КПБ В. Ф. Мицкевич, заведующий отделом ЦК КПБ Я. А. Микулович, заместители заведующих отделами ЦК КПБ С. С. Моховиков и С. М. Пуцилев, секретарь Президиума Верховного Совета БССР Е. П. Чагина. Здесь проблемы подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров анализирует А. Н. Аксенов [5].

В 1970-е гг. у нас в республике сформировалась и научная школа кадровой политики, руководителем которой являлся автор данной статьи. Но в 1990–2000-е гг. из-за невостребованности исследований эта школа практически перестала существовать. В 2000-е гг. издано 4–5 учебников и учебных пособий, методических рекомендаций по проблемам кадровой политики и работы с кадрами [6–7], один сборник научных трудов [8]. Эти работы изданы в основном Академией управления при Президенте Республики Беларусь и носят учебный, методический и информационный характер.

К данной категории литературы можно отнести также тезисы докладов и выступлений на республиканской научной конференции «Государственная кадровая политика и современность» (Минск, 26 ноября 2002 г.) [9]. Следует отметить, что кадровая проблематика в определенной мере рассматривается в учебниках, учебных пособиях и статьях по управлению персоналом таких авторов, как Е. М. Бабосов, Н. П. Беляцкий, А. А. Брасс, Э. И. Горнаков, И. И. Ганчеренок и др. Исключением в данном отношении является глубокий научный анализ кадров внешнеэкономической деятельности, представленный в монографии «Беларусь в интеграционных проектах», выпущенной издательством «Беларуская навука» в 2011 г.

Все это свидетельствует, что научно-исследовательская работа по проблемам подбора, формирования состава, расстановки, обучения и воспитания руководящих кадров в наше время ослабла и требуется ее усиление. Научный анализ кадрового корпуса полезно бы провести в сфере промышленности, сельского хозяйства, медицины, науки, образования, государственной службы, что позволит оценить его современное состояние, определить болевые точки и принять меры к повышению качества и эффективности.

Историей Беларуси наработана обширная теоретическая база и эффективная практика сочетания многоопытных руководителей и молодых перспективных работников, где первым лицом в организации является опытный, зрелый руководитель, а молодой специалист – его заместителем. Серьезная теория и практика наработаны и в деле умелого сочетания мужской и женской прослойки в среде руководящих кадров и др.

Совершенствуя в наше время работу с кадрами, целесообразно положить в ее основу богатейший и эффективный исторический опыт подбора, расстановки, выдвижения, работы с резервом, обучения и воспитания работников. В обучении и воспитании кадров особый интерес представляет наставничество, семинары передового опыта, научные конференции.

Не менее важной представляется разработка теоретико-методологических основ современной кадровой политики и стратегии, а также работа по исследованию деятельности директивных

органов государства в сфере кадров, **изучению и внедрению в практику современного успешного опыта руководства и управления: форм, методов, стиля работы**.

Такой могучий ресурс общественного прогресса, как кадры, необходимо активно использовать в условиях масштабных задач текущего пятилетия. Причем современный уровень развития информационных технологий предоставляет в осуществлении кадровой политики, в работе с кадрами значительно более широкие технологические возможности по сравнению с прошлым временем.

Список использованных источников

1. Крят, Д. Кто ищет – тот находит : [о совещ. у Президента Беларуси А. Г. Лукашенко по вопр. развития экономики] / Д. Крят // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 17 февр. – С. 1–2.

2. Наталья Кочанова назначена главой Администрации Президента, Максим Рыженков назначен первым заместителем главы Администрации Президента // СБ. Беларусь сегодня. – 2016. – 22 дек. – С. 1–2.

3. Кононович, Е. В оптимальном режиме : [о совещ. по вопр. оптимизации Администрации Президента Беларуси] / Е. Кононович // СБ. Беларусь сегодня. – 2017. – 7 февр. – С. 3.

4. Потапов, А. Всему голова. Зрелый мозг чаще выдает озарения / А. Потапов // Аргументы и факты в Беларуси. – 2015. – 20 янв. – С. 3.

5. Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (на материалах Компартии Белоруссии, 1959 – 1973 гг.) / А. Н. Аксенов [и др.] ; редкол.: А. Н. Аксенов [и др.]. – Минск : Беларусь, 1974. – 432 с.

6. Вечер, Л. С. Государственная кадровая политика и государственная служба : практикум / Л. С. Вечер. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 278 с.

7. Березина, Н. С. Государственная кадровая политика, теория и практика государственного управления : пособие / Н. С. Березина, Е. И. Широкая, В. И. Яковчук. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2010. – 95 с.

8. Совершенствование системы формирования кадрового потенциала государственных органов и иных государственных организаций в условиях инновационного развития Республики Беларусь : сб. науч. тр. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, Науч.-исслед. ин-т теории и практики гос. упр. ; под ред. С. А. Самаля. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014. – 186 с.

9. Государственная кадровая политика и современность : тез. докл. и выступлений на респ. науч. конф., Минск, 26 нояб. 2002 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2002. – 99 с.

References

1. Kryat D. He who seeks finds. *SB. Belarus' segodnya* [SB. Belarus today], 2016, February 17, pp. 1–2 (in Russian).

2. Natalia Kochanova was appointed head of the Presidential Administration; Maxim Ryzhenkov was appointed first deputy head of the Presidential Administration. *SB. Belarus' segodnya* [SB. Belarus today], 2016, December 22, pp. 1–2 (in Russian).

3. Kononovich E. Optimally. *SB. Belarus' segodnya* [SB. Belarus today], 2017, February 7, pp. 3 (in Russian).

4. Potapov A. All over the head. Mature brain often gives insights. *Argumenty i fakty v Belarusi* [Arguments and Facts in Belarus], 2015, January 20, pp. 3 (in Russian).

5. Aksenov A. N., Bobkov V. A., Korshuk V. K., Mitskevich V. F., Mikulovich Ya. A., Moliboshko V. A., Mokhovikov S. S., Putsilev S. M., Chagina E. P. *The growing leadership role of the party in communist construction (based on materials of the Communist Party of Belarus, 1959–1973).* Minsk, Belarus' Publ., 1974. 432 p. (in Russian).

6. Vecher L. S. *State personnel policy and public service*. Minsk, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, 2008. 278 p. (in Russian).

7. Berezina N. S., Shirokaya E. I., Yakovchuk V. I. *State personnel policy, theory and practice of public administration*. Minsk, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, 2010. 95 p. (in Russian).

8. Samal' S. A. (ed.) *Improving the system of forming the personnel potential of state bodies and other state organizations in the context of the innovative development of the Republic of Belarus: a collection of scientific papers*. Minsk, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, 2014. 186 p. (in Russian).

9. *State personnel policy and modernity: theses of reports and speeches at the republican scientific conference, Minsk, November 26, 2002*. Minsk, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, 2002. 99 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бобков Владимир Андреевич – член-корреспондент, доктор исторических наук, профессор. Белорусский национальный технический университет (пр. Независимости, 65, корп. 1, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: bobkov@open.by

Information about the author

Uladzimir A. Babkou – Corresponding Member, D. Sc. (Hist.), Professor, Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosty Ave., Bldg 1, Minsk 220013, Belarus). E-mail: bobkov@open.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 355.23(091)(043.3)
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-158-165

Поступила в редакцию 06.02.2018
Received 06.02.2018

С. А. Савик

Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ДЛЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1995–2015 гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории создания, становления и развития командно-штабного факультета в Военной академии Республики Беларусь по подготовке офицеров оперативно-тактического уровня в период 1995–2015 гг. Отмечено, что необходимость создания белорусской Военной академии для подготовки национальных военных кадров с высшим военным образованием была обусловлена как экономическими, так и политическими причинами. В мае 1995 г., согласно Указу Президента Республики Беларусь, была создана Военная академия Республики Беларусь. Одновременно с созданием Военной академии в ее структуре организуется командно-штабной факультет для подготовки офицеров оперативно-тактического звена управления с высшим военным образованием. С организацией Военной академии подготовка офицерских кадров в ее стенах (1995–2015 гг.) постоянно развивалась и совершенствовалась. Открытие в структуре Военной академии факультета Генерального штаба Вооруженных Сил (2006 г.) завершило создание полного цикла белорусской высшей военной школы в национальной системе военного образования. Автор делает вывод о том, что созданная национальная военная школа по подготовке офицерских кадров – это предмет гордости, пример успешного решения собственными силами стоящих перед Беларусью сложных задач на пути отстаивания своего суверенитета и независимости.

Ключевые слова: Республика Беларусь, вооруженные силы, подготовка офицерских кадров, военное образование, военно-учебные заведения, высшая военная школа, военная академия, командно-штабной факультет, факультет Генерального штаба, оперативно-тактический уровень

Для цитирования. Савик, С. А. Подготовка офицеров оперативно-тактического уровня для Вооруженных Сил Республики Беларусь (1995–2015 гг.) / С. А. Савик // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 158–165. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-158-165

S. A. Savik

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

TRAINING OF TACTICAL LEVEL OFFICERS FOR THE ARMED FORCES OF THE REPUBLIC OF BELARUS (1995–2015)

Abstract. The article is devoted to the history of foundation, formation and development of Command and Staff Department at the Military Academy of the Republic of Belarus for training tactical level officers during 1995–2015. It is noted that the need of creation of the Belarusian Military academy for preparation of national military cadres with higher military education was caused by both economic and political reasons. In May 1995, according to the Presidential decree of the Republic of Belarus, the Military academy of the Republic of Belarus was created. Along with creation of Military academy the Command and Staff Department for training of operational-tactical level officers with the higher military education is organized in its structure. After the Military academy was created preparation of officer ranks within its walls (1995–2015) developed and improved constantly. Opening in structure of the Military academy of the General Staff Department of Armed Forces (2006) has finished creation of a full cycle of the Belarusian higher military school in the national system of military education. The author draws the conclusion that the created national military school in Belarus provides training for officers and it is a source of pride, an example of the successful decision made using its own resources to get around the problems that Belarus can face in the way of upholding of the sovereignty and independence.

Keywords: Republic of Belarus, armed forces, training for officers, military education, military educational institutions, higher military school, military academy, command and staff department, general staff department, tactical level

For citation. Savik S. A. Training of tactical level officers for the armed forces of the Republic of Belarus (1995–2015). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 158–165 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-158-165

© Савик С. А., 2019

Введение. В белорусской историографии тема «Подготовка офицеров оперативно-тактического уровня для Вооруженных Сил Республики Беларусь (1995–2015 гг.)[1]» относится к числу недостаточно изученных. Некоторые проблемы, относящиеся к данной тематике, выделены небольшими фрагментами в научных работах Л. С. Мальцева [1, с. 89–92, 94–95, 112–117; 2, с. 58–59], И. А. Мисурагина [3, с. 23–24], В. М. Пташника [4, с. 51–60], С. В. Бобрикова [5, с. 194–195] и др.

Отдельные публикации, в основном в ведомственном издании «Белорусская военная газета», о деятельности командно-штабного факультета Военной академии носят (в том числе в последнее время)[2], как правило, информационный характер, глубокие аналитические работы по данной тематике отсутствуют.

Целью работы является раскрытие основных причин организации подготовки национальных военных кадров с высшим военным образованием в Беларуси, а также показ достигнутых результатов в подготовке офицеров оперативно-тактического уровня в период 1995–2015 гг.

Основная часть. В создании и развитии современной белорусской национальной высшей военной школы по подготовке офицеров оперативно-тактического уровня для Вооруженных Сил Республики Беларусь можно выделить три периода[3].

В течение первого периода (1991–1994 гг.) для расширения спектра подготовки офицеров тактического уровня узкопрофильные военные вузы были преобразованы в многопрофильные. К данному периоду относятся также попытки создания национальной Военной академии и организация подготовки в ней офицеров оперативно-тактического уровня с высшим военным образованием. Все эти преобразования проходили как составная часть общего глубокого реформирования всей военной организации государства, связанной с необходимостью создания в начале 1990-х гг. собственных Вооруженных Сил Беларуси [8].

Исторически сложилось так, что после распада Советского Союза на территории Республики Беларусь остались два военных училища, осуществлявших подготовку офицерских кадров: Минское высшее инженерное зенитное ракетное училище ПВО (МВИЗРУ) и Минское высшее военно-политическое общевойсковое училище (МВВПОУ), которые впоследствии явились фундаментом для создания образовательной системы военного ведомства Беларуси. Данные училища осуществляли подготовку офицеров тактического уровня с высшим военно-специальным и средним военным образованием. Два военных училища готовили военные кадры по узкопрофильным специальностям (всего 5: МВИЗРУ – 4, МВВПОУ – 1).

Этого было явно недостаточно. В результате руководством республики были приняты конкретные меры, направленные на преобразование и перепрофилирование МВВПОУ в Минское высшее военно-командное училище (МВВКУ) со специализацией по подготовке офицеров командного профиля, а МВИЗРУ – в Минское высшее военное инженерное училище (МВВИУ) со специализацией по подготовке офицеров по инженерно-техническим специальностям.

В течение 1992/1993 учебного года на основании постановления Совета Министров «О подготовке офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь» в обоих училищах была проделана огромная работа по их перепрофилированию, а если детально оценить масштабы этой деятельности, то можно говорить фактически о создании новых училищ [9, с. 69].

---

[1] Традиционно, начиная с Вооруженных Сил СССР и далее после развала СССР, в некоторых вооруженных силах СНГ, в том числе в России и Беларуси, сложилась трехуровневая система подготовки офицерских кадров. На первом уровне готовят офицеров тактического уровня с высшим военно-специальным и средним военным образованием на соответствующих профилю обучения факультетах военных училищ или (как в Беларуси начиная с 1995 г.) военной академии. На втором уровне – офицеров оперативно-тактического уровня с высшим военным оперативно-тактическим образованием в военных академиях. На третьем уровне – офицеров стратегического и оперативно-стратегического уровней с высшим военным оперативно-стратегическим (стратегическим) образованием в академии Генерального штаба (в Беларуси начиная с 2006 г. на факультете Генерального штаба Вооруженных Сил в Военной академии Республики Беларусь).

[2] Публикации Д. Лобашова «Кузница армейских профессионалов» («Белорусская военная газета» от 15 мая 2015 г.) [6, с. 4–5], Г. Потапова «КШФ начал готовить магистров управления» («Белорусская военная газета» от 3 сентября 2015 г.) [7, с. 7].

[3] Первый период подготовительный (1991–1994 гг.), второй – создания и становления (1995–2006 гг.), третий – развития и совершенствования (2007–2015 гг.).

Так, в МВВКУ было создано восемь новых кафедр по девяти специальностям, а с 1 сентября 1993 г. в училище началась подготовка офицеров для пограничных и внутренних войск [10, с. 2].

Если раньше в МВИЗРУ (до перепрофилирования в 1992 г.) готовили специалистов по четырем специальностям для зенитно-ракетных войск, то в 1993 г. в МВВИУ – уже по 24 специальностям. Здесь было создано три новых кафедры: авиационного оборудования и вооружения, ракетно-артиллерийского вооружения, радиокосмической и тропосферной связи [11, с. 2].

Но и эти меры не обеспечили гарантированной подготовки специалистов всех уровней. Уже с начала 1993 г. в Вооруженных Силах Республики Беларусь остро встал вопрос о подготовке офицерских кадров оперативно-тактического звена с высшим военным образованием. Данная категория офицеров готовилась в этот период за пределами республики: в основном в военных академиях Министерства обороны Российской Федерации.

Решение же этих проблем путем организации подготовки военных кадров только за рубежом оказалось экономически нецелесообразным. Так, в 1993 г. обучение одного офицера в Российской Федерации в месяц обходилось в 350 долл., планировалось в 1994 г. – в 450 долл., а уже в 1995 г. – в три раза больше (1350 долл.) [12, с. 2].

Кроме того, в начале 90-х гг. XX в. в ряде военно-учебных заведений России были предприняты попытки осуществлять подготовку белорусских военнослужащих на спецфакультетах в группах вместе с иностранными военными специалистами [1, с. 90].

В июне 1993 г. Председатель Совета Министров Республики Беларусь В. Ф. Кебич, выступая перед руководящим составом Вооруженных Сил, поручил Министерству обороны проработать вопрос о создании белорусской Военной академии, в которой будут готовиться военные кадры старшего и высшего руководящего состава. Была также поставлена конкретная задача: к концу первого квартала 1994 г. завершить все эксперименты и утвердить организационно-методическую структуру Вооруженных Сил Республики Беларусь и военно-учебных заведений [13, с. 1–2].

Одновременно впервые был поставлен вопрос о возможной подготовке на территории Республики Беларусь не только офицеров оперативно-тактического, но и оперативно-стратегического звена.

Однако организационная работа по созданию реально действующей Военной академии, начавшаяся в октябре 1993 г., была по существу свернута к середине лета 1994 г. Планировалось создать Военную академию на базе МВВКУ: было издано соответствующее постановление Совета Министров № 723 от 22 октября 1993 г. «Об образовании Военной академии Вооруженных Сил Республики Беларусь» [14, с. 94–95], создана рабочая группа, однако планы оказались нереализованными.

Несомненно, указанные проблемы, на наш взгляд, были обусловлены ошибками и просчетами в организации военного строительства. Только с избранием Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Беларуси была создана эффективно действующая система государственного управления, сохранены и укреплены структуры обеспечения национальной безопасности и обороноспособности, особое внимание обращено на развитие системы военного образования [2, с. 59].

В начале второго периода (1995–2006 гг.) в мае 1995 г., согласно Указу Главы государства, была создана Военная академия Республики Беларусь [15, с. 45−46]. Одновременно с созданием Военной академии в ее структуре организуется командно-штабной факультет (далее – КШФ) для подготовки офицеров оперативно-тактического звена управления с высшим военным образованием.

За несколько месяцев (июнь–август 1995 г.) предстояло проделать огромную организаторскую работу к началу занятий 1 сентября 1995 г. На КШФ пригласили генералов и офицеров запаса, которые после увольнения с военной службы остались проживать в Минске.

Кафедру оперативного искусства, например, возглавил опытный военачальник – начальник штаба Главного командования войск Западного направления (1988–1991 гг.) Вооруженных Сил СССР, доцент, почётный член Академии военных наук Российской Федерации, генерал-полковник запаса В. С. Соколов.

Из высших военных учебных заведений России были отозваны слушатели, проучившиеся там один-два года, и с 1 сентября 1995 г. они продолжили обучение в стенах белорусской Военной академии. С этого же времени началась подготовка офицеров-слушателей первого набора на КШФ.

Примечательно, что на торжественной церемонии открытия факультета присутствовал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [16, с. 1].

Первым начальником факультета (июль – 4 августа 1995 г.) был назначен генерал-майор Р. С. Слабошевич. В последующем факультетом руководили полковники С. С. Смольский (4 августа 1995 г. – февраль 1996 г.), В. Н. Чичко (апрель 1996 г. – март 2001 г.). С апреля 2001 по 2007 г. факультет возглавлял генерал-майор Н. В. Минаев [17, л. 5–38].

В 1995 г. организационно факультет состоял из управления, двух кафедр (военного искусства и управления войсками и службы штабов), трех курсов слушателей.

В структуру факультета до 2004 г. входили курсы повышения квалификации: высшие академические курсы по подготовке офицеров оперативного и оперативно-тактического звеньев управления Вооруженных Сил, курсы переподготовки офицеров военных комиссариатов и мобилизационных органов, а также подготовительные курсы по подготовке кандидатов для поступления на КШФ. На базе данных курсов в начале 2004 г. в Военной академии был создан факультет повышения квалификации и переподготовки кадров [17, л. 22].

В 1996 г. диплом об окончании КШФ получили первые 9 офицеров – граждан Беларуси, которые начинали обучение в Российской Федерации, а заканчивали у себя на Родине. Из них двое удостоены золотых медалей (подполковники С. В. Зась[1] и А. Я. Разин). В 1997 г. КШФ окончили 8 офицеров [18, л. 2–5].

Летом 1998 г. состоялся первый официальный в Республике Беларусь выпуск 61 офицера с высшим военным образованием: 12 человек получили диплом с отличием, а 6 офицеров (подполковники И. В. Кошляк, А. В. Чернышев, М. В. Пузиков, В. С. Сахащик, майоры В. А. Хвесько, О. А. Тупик) стали обладателями золотых медалей [18, л. 6].

За период с 1996 по 2006 г. командно-штабной факультет окончили 820 офицеров, 158 из них получили диплом с отличием, 58 удостоены золотых медалей [18, л. 1–41].

В июле 2006 г. в состав КШФ была введена кафедра технического обеспечения (слушателей) [17, л. 36]. Сроки обучения на КШФ составляли с 1995 по 2002 г. – 2,5 года, а с 1 сентября 2003 г. – 2 года [17, л. 5–63].

В дальнейшем, в соответствии с принятыми Концепцией национальной безопасности государства (2001 г.) [19], Военной доктриной (2002 г.) [20], а также утвержденными Президентом Республики Беларусь в ноябре 2001 г. Программой завершения реформирования Вооруженных Сил на 2001−2005 гг., Планом их строительства до 2006 г., в Военной академии были разработаны мероприятия по совершенствованию подготовки офицерского состава, утвержден План реформирования Военной академии до 2005 г. [1, с. 114].

На завершающей стадии второго периода были созданы условия для подготовки офицеров оперативно-стратегического и стратегического звеньев, организация которой в 2006 г. завершила создание национальной высшей военной школы полного цикла, обеспечивающей Вооруженные Силы Республики Беларусь военными кадрами всех уровней [21, с. 7].

В течение третьего периода (2007–2015 гг.), в соответствии с утвержденными Президентом страны Концепцией развития Вооруженных Сил до 2020 г., Планами строительства и развития Вооруженных Сил на 2006–2010 гг. и на 2011–2015 гг., новой редакцией Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [22], происходит дальнейшее развитие и совершенствование подготовки офицерских кадров в Военной академии на всех уровнях, в том числе и оперативно-тактическом.

В июне 2010 г. в составе КШФ создается кафедра оперативного искусства и тактики (ВВС и войск ПВО, слушателей) [17, л. 45].

---

[1] Указом Президента Республики Беларусь от 4 ноября 2015 г. № 452 генерал-майор С. В. Зась был назначен Государственным секретарем Совета Безопасности Республики Беларусь.

К концу 2015 г. в состав КШФ Военной академии организационно входили управление факультета, кафедра тактики (соединений и частей, слушателей), кафедра управления войсками и службы штабов, кафедра технического обеспечения (слушателей), кафедра оперативного искусства и тактики (ВВС и войск ПВО, слушателей), а также 1-й и 2-й курсы слушателей [17, л. 62–63].

С апреля 2007 по 2009 г. КШФ возглавлял полковник А. В. Попенко, с 2009 по 2014 г. – полковник С. Э. Потапов, а с 2014 по июль 2017 г. – полковник Д. А. Михолап [17, л. 38–63][1].

С 2008 г. на факультете приступили к обучению офицеров иностранных государств.

С 1 сентября 2015 г. подготовка слушателей КШФ по специальностям осуществляется в рамках магистратуры с углубленной подготовкой специалистов (вторая ступень высшего образования) с присвоением степени «магистр управления» [7][2].

В разные годы основу профессорско-преподавательского состава составляли генералы и офицеры с богатейшим опытом военной службы. Среди них генерал-полковник в отставке В. С. Соколов, генерал-лейтенанты в отставке В. Т. Шевцов, А. М. Калинин, генерал-майоры в отставке Г. А. Ковалёв, В. М. Трубачёв, Л. А. Цудиков, В. Т. Осипов, генерал-майоры запаса М. И. Каурин, Н. В. Минаев и другие. Многие преподаватели имеют и боевой опыт [6].

Профессорско-преподавательский состав факультета принимает активное участие в научной работе. Только за период с 2011 по 2015 г. разработано 12 учебников, 8 монографий и 37 учебных пособий с грифом Министерства обороны, выполнено более 20 научно-исследовательских работ [6].

Всего с 1996 по 2015 г. КШФ выпустил около двух тысяч офицеров с высшим военным образованием для Вооруженных Сил и других силовых ведомств нашей страны, а также несколько десятков офицеров для армий иностранных государств [6].

Количество выпускников КШФ за период с 1996 по 2015 г. представлено в таблице.

Количество выпускников КШФ за период с 1996 по 2015 г.

The number of graduates of CSD (command and staff department) from 1996 till 2015.

Годы	Всего выпускников	Окончили с дипломом с отличием	Из них окончили с золотой медалью
1996	9	4	2
1997	8	–	–
1998	61	18	6
1999	104	26	10
2000	82	23	3
2001	85	20	7
2002	107	31	4
2003	80	29	6
2004	133	43	12
2005	63	14	3
2006	88	32	5
Всего за 1996–2006 гг.	**820, или 100 %**	**240, или 29,3 %**	**58, или 7,1 %**
2007	93	37	3
2008	84	20	3
2009	82	24	4
2010	115	37	8
2011	161	39	8

[1] В результате проводимой в первой половине 2017 г. работы по оптимизации организационно штатной структуры Военной академии КШФ вошел в состав факультета Генерального штаба Вооруженных Сил. Согласно директиве Министра обороны Республики Беларусь, с 1 августа 2017 г. факультет Генерального штаба Вооруженных Сил осуществляет подготовку офицеров оперативно-стратегического и оперативно-тактического уровней.

[2] В 2017 г. слушатели КШФ (набор 2015 г.) стали первыми выпускниками факультета, которым присвоена степень «магистр управления».

Окончание таблицы

Годы	Всего выпускников	Окончили с дипломом с отличием	Из них окончили с золотой медалью
2012	130	48	10
2013	129	45	12
2014	112	28	12
2015	96	21	5
Всего за 2007–2015 гг.	**1 002, или 100 %**	**299, или 29,8 %**	**65, или 6,5 %**
Всего за 1995–2015 гг.	**1822, или 100 %**	**539, или 29,6 %**	**123, или 6,8 %**

Примечание. Составлено автором по: Текущий архив Военной академии Республики Беларусь. Раздел III: Учебно-воспитательный процесс. Состояние воинской дисциплины [18, л. 1–118]; % – проценты от общего количества выпускников.

О профессиональном уровне выпускников свидетельствует тот факт, что 539 офицеров окончили факультет с дипломом с отличием (или 29,6 %), из них 123 – с золотой медалью (или 6,8 %). Четыре выпускника факультета впоследствии стали докторами наук (полковники В. К. Синявский – 2006 г., А. В. Лебедкин – 2008 г., И. К. Мурзич – 2009 г., Н. Е. Бузин – 2010 г.), 33 – кандидатами наук.

В настоящее время выпускники факультета занимают руководящие должности в Вооруженных Силах и других силовых структурах Республики Беларусь, командуют объединениями, соединениями и воинскими частями. Более 20 выпускников командно-штабного факультета имеют высшие офицерские звания [7].

Например, выпускник КШФ 1998 г. генерал-майор В. И. Денисенко в январе 2014 г. назначен командующим силами специальных операций Вооруженных Сил. Выпускник КШФ 1999 г., генерал-майор О. А. Белоконев в январе 2014 г. назначен начальником Генерального штаба Вооруженных Сил – первым заместителем Министра обороны Республики Беларусь. Ранее, выпускник КШФ 2001 г., генерал-майор О. Н. Двигалев в сентябре 2012 г. стал командующим ВВС и ПВО Вооруженных Сил Республики Беларусь[1].

В ноябре 2014 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко назначил генерал-майора (генерал-лейтенант с 7 мая 2015 г.) А. А. Равкова (выпускник КШФ 1999 г.) Министром обороны Республики Беларусь.

Следует отметить, что для КШФ Военной академии выпуск 2015 г. стал юбилейным – двадцатым. По результатам контрольных испытаний – государственных экзаменов и защиты дипломных работ – из 96 выпускников 21 офицер получил диплом с отличием, из них пятеро слушателей удостоены золотых медалей. Для вооруженных сил Армении, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Демократической Республики Конго подготовлено 11 слушателей и 14 магистров.

Заключение. Необходимость создания белорусской Военной академии для подготовки национальных военных кадров с высшим военным образованием была обусловлена как экономическими, так и политическими причинами. Созданная в мае 1995 г., реально действующая (после неудачных попыток в октябре 1993 г. и марте 1994 г.) на базе МВВИУ и МВВКУ Военная академия стала основным источником подготовки и пополнения офицерских кадров для Вооруженных Сил страны. С организацией Военной академии подготовка офицерских кадров в ее стенах (1995–2015 гг.) постоянно развивалась и совершенствовалась. Открытие в структуре Военной академии факультета Генерального штаба Вооруженных Сил (2006 г.) завершило создание полного цикла белорусской высшей военной школы в национальной системе военного образования. Созданная национальная военная школа по подготовке офицерских кадров – это предмет гордости, пример успешного решения собственными силами стоящих перед Беларусью сложных задач на пути отстаивания своего суверенитета и независимости.

[1] В июле 2017 г. О. Н. Двигалев назначен председателем Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Мальцев, Л. С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: история и современность / Л. С. Мальцев. – Минск : Асобны дах, 2003. – 245 с.

2. Мальцев, Л. С. Система подготовки офицерских кадров в Вооруженных Силах Республики Беларусь: актуальные вопросы функционирования и направления совершенствования / А. Л. Мальцев // Проблемы управления. – 2009. – № 3 (32). – С. 58–66.

3. Мисурагин, И. А. К вопросу подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь с учетом развития военного искусства / И. А. Мисурагин // Наука и воен. безопасность. – 2003. – № 1. – С. 22–25.

4. Пташник, В. М. Вооруженные Силы Республики Беларусь: формирование и реформирование (1991–2000 гг.) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В. М. Пташник. – Минск, 2005. – 131 л.

5. Военная школа Беларуси: традиции и современность / С. В. Бобриков [и др.] ; редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.] ; Воен. акад. Респ. Беларусь. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2010. – 376 с.

6. Лобашов, Д. Кузница армейских профессионалов [Электронный ресурс] / Д. Лобашов // Белорус. воен. газ. Во славу Родины. – 2015. – 15 мая. – Режим доступа: http://vsr.mil.by/2015/05/15/kuznica-armejskix-professionalov/. – Дата доступа: 20.12.2015.

7. Потапов, Г. КШФ начал готовить магистров управления [Электронный ресурс] / Г. Потапов // Белорус. воен. газ. Во славу Родины. – 2015. – 3 сент. – Режим доступа: http://vsr.mil.by/2015/09/03/kshf-nachal-gotovit-magistrov-upravleniya/. – Дата доступа: 20.11.2015.

8. О Вооруженных Силах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1904-XП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 июля 2002 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь, 1992 г., № 28, ст. 495 ; Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 87. – 2/884.

9. О подготовке офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 июня 1992 г., № 333 // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1992. – № 16. – Ст. 294.

10. Важник, А. Лучшим погоны на плечи / А. Важник // Во славу Родины. – 1993. – 1 сент. – С. 2.

11. Сычев, П. Настроение у всех боевое / П. Сычев // Во славу Родины. – 1993. – 1 сент. – С. 2.

12. Гарелая, И. Появятся ли у нас свои полководцы с помощью Военной академии? / И. Гарелая // Рэспубліка. – 1994. – 4 мая. – С. 2.

13. Кебич, В. Реформирование войск на переходном этапе / В. Кебич // Во славу Родины. – 1993. – 24 июня. – С. 1–2.

14. Об образовании Военной академии Вооруженных Сил Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 окт. 1993 г., № 723 // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1993. – № 30. – Ст. 591.

15. О создании Военной академии Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 мая 1995 г., № 192 // Собр. Указов Президента и постановлений Кабинета Министров Респ. Беларусь. – 1995. – № 15. − Ст. 332.

16. Лукашенко, А. Военная академия – мозг и душа армии / А. Лукашенко // Во славу Родины. – 1995. – 5 сент. – С. 1.

17. Текущий архив Военной академии Республики Беларусь (ТА ВА РБ). – Д. 1. Исторический формуляр Военной академии Республики Беларусь. 17 мая 1995 г. – Разд. I. История организационного строительства части. – Л. 1–63.

18. Текущий архив Военной академии Республики Беларусь (ТА ВА РБ). – Д. 1. Исторический формуляр Военной академии Республики Беларусь. 17 мая 1995 г. – Разд. III. Учебно-воспитательный процесс. Состояние воинской дисциплины. – Л. 1–118.

19. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2001 г., № 390 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 69. – 1/2852.

20. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2002 г., № 74-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 6. – 2/826.

21. О внесении дополнений и изменений в Указ Президента Республики Беларусь, 25 марта 2003 г., № 127 : Указ Президента Респ. Беларусь, 22 марта 2006 г., № 178 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 52. – 1/7384.

22. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.

References

1. Mal'tsev L. S. *Armed Forces of the Republic of Belarus: history and modernity.* Minsk, Asobny dakh Publ., 2003. 245 p. (in Russian).

2. Mal'tsev L. S. The system of training officers in the Armed Forces of the Republic of Belarus: topical issues of functioning and areas of improvement. *Problemy upravleniya* [Problems of Management], 2009, no. 3 (32), pp. 58–66 (in Russian).

3. Misuragin I. A. On the issue of training officer personnel for the Armed Forces of the Republic of Belarus, taking into account the development of military art. *Nauka i voennaya bezopasnost'* [Science and Military Security], 2003, no. 1, pp. 22–25 (in Russian).

4. Ptashnik V. M. *Armed Forces of the Republic of Belarus: the formation and reform (1991–2000).* Ph. D. Thesis. Minsk, 2005. 131 p. (in Russian).

5. Bobrikov S. V., Bamburov V. F., Bugrenko Yu. P., Sivakov L. G., Stepanyan E. V. *Military school of Belarus: traditions and modernity.* Minsk, Belaruskaya Entsyklapedyya Publ., 2010. 376 p. (in Russian).

6. Lobashov D. Forge army professionals. *Belorusskaya voennaya gazeta. Vo slavu Rodiny* [Belarusian military newspaper. To the glory of the motherland], 2015, May 15. Available at: http://vsr.mil.by/2015/05/15/kuznica-armejskix-professionalov/ (accessed 20.12.2015) (in Russian).

7. Potapov G. CSF began to prepare Masters of Management. *Belorusskaya voennaya gazeta. Vo slavu Rodiny* [Belarusian military newspaper. To the glory of the motherland], 2015, September 3. Available at: http://vsr.mil.by/2015/09/03/kshf-nachal-gotovit-magistrov-upravleniya/ (accessed 20.12.2015) (in Russian).

8. About Armed Forces of the Republic of Belarus: Law Republic of Belarus, 3 November 1992, no. 1904-XII. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Supreme Council of the Republic of Belarus], 1992, no. 28, art. 495; *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2003, no. 87, 2/884 (in Russian).

9. About training of officers for the Armed Forces of the Republic of Belarus: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of June 3, 1992, no. 333. *Sobranie postanovlenii Pravitel'stva Respubliki Belarus'* [Collection of resolutions of the Government of the Republic of Belarus], 1992, no. 16, art. 294 (in Russian).

10. Vazhnik A. Best shoulder straps on shoulders. *Vo slavu Rodiny* [To the glory of the motherland], 1993, September 1, p. 2 (in Russian).

11. Sychev P. Everyone's mood is fighting. *Vo slavu Rodiny* [To the glory of the motherland], 1993, September 1, p. 2 (in Russian).

12. Garelaya I. Will we have our own generals with the help of the Military Academy? *Respublika* [Republic], 1994, May 4, p. 2 (in Russian).

13. Kebich V. Reforming troops in transition. *Vo slavu Rodiny* [To the glory of the motherland], 1993, June 24, p. 1–2 (in Russian).

14. About formation of the Military Academy of the Armed Forces of the Republic of Belarus: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of October 22, 1993, no. 723. *Sobranie postanovlenii Pravitel'stva Respubliki Belarus'* [Collection of resolutions of the Government of the Republic of Belarus], 1993, no. 30, art. 591 (in Russian).

15. About establishment of the Military Academy of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus, May 17, 1995, no. 192. *Sobranie Ukazov Prezidenta i postanovlenii Kabineta Ministrov Respubliki Belarus'* [Collection of Presidential decrees and resolutions of the Cabinet of Ministers of the Republic of Belarus], 1995, no. 15, art. 332 (in Russian).

16. Lukashenko A. Military academy – the brain and soul of the army. *Vo slavu Rodiny* [To the glory of the motherland], 1995, September 5, p. 1 (in Russian).

17. *The current archive of the Military Academy of the Republic of Belarus*. D. 1. Historical form of the Military Academy of the Republic of Belarus. May 17, 1995. Section I. History of organizational construction parts. L. 1–63 (in Russian).

18. *The current archive of the Military Academy of the Republic of Belarus*. D. 1. Historical form of the Military Academy of the Republic of Belarus. May 17, 1995. Section III. The educational process. The state of military discipline. L. 1–118 (in Russian).

19. About approval of the Concept of National Security of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus, July 17, 2001, no. 390. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2001, no. 69, 1/2852 (in Russian).

20. About approval of the Military Doctrine of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, January 3, 2002, no. 74-З. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2006, no. 6, 2/826 (in Russian).

21. About making additions and changes to the Decree of the President of the Republic of Belarus, March 25, 2003, no. 127: Decree of the President of the Republic of Belarus, March 22, 2006, no. 178. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2006, no. 52, 1/7384 (in Russian).

22. About approval of the Concept of National Security of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus, November 9, 2010, no. 575. *Natsional'nyi reestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2010, no. 276, 1/12080 (in Russian).

Информация об авторе

Савик Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент военно-технического факультета. Белорусский национальный технический университет (пр. Независимости, 59, 220013, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sergeu2811@mail.ru.

Information about the author

Sergey A. Savik – Ph. D. (Hist.), Associate professor of military and technical faculty at the Belarusian National Technical University (59 Nezavisimosti Ave., Minsk 220013, Belarus). E-mail: sergeu2811@mail.ru.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 355.082(470+571)(093.3)+821.161.1.09-94
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-166-175

Паступіў у рэдакцыю 10.07.2018
Received 10.07.2018

Д. Ч. Матвейчык

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Мінск, Беларусь

ДЫСКУСІЯ ВАКОЛ ВЫХАДУ МЕМУАРАЎ МІХАІЛА МУРАЎЁВА І ЯЕ ЎПЛЫЎ НА РАЗВІЦЦЁ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ПАЎСТАННЯ 1863–1864 гг.

Аннотация. Восстание 1863–1864 гг. является одной из наиболее дискуссионных тем в истории Беларуси периода вхождения в состав Российской империи. Подобная дискуссионность зародилась еще в XIX в., и одной из причин ее появления следует признать источниковедческий фактор. Одним из наиболее часто используемых источников о событиях 1863–1864 гг. являются мемуары виленского генерал-губернатора Михаила Муравьева, опубликованные в 1882–1883 гг. в журнале «Русская старина». Они сразу вызвали активную дискуссию среди историков и публицистов, предметом которой стали многочисленные случаи тенденциозной интерпретации М. Муравьевым исторических фактов, самопрославления и лжи. В ней участвовали такие деятели, как Михаил Семевский (издатель мемуаров), Николай Берг, Евгений Карнович, Пётр Валуев, Сергей Южаков, Александр Павлов, Иван Аксаков, Александр Масолов и другие. В целом, дискутанты разделились на два лагеря – критиков и сторонников Муравьева. Первые стремились, на основании критики муравьевских постулатов, к вскрытию допущенных искажений и представлению более объективной картины происходившего, вторые всячески поддерживали и оправдывали все написанное. Дискуссия закрепила наличие в российской историографии полярных взглядов и оценок М. Муравьева как личности и как государственного деятеля на должности виленского генерал-губернатора, а также привлекла дополнительное внимание историков к проблематике восстания в целом.

Ключевые слова: историография, дискуссия, Михаил Муравьев, мемуары, рецензия, Беларусь, Литва, Российская империя, восстание 1863–1864 гг.

Для цитирования: Матвейчык, Д. Ч. Дыскусія вакол выхаду мемуараў Міхаіла Мураўёва і яе ўплыў на развіццё гістарыяграфіі паўстання 1863–1864 гг. // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 166–175. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-166-175

D. Ch. Matveichyk

National Historical Archives of Belarus, Minsk, Belarus

THE DEBATE ON THE PUBLISHING OF THE MEMOIRS OF MIKHAIL MURAVYOV AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE 1863–1864 UPRISING

Abstract. The Uprising of 1863–1864 is one of the most controversial issues in Belarusian history of the period when Belarus was a part of the Russian Empire. This issue started being controversial in the 19th century, one of the important reasons for discussions was the source study factor. One of the most commonly used sources on the events of 1863–1864 was the memoirs of the Vilna Governor-General Mikhail Muravyov, published in the Russian Antiquity (Russkaya Starina) magazine. They sparked heated debate among historians and publicists, the subject of the debate was numerous cases of biased interpretation of historical facts by M. Muravyov, self-glorification and lies. Such figures as Mikhail Semevsky (the publisher of the memoirs), Nikolai Berg, Yevgeniy Karnovich, Pyotr Valuev, Sergei Yuzhakov, Alexandr Pavlov, Ivan Aksakov, Alexandr Mosolov and others were the participants of the discussion. In general, the participants were divided into two groups – critics and supporters of Muravyev. The firsts sought, based on the critic of the Muravyov postulates, to reveal the distortions and to present more objective picture of what had been happening, the seconds supported and justified everything that had been written in every possible way. The discussion confirmed the presence in the Russian historiography of the polar views and assessments of M. Muravyov as a person and as a statesman in the position of the Governor-General of Vilna, as well as attracted additional attention of historians to the issue of the Uprising in general.

Keywords: historiography, discussion, Mikhail Muravyov, memories, review, Belarus, Lithuania, Russian Empire, Uprising of 1863–1864

For citation: Matveichyk D. Ch. The debate on the publishing of the memoirs of Mikhail Muravyov and its impact on the development of the historiography of the 1863–1864 Uprising. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 166–175 (in Belarusian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-166-175

© Матвейчык Д. Ч., 2019

Паўстанне 1863–1864 гг. з'яўляецца лёсавызначальнай падзеяй для гісторыі Беларусі перыяду Расійскай імперыі. Праведзеныя пасля яго пераўтварэнні істотна паўплывалі на ўсе без выключэння сферы жыцця беларускага народа. Аднак супярэчлівасць самога паўстання, розныя адносіны да яго разнастайных сацыяльных груп, неадназначнасць вынікаў і шматлікія іншыя фактары з'яўляюцца падставай таго, што ацэнкі як яго ў цэлым, так і яго асобных бакоў і дзеячаў у прыватнасці даюцца рознымі даследчыкамі часам дыяметральна супрацьлеглыя. Падобная супярэчлівасць падыходаў да даследавання і ацэнак не з'яўляецца характэрнай рысай выключна цяперашняга часу. Яна з'явілася адразу пасля паўстання, калі гістарычныя і мемуарныя творы ствараліся прадстаўнікамі розных варагуючых бакоў: расійскага – непасрэдна ў імперыі, паўстанцкага – у эміграцыі.

Адной з самых супярэчлівых асоб у ацэнках падзей паўстання з'яўляецца віленскі генерал-губернатар Міхаіл Мураўёў (на пасадзе з 1 мая 1863 г. па 17 красавіка 1865 г.). Яго ацэнкі ў польскай гістарыяграфіі, як у ранейшы, так і ў цяперашні час, з'яўляюцца негатыўнымі. Адзін з найбольш папулярных эпітэтаў у адносінах да яго – «Вешальнік», які перайшоў у беларускую гістарыяграфію, а таксама ўжываецца ў некаторых расійскіх працах. Аднак сярод расійскіх дарэвалюцыйных даследчыкаў і публіцыстаў яго вобраз быў неадназначным і залежаў нярэдка ад палітычнай кан'юнктуры ў пэўны перыяд. З аднаго боку, не выклікала пытанняў неабходнасць задушыць паўстанне, у тым ліку ў Беларусі і Літве, аднак, з другога – ужытыя для гэтага сродкі, праведзеныя мерапрыемствы і іх паспяховасць, адпаведнасць дзеянняў існуючаму заканадаўству, асабістыя якасці Мураўёва і іншыя моманты часам выклікалі гарачыя дыскусіі.

Прычын такой дыскусійнасці шмат, і адна з іх заключаецца ў крыніцазнаўчым аспекце. Справа ў тым, што адной з галоўных крыніц па гісторыі дзейнасці М. Мураўёва ў Вільні з'яўляюцца менавіта яго мемуары, а ў 1880–1890-я гг., калі мэтанакіраваная распрацоўка комплексаў архіўных дакументаў практычна не вялася, яны з'яўляліся хіба што асноўнай крыніцай. І менавіта на крытыцы ці падтрымцы мураўёўскіх пастулатаў гісторыкі і публіцысты часта будавалі свае тэкставыя канструкцыі і фарміравалі свае адносіны.

Найбольш ранняя дыскусія была выклікана ўласна публікацыяй саміх успамінаў. Яна ахапіла шырокія колы расійскіх інтэлектуалаў і ў значнай ступені паўплывала на далейшае фарміраванне палярных поглядаў на асобу Мураўёва ў расійскай гістарыяграфіі. Аднак да цяперашняга часу невядома ніводнай працы, дзе гэтая дыскусія выступала б у якасці прадмета даследавання і дзе была б раскрыта яе роля ў далейшых напрацоўках па гісторыі паўстання ў цэлым.

Згаданыя ўспаміны былі надрукаваны ў 1882–1883 гг. у часопісе «Руская даўніна» (рус. – «Русская старина») пад назвай «Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра замірэнне ў ім бунту» [17]. Напісаныя, а больш дакладна – прадыктаваныя Аляксандру Масолаву яшчэ ў перыяд з 2 студзеня па 4 красавіка 1866 г., яны доўгі час захоўваліся ў нашчадкаў, хаця ў Санкт-Пецярбургу распаўсюджваліся некаторыя рукапісныя копіі. Друк быў зроблены на падставе арыгінала, які захоўваўся ў старэйшага ўнука М. Мураўёва. «Нататкі» з'яўляюцца супярэчлівым творам, бо былі створаны, як сведчыць іх змест, у перыяд псіхалагічнага крызісу аўтара. На той час М. Мураўёў, будучы практычна адхіленым ад удзелу ў дзяржаўным жыцці і маючы вялікія праблемы са здароўем, жыў у сваім маёнтку ў правінцыі і перажываў глыбокую крыўду на чыноўнікаў з бліжэйшага акружэння Аляксандра II. Паводле слоў рэдактара часопіса і выдаўца ўспамінаў Міхаіла Сямеўскага, твор напісаны ў стане *«хваравітага раздражнення»* [17, 1883 г., № 1, с. 149].

Рыторыка М. Мураўёва ў адносінах да некаторых вышэйшых чыноўнікаў з'яўляецца вельмі вострай, а інтэрпрэтацыя фактаў – тэндэнцыйнай. Напрыклад, сярод вышэйшых іерархаў дзяржавы ён вынаходзіць «польскую партыю» ў 1863–1866 гг., у склад якой уводзіць асоб, якія знаходзіліся ў бліжэйшым акружэнні імператара і актыўна імкнуліся задушыць паўстанне, – міністра ўнутраных спраў Пятра Валуева, начальніка III Аддзялення Яго Імператарскай Вялікасці канцылярыі і шэфа Корпуса жандараў Васілія Далгарукава, міністра замежных спраў Аляксандра Гарчакова і шматлікіх іншых. Усё гэта вымусіла М. Сямеўскага пры публікацыі ўставіць у шматлікіх месцах свае каментарыі, дзе ён выкрываў зробленыя памылкі альбо даваў зусім іншую інтэрпрэтацыю падзеям ці характарыстыкі згаданым асобам. Прычым рыторыка самога рэдактара ў адносінах да М. Мураўёва таксама дастаткова вострая. Напрыклад, адзначаецца, што

«бесстароннасць у ацэнцы людзей, іх маральных якасцей і значэння іх грамадскай дзейнасці ніколі не была здабыткам розуму гр. М. М. Мураўёва», у яго водгуках пра некаторых сучаснікаў назіраецца *«рэзкасць і злаславасць»* [17, 1882 г., № 11, с. 338], а пэўныя яго сцвярджэнні – не больш чым *«бязглуздыя меркаванні»* [17, 1883 г., № 1, с. 148]. Характарыстыкі, якія змешчаны ў каментарыях, сведчаць пра дастаткова крытычны погляд і на асобу былога віленскага генерал-губернатара, і на яго дзейнасць. У рыторыцы М. Сямеўскага маюцца, напрыклад, наступныя фразы: *«Мураўёўскі тэрор»*, *«лютасць»*, *«заўзятасць і віртуознасць у справе ганенняў»* [17, 1882 г., № 12, с. 638], *«суровы экс-дыктатар віленскі»* [17, 1883 г., № 1, с. 145] і інш. І ў цэлым, мемуары М. Мураўёва, паводле М. Сямеўскага, з'яўляюцца настолькі складаным і неадназначным творам, што да яго думак *«будучы гісторык літоўска-польскай смуты і барацьбы з ёй Расіі павінен аднесціся з вялікай асцярожнасцю»* [17, 1883 г., № 1, с. 149].

Больш таго, некаторыя пасажы ў «Нататках» не маглі быць выдадзены ў 1882–1883 гг. нават пры каментаванні рэдактара, а таму апушчаны пры публікацыі. Справа ў тым, што ў крытыцы сваіх палітычных праціўнікаў М. Мураўёў спыняецца літаральна ў адным кроку ад Аляксандра II. У некаторых сваіх фразах ён выстаўляе ў карыкатурным выглядзе нават вялікага князя Канстанціна Мікалаевіча – брата Аляксандра II і дзядзьку Аляксандра III, напрыклад, ставіць яго на чале «польскай партыі» ў Санкт-Пецярбургу альбо апісвае яго злосць падчас праезду праз Вільню. Такія радкі кідаюць цень як на апошняга, які знаходзіўся на троне на момант выдання «Нататак», так і ў цэлым на імператарскую фамілію[1].

Аднак нават пасля ўсіх каментарыяў і купюр М. Сямеўскі апасаўся, што з-за рэзкасці М. Мураўёва ў выказваннях цэнзура не прапусціць «Нататкі» і *«накладзе сваю жалезную лапу»* на іх. Тым не менш, падрыхтоўка і выхад прайшлі *«без сучка і задзірынкі»*. У сваіх аўтабіяграфічных нататках ён гэта звязваў са спагадлівым стаўленнем міністра ўнутраных спраў графа Дзмітрыя Талстога, якому прыпісваў яго *«абарону»* (цыт. паводле: [22, с. 126]).

Яшчэ адна характэрная рыса «Нататак» – адносна невялікая колькасць дат і ў цэлым фактаграфічных звестак, што характэрна для публіцыстычных твораў. М. Мураўёў спыняецца на падрабязнасцях пераважна толькі ў пачатковай частцы, а большая палова яго тэксту з'яўляецца выкладаннем уражанняў пра разнастайныя падзеі і ўласных разважанняў, а таксама падачай характарыстык яго сучаснікаў.

Тым не менш, «Нататкі» з'яўляюцца каштоўнай гістарычнай крыніцай адразу ў некалькіх кірунках. Па-першае, у іх апісаны асноўныя, на думку самога М. Мураўёва, захады па задушэнні паўстання ў Беларусі і Літве, а таксама пададзена матывацыя, якая выклікала іх увядзенне. Па-другое, яны выразна паказваюць бачанне самім Мураўёвым сваёй ролі ва ўсіх падзеях яго ўласнымі вачыма. Па-трэцяе, тая фактаграфія, што маецца ў мемуарах, дазваляе ўдакладніць у шматлікіх выпадках храналогію тых ці іншых падзей і іх удзельнікаў, а таксама пазіцыю іншых асоб і іх адносіны да розных бакоў паўстання.

Публікацыя «Нататак» адыграла важную ролю ў далейшым развіцці гістарыяграфіі паўстання ў Расійскай імперыі, стаўшы своеасаблівым старт-сігналам для вялікай колькасці мемуарыстаў, даследчыкаў, рэдактараў і выдаўцоў. У палітычным плане выхад мемуараў сведчыў пра дазволенасць падобнай тэматыкі на старонках перыядычнага друку і ў выглядзе асобных кніг і брашур. Цэнзурная ж апрацоўка не толькі вызначыла межы недазволенага пры напісанні адпаведных тэкстаў, але і акрэсліла прастору дапушчальнага.

Для паўнаты карціны варта адзначыць, што не толькі «Нататкі» ўплывалі ў гэты перыяд на развіццё расійскай гістарыяграфіі паўстання ў Беларусі. Для павелічэння ў першай палове 1880-х гг. колькасці адпаведных публікацый меліся і іншыя перадумовы. Усё большая часавая аддаленасць ад падзеі спрыяла паступоваму зніжэнню напружанасці ў яе ўспрыманні сучаснікамі. «Польскае пытанне» значна радзей згадвалася на старонках расійскай перыядычнай прэсы ў якасці надзённай праблемы. Вастрыня і эмацыянальнасць рыторыкі істотна зніжаліся ў параўнанні

[1]Выразаныя цэнзурай часткі мемуараў былі адноўлены на падставе рукапісных матэрыялаў фонду «Рускай даўніны» і ўпершыню выдадзены на польскай мове ў 1906 г. Валерыем Пшыбароўскім у аўстра-венгерскім Львове [24]. На рускай мове яны апублікаваны Канстанцінам Пятровым у 2008 г. у Маскве [16]. У Беларусі перавыдадзены Аляксандрам Фядутам у 2016 г. у Мінску [18].

з публікацыямі 1860-х гг. Грамадская ўвага ў Расійскай імперыі на працягу другой паловы 1860 – пачатку 1880-х гг. паступова пераключалася на іншыя «гучныя» праблемы і падзеі ўнутранай і знешняй палітыкі – правядзенне «вялікіх рэформ», руска-турэцкая вайна 1877–1878 гг. і яе водгукі ў Еўропе, дзейнасць расійскіх рэвалюцыянераў, забойства Аляксандра II і інш. Прыкладам можа паслужыць палемічны артыкул 1881 г. Аляксея Уладзіміра – публіцыста і педагога, які ў 1860–1880-я гг. выкладаў у навучальных установах Вільні, – прысвечаны праекту ўвядзення рускай мовы ў богаслужэнні ў каталіцкіх і пратэстанцкіх храмах Беларусі і Літвы [5]. Вобраз каталіка, у тым ліку ксяндза і памешчыка, у ім пазбаўлены тых негатыўных штампаў, якія масава прысутнічалі ў перыяд знаходжання на пасадзе віленскага генерал-губернатара М. Мураўёва, Канстанціна фон Каўфмана і Эдуарда Баранава. А. Уладзіміраў не патрабуе барацьбы з рымска-каталіцкім касцёлам і крытыкуе ўсіх рускіх чыноўнікаў, якія ў 1860-я гг. займаліся прымусовым пераводам беларусаў-каталікоў у праваслаўе, за няздольнасць, некампетэнтнасць і ўжыванне *«сродкаў, не адпавядаючых ні мэце, ні духу часу»* [5].

Зніжэнню напружанасці ў грамадстве спрыяла таксама адмена найбольш адыёзных мерапрыемстваў М. Мураўёва і яго наступнікаў у Беларусі і Літве (прымусовы перавод сялян з каталіцтва ў праваслаўе, закрыццё касцёлаў, абмежаванні па службе каталікоў і г. д.), а таксама выданне некалькіх амністый (1866, 1867, 1868, 1871, 1873, 1874, 1883 гг. і інш.), у выніку якіх шматлікія катэгорыі паўстанцаў альбо «палітычна нядобранадзейных» асоб атрымалі палёгкі пакарання, а некаторыя змаглі вярнуцца на радзіму.

Вынікі падобнага збегу шматлікіх акалічнасцей з'явіліся хутка. Ужо ў 1883 г. выйшаў у свет адразу шэраг публікацый, якія так ці інакш закраналі паўстанне ў Беларусі і Літве. Нават самі «Нататкі» М. Мураўёва публікаваліся з некаторымі дадаткамі. Некаторыя з іх, як, напрыклад, кароткае апавяданне яго брата Андрэя пра абставіны прызначэння на пасаду віленскага генерал-губернатара, публікаваліся непасрэдна пасля тэкстаў асобных частак успамінаў [15] (праз 2 гады перавыдадзены асобна ў часопісе «Рускі архіў» [14]). Апошняя частка публікацыі з'яўлялася непасрэдным тэматычным працягам мемуараў і мела назву «Дадаткі». У ёй былі змешчаны тэксты некаторых дакументаў, падабраных самім М. Мураўёвым, а таксама ўрыўкі з яго карэспандэнцыі з П. Валуевым, некаторыя прысвечаныя яму вершы, водгукі пра яго некаторых сучаснікаў (напісаны Анатолем Ягоравым [7]) і некалькі іншых дакументаў [17, 1883 г., № 4, с. 193–230; 1884 г., № 6, с. 572–584]. У некаторых нумарах часопіса, дзе выходзілі часткі «Нататак», пачалі друкавацца творы іншых мемуарыстаў пра паўстанне альбо пра некаторых звязаных з ім дзеячаў. Напрыклад, два свае мемуарныя творы (пра стан у Варшаве ў 1860–1861 гг. і пра намесніка ў Царстве Польскім Фёдара Бэрга) апублікаваў генерал і ваенны пісьменнік Павел Карцаў [10; 11]. Да першага з іх была дададзена перапіска намесніка ў Царстве Польскім князя Міхаіла Гарчакова і Аляксандра II, другі выклікае цікавасць апісанай сцэнай сустрэчы двух дзеячаў – Ф. Бэрга і М. Мураўёва – у Вільні ў 1864 г. Пры гэтым сімпатыі самога П. Карцава – выразна на баку другога з іх [3, с. 318–321].

Аднак найбольшы грамадскі рэзананс выклікала дыскусія, прадметам якой сталі «Нататкі» М. Мураўёва і якая распачалася яшчэ падчас іх публікацыі. М. Сямеўскі назваў гэта *«вельмі ажыўленая палеміка ў нашых газетах»* [22, с. 126]. У самой прадмове пісалася, што часопіс *«з найвялікшай гатоўнасцю, як і заўжды, адкрывае свае старонкі ўсім на іх пярэчанням, тлумачэнням і абвяржэнням»* [17, 1882 г., № 11, с. 389]. Вынікі не прымусілі чакаць сябе. Ужо ў «Дадатках» выкладчык Варшаўскага ўніверсітэта гісторык Мікалай Бэрг у 1883 г. выступіў з двума палемічнымі артыкуламі, дзе падаў некаторыя абвяржэнні. У першым з іх, будучы даследчыкам паўстання ў Царстве Польскім і добра знаёмым з дзейнасцю на пасадзе намесніка ў ім Ф. Бэрга, ён рэзка негатыўна выказаўся і пра апісанне П. Карцавым Ф. Бэрга (*«выяўлены нейкім нясмелым школьнікам»*), і пра М. Мураўёва. Дадзеная М. Бэргам характарыстыка апошняму – *«Віленскі сатрап»* [2, с. 214], якому прыпісваецца, сярод іншага, *«дзікая пагроза» «спаліць кляштар, а смецце зраўнаваць з зямлёй»* [2, с. 216].

Другі артыкул прысвечаны ўласна асобе М. Мураўёва і з'яўляецца спробай падаць іншы яго вобраз – адрозны ад таго, што пачынаў фарміравацца ў расійскай публіцыстыцы. Менавіта на гэты намер М. Бэрг прама ўказваў у сваім артыкуле: *«З часу з'яўлення ў* "*Рускай Даўніне*"

"*Нататак*" *графа М. М. Мураўёва з'явілася некалькі артыкулаў і заметак у нашых перыядычных выданнях пра гэты важны факт. Большая частка выстаўляла Мураўёва амаль не геніяльным адміністратарам <...> Іншыя ж (такіх было вельмі няшмат) знаходзілі, што Мураўёў нічога асабліва не зрабіў, што ён толькі скончыў пачатае У. І. Назімавым*[1]*. Ні тая, ні другая думка несправядлівая»* [2, с. 216]. Лейтматывам артыкула М. Бэрга з'яўляецца наступны абзац – *«У М. М. Мураўёве не было і цяню геніяльнага адміністратара. Але, тым не менш, ён супакоіў край, прыведзены яго намеснікам у нечуваны непарадак; але супакоіў яго захадамі, якія ў Еўропе лічацца варварствам, брутальным азіяцкім тэрорам»* [3, с. 217]. Асабістая пазіцыя М. Бэрга – *«Не, рускім трэба асабліва ўстрымлівацца ад усялякіх усхваленняў спадароў Мураўёвых»* [3, с. 217]. Тут жа ён паўтарае свой ранейшы эпітэт у адносінах да яго – *«бульдог»* [3, с. 220]. Артыкул з'яўляецца адной з першых спроб падаць гістарычны вобраз асобы М. Мураўёва падчас дзейнасці на пасадзе віленскага генерал-губернатара. Ён складзены на падставе *«асабістага вывучэння»* перыяду, а таксама *«на апавяданнях і друкаваных сведчаннях кампетэнтных асоб»* [3, с. 218]. У цэлым твор М. Бэрга накіраваны супраць аднабаковага ўспрымання М. Мураўёва яго палітычнымі праціўнікамі ці прыхільнікамі і на раскрыццё яго больш рэалістычнага (на думку аўтара) і супярэчлівага вобраза.

Сярод першых да дыскусіі далучыўся адзін з герояў «Нататак» – былы міністр унутраных спраў Пётр Валуеў, якога М. Мураўёў шматразова выстаўляў у самым негатыўным святле. Яго заўвагі былі зроблены паводле просьбы М. Сямеўскага адразу пасля іх выхаду – у маі 1883 г., хаця апублікаваны толькі ў 1890 г. [4]. П. Валуеў сцвярджаў, што *«аднабокасць погляду графа Мураўёва, неразборлівасць нараканняў і адсутнасць аб'ектыўнасці пры ацэнцы асоб і доказаў, пры ацэнцы альбо выкладанні фактаў так відавочныя, што распаўсюджвацца пра іх няма неабходнасці»* [4, с. 858], а таму спыняецца толькі на некаторых прыкладах. Для абвяржэння ўзведзеных абвінавачванняў на сябе і сваіх калег-міністраў П. Валуеў карыстаўся шматлікімі крыніцамі, у тым ліку сваім уласным дзённікам, які ён вёў на працягу шматлікіх гадоў. Запісы з яго ён шматразова цытуе, каб паказаць усю неадпаведнасць «Нататак» рэчаіснасці, напрыклад, у гісторыі прызначэння на пасаду віленскага генерал-губернатара. П. Валуеў ацэньвае М. Мураўёва як глыбока супярэчлівую асобу: *«Граф Мураўёў быў добрым у душы, мог быць мяккім, ветлівым, нават ласкавым, – і мог быць жорсткім, несправядлівым і злосна помслівым. Ён быў надзвычай разумны, знаходлівы, распарадчы, але станавіўся непаслядоўным і нават неразважлівым, калі абставіны давалі поўную прастору яго зменлівай волі. Да выдатных рыс яго характару належалі se faire valais*[2]*, пры ўсялякім зручным выпадку, і бязмерная фанабэрыстасць, калі, як гаворыцца, яму шанцавала»* [4, с. 861]. Вартасць «Нататак», паводле П. Валуева, дастаткова невысокая – *«яны ўвогуле могуць мець гістарычную каштоўнасць толькі пры двайной умове значных скідак у адным кірунку і прыкідак у другім»* [4, с. 863]. Іх характарыстыка ў Валуева – *«аднабаковыя аповеды»* [4, с. 861].

На выхад «Нататак» адрэагавалі шматлікія часопісы ў Расіі. Ужо пасля публікацыі першых раздзелаў, у першым нумары за 1883 г. «Веснік Еўропы» адказаў асобным артыкулам, аўтар якога (падпісаны крыптанімам «Е. Л.» віленскі чыноўнік «назімаўскага» і «мураўёўскага» перыядаў) абрынуўся з гнеўнай крытыкай на М. Мураўёва і ўсю яго сістэму кіравання ў Беларусі і Літве з мэтай садзейнічаць вызначэнню *«сапраўднага тагачаснага стану спраў у Паўночна-Заходнім краі»* [6, с. 388]. Агульная ацэнка дзеянняў М. Мураўёва – *«унёс нечуваны тэрор у нешчаслівы край»* [6, с. 388]. Аўтар артыкула робіць упор на хлуслівай інтэрпрэтацыі ў «Нататках» фактаў, напрыклад, становішча «Паўночна-Заходняга краю» падчас свайго прыбыцця ў Вільню як усеагульна ахопленага паўстаннем. Паводле Е. Л., *«"узброенае" паўстанне было тады ўжо амаль задушана. Нікчэмныя рэшткі разбітых паўстанцкіх банд хаваліся яшчэ па лясах, ратуючыся ад праследаванняў і злучаючыся часам у больш значныя шайкі для ўласнай абароны, але не для нападу»* [6, с. 389]. У цэлым, намаляваная Е. Л. карціна кіравання М. Мураўёвым мае выключна цёмныя адценні. Напрыклад, тэрмін «тэрор» сустракаецца ў невялікім аўтарскім апавяданні восем

[1] Уладзімір Іванавіч Назімаў – віленскі генерал-губернатар у 1855–1863 гг.

[2] У перакладзе з французскай мовы – «выстаўляць сябе каштоўным».

разоў; іншыя характарыстыкі мураўёўскай палітыкі – *«самавольства і беззаконне»*, *«разгром»*, *«граза і няшчасці»*, *«праследаванне за веру і паходжанне»*, *«павальнае выгнанне каталікоў»*, *«сістэма шпіёнства і даносаў»* і да т. п. У якасці аднаго з доказаў сваіх слоў Е. Л. апублікаваў цыркуляр К. фон Каўфмана, складзены на падставе рапарта Часовага палявога аўдытарыята ад 5 кастрычніка 1865 г. аб шматлікіх злоўжываннях у дзейнасці самога аўдытарыята, а таксама следчых і судовых камісій, якія дзейнічалі ў Беларусі і Літве ў 1863–1865 гг., што мела сваім вынікам тысячы невінаватых ахвяр.

Напрыканцы 1883 г. з аб'ёмнай рэцэнзіяй на «Нататкі» выступіў былы правіцель спраў канцылярыі папячыцеля (1850(1851?)–1859 гг.) і былы сябра кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі Яўгеній Карновіч. У двух нумарах часопіса «Назіральнік» (а затым асобным адбіткам) ён апублікаваў падрабязны аналіз мемуараў Мураўёва на прадмет адпаведнасці рэчаіснасці пад назвай «Роздум над "Нататкамі" графа М. М. Мураўёва» [8; 9]. Імкненне да напісання рэцэнзіі Я. Карновіч тлумачыць наступным чынам: *«Канешне, не толькі можна, але нават і цалкам натуральна дапускаць у сваіх "Нататках", альбо ўспамінах, пэўную долю ўсхвалення сваёй уласнай асобы, але наўрад ці дазваляецца выстаўляць сябе адзіным багатыром, нейкім палітычным Іллёй Мурамцам нашых дзён, і з гэтай мэтай скажаць у вядомым, спрыяльным для сябе кірунку нават агульны ход падзей, фарбуючы іх не ў той колер, у якім яны паўставалі тады і паўстаюць цяпер <...>»* [8, № 11, с. 154]. У сваіх высновах Я. Карновіч быў у цэлым салідарны з М. Сямеўскім, М. Бэргам і Е. Л., аднак яго разважанні і прыклады маюць значна больш шырокі маштаб. Напрыклад, каб паказаць хлуслівасць пазіцыі М. Мураўёва пра тое, што гэта менавіта ён аднавіў *«годнасць рускага ўрада не толькі ў заходнім краі, але і ў Еўропе»*, Я. Карновіч паказвае шырокую карціну знешнепалітычнага становішча Расійскай імперыі напярэдадні і падчас паўстання, на якое віленскі генерал-губернатар не меў і нават не мог мець істотнага ўплыву [8, № 11, с. 154–159]. Аналагічным чынам ацэньваюцца заявы М. Мураўёва пра нібыта неспрыяльнае для яго становішча ў Беларусі і Літве. У якасці контраргументаў Я. Карновіч паказвае, што ў «Нататках» замоўчваюцца *«надзвычай спрыяльныя акалічнасці»*, якія меліся ў распараджэнні М. Мураўёва і адсутнічалі ў яго папярэднікаў, у тым ліку і ў У. Назімава, і падрабязна спыняецца на іх аналізе [8, № 11, с. 165–170]. Таксама разбіваецца асноўны тэзіс М. Мураўёва аб мэтазгоднасці яго дзейнасці па русіфікацыі – нібыта большае апалячанне «Паўночна-Заходняга краю» ў 1863 г. у параўнанні з 1830–1833 гг., калі ён знаходзіўся на пасадах губернатара ў Магілёве і Гродне [8, № 11, с. 170–174], а таксама шматлікія іншыя сцвярджэнні, змешчаныя ў «Нататках». Характарызуючы ў цэлым дзейнасць былога генерал-губернатара, Я. Карновіч сцвярджае, што *«ўрадавая сістэма Мураўёва, заснаваная на нейкіх "узвялічваннях, пранікненнях, увядзеннях, укараненнях пачаткаў, элементаў і духу", з узнаўленнем усяго гэтага страхам і ўвогуле самымі крутымі карнымі і паліцэйскімі захадамі, з'яўляецца нейкай блытанінай і бязглуздзіцай»* [8, № 12, с. 37].

У самым канцы 1883 г. сваю рэпліку ў дыскусіі агучыў сацыёлаг і публіцыст Сяргей Южакоў [23]. Ён выступіў з крытыкай пазіцыі аб прызнанні за М. Мураўёвым рэпутацыі *«галоўнага рухавіка сялянскай справы»* ў Беларусі і Літве. На яго думку, сялянская рэформа рэалізоўвалася без уплыву М. Мураўёва, і не ён быў галоўным ініцыятарам шматлікіх мерапрыемстваў па прыняцці палёгкаў сялянам. Параўнаўшы павелічэнні сялянскіх надзелаў на іншых ахопленых паўстаннем тэрыторыях (у Польшчы і Украіне), ён прыйшоў да высновы, што беларускія і літоўскія сяляне атрымалі менш у параўнанні з польскімі і ўкраінскімі. У цэлым, паводле яго, *«Сялянская рэформа ў Расіі здзяйснялася насуперак Мураўёву; не яму ж абавязана заходняя Расія больш поўным развіццём прынцыпаў гэтай рэформы»* [23, с. 378].

У 1885 г. да дыскусіі далучыўся палкоўнік Аляксандр Паўлаў – былы ад'ютант У. Назімава і старшыня Віленскай следчай па палітычных справах камісіі. Яго твор з'яўляецца нарысам дзейнасці У. Назімава на пасадзе віленскага генерал-губернатара, напісаным у снежні 1884 г. і апублікаваным спачатку ў трох нумарах часопіса «Руская даўніна» за першую палову 1885 г. [20], а затым асобнай брашурай [21]. Пабудкай для напісання свайго нарыса А. Паўлаў проста называе выданне «Нататак» М. Мураўёва, у якіх змешчана вострая крытыка як асобных мерапрыемстваў,

так і ўсёй дзейнасці У. Назімава на згаданай пасадзе. А. Паўлаў уступае ў палеміку з М. Мураўёвым на прадмет ролі асоб, якія займалі да яго пасаду генерал-губернатара, у першую чаргу У. Назімава, у выспяванні абставін, якія паспрыялі ў далейшым развіццю паўстання, а таксама ў яго задушэнні ў пачатковы перыяд. Мэта палемікі – *«апраўдаць»* як самога У. Назімава, так і ўсіх яго папярэднікаў ад выстаўленых ім абвінавачванняў. Пры гэтым А. Паўлаў не адмаўляе вялікіх заслуг М. Мураўёва ў задушэнні паўстання і стварэнні палітыкі па русіфікацыі Беларусі і Літвы. Ён канцэнтруе сваю ўвагу менавіта на тых фактах, *«якія Мураўёў выяўляе ў скажоным выглядзе»* [20, № 2, с. 402]. Асноўны сродак, якім карыстаецца А. Паўлаў, гэта – выяўленне супярэчнасцей у «Нататках». Іх пошук адбываецца двума шляхамі: 1) супастаўленне паміж сабой супярэчлівых частак тэксту М. Мураўёва; 2) параўнанне з фактамі, замоўчанымі М. Мураўёвым. Апрача гэтага, А. Паўлаў малюе шырокую карціну дзейнасці У. Назімава на пасадзе і яго ролю ў галоўных падзеях таго часу – правядзенні «вялікіх рэформ» у Расійскай імперыі і, у прыватнасці, вызваленні сялянства ад прыгнёту. Неправядзенне У. Назімавым тых мерапрыемстваў, якія праводзіліся пазней М. Мураўёвым, тлумачылася адсутнасцю паўнамоцтваў і грашовых сродкаў, дадзеных апошняму імператарам пры прызначэнні на пасаду. Увогуле, асоба У. Назімава і яго дзейнасць ацэньваецца станоўча, а няўдачы адносяцца на карысць інтрыг вакол яго альбо адсутнасці магчымасцей для дзеянняў. Пазіцыя ж яго крытыкаў характарызуецца наступным чынам: *«не пацырымоніліся сарваць лепшую кветку з помніка працоўнага жыцця Уладзіміра Іванавіча Назімава і ўпрыгожыць ёю альбом, які падносіцца пераемніку яго ўлады з адзінай мэтай – выклікаць да сябе прыхільнасць уплывовага вяльможы і такім спосабам умацаваць сваю службовую кар'еру»* [20, № 5, с. 336–337].

Нягледзячы на вышэйзгаданую спецыфіку ў падачы матэрыялу, «Нататкі» выклікалі таксама станоўчыя водгукі. У сакавіку 1883 г. у часопісе «Гістарычны веснік» з невялікай нататкай выступіў былы чыноўнік Нікалаеў[1]. Ён раскрытыкаваў у першую чаргу М. Сямеўскага як выдаўца і рэдактара «Рускай даўніны» ў цэлым і «Нататак» у прыватнасці. На яго думку, публікацыя мемуараў была *«заўчаснай»*, бо *«яшчэ жывыя многія асобы, якія былі вельмі нядаўна моцнымі і ўплывовымі, самалюбства якіх непазбежна закранаецца і абражаецца»* [19, с. 724]. Найбольшую крытыку ў Нікалаева выклікала рэдактарская апрацоўка «Нататак» – каментарыі і заўвагі М. Сямеўскага, якія, на яго думку, *«усяго меней адпавядаюць "гістарычнаму выданню"»* [19, с. 724] і дыскрэдытуюць увесь твор, у тым ліку праз *«вельмі недакладнае апісанне графа М. Мураўёва»* і *«дзіўныя тлумачэнні»* [19, с. 725, 726]. У сваіх палітычных схільнасцях Нікалаеў становіцца выразна на бок былога віленскага генерал-губернатара, характарыстыка якога – *«біўся за рускую справу, як адзінокі ваяр у полі»* [19, с. 724]. Усе характарыстыкі, дадзеныя М. Мураўёвым іншым саноўнікам, і яго бачанне сітуацыі ў «Паўночна-Заходнім краі» ці ў Санкт-Пецярбургу прымаюцца як найбольш слушныя. Пры гэтым спробы аналізу ўласна «Нататак» Нікалаеў не робіць, прыводзячы толькі асобныя фактаграфічныя альбо статыстычныя звесткі ў якасці контраргументаў М. Сямеўскаму.

Аналагічную танальнасць мае артыкул аднаго з найбольш вядомых у той час у імперыі славянафілаў Івана Аксакава, які выйшаў у газеце «Русь» 13 лістапада 1882 г. і пачынаецца са слоў *«Даўно ўжо не з'яўлялася ў друку такой павучальнай чытаніны»* [1]. У ім значна больш аб'ёмна разгорнута праслаўленне М. Мураўёва. І. Аксакаў нават не спыняецца перад тым, каб менавіта яму прыпісаць галоўную заслугу ў вызваленні беларускіх сялян з-пад прыгоннага права, а Аляксандру II – *«антынацыянальны кірунак "ліберальнай" палітыкі»* [1, с. 1]. Пытанне пра неабходнасць верыфікацыі звестак з успамінаў нават не ставіцца. І. Аксакаў проста сцвярджае: *«Сумненняў у праўдзе Мураўёўскага апавядання для нас, сучаснікаў той эпохі, не можа быць ніякіх»* [1, с. 1]. Усе характарыстыкі, якія даюцца ў «Нататках», прызнаюцца цалкам справядлівымі і адпаведнымі рэчаіснасці. Аднак асноўную ўвагу І. Аксакаў канцэнтруе не на ўспамінах М. Мураўёва, а на крытыцы сваіх палітычных апанентаў (*«рускія неданосклі лібералізму»*, *«наш фальшывы, пустапарожні, гнілы лібералізм»*), верагодна, выказваючы такім спосабам сваё негатыўнае стаўленне да каментарыяў М. Сямеўскага (хаця яго імя ў артыкуле не ўказваецца). Прычым

[1] Яго подпіс зроблены ў форме «Г. И. Николаев»; больш дакладна ідэнтыфікаваць асобу не ўдалося.

у сваіх разважаннях ён часта адыходзіць далёка ад прадмета, які даў нагоду для публікацыі, часам нават пераходзіць на паралелі з руска-турэцкай вайной 1877–1878 гг.

На баку М. Мураўёва знаходзіўся таксама Аляксандр Масолаў – яго былы асабісты сакратар у 1863–1866 гг., успаміны якога пад назвай «Віленскія нарысы» выйшлі напрыканцы таго ж 1883 г. у «Рускай даўніне» [12]. Як пісаў за 15 гадоў да выдання твора сам А. Масолаў, штуршком да складання стала смерць іх галоўнага героя. Час напісання таксама вядомы – апошняя трэць 1866 – вясна 1867 г. Свой твор А. Масолаў бачыў прамым дадаткам да «Нататак» М. Мураўёва. Ён пісаў: *«Падчас іх апрацоўкі я меў на мэце дапоўніць гэтыя нататкі апісаннем таго, што адбывалася ў непасрэднай блізкасці да М. М. Мураўёва, тых пачуццяў і думак, якімі было прасякнута створанае ім асяроддзе, якое яго акружала, і ўвогуле даць цэльнае ўяўленне пра гэтую паваротную эпоху рускай гісторыі»* [13, с. IV–V]. На тое, што прычынай выдання «Віленскіх нарысаў» стала менавіта публікацыя «Нататак» М. Мураўёва, указваюць некалькі рэдактарскіх спасылак, зробленых непасрэдна ў тэксце[1]. У сваёй прадмове ў студзені 1867 г. А. Масолаў прапануе свой твор як *«матэрыял для гісторыка»* [12, 1883 г., № 10, с. 182].

А. Масолавым яго былы начальнік ацэньваецца станоўча амаль ва ўсіх выпадках. Яго характарыстыкі – *«галоўны дзеяч таго часу»*, надзелены *«чароўнымі дараваннямі, дзяржаўным розумам»*, *«цудоўная асоба»* [12, 1883 г., № 10, с. 182] і да т. п. Аднак твор А. Масолава не з'яўляецца хвалебным панегірыкам. Асноўная яго ўвага накіравана не на галаслоўнае праслаўленне М. Мураўёва, а на падзеі, сведкам якіх з'яўляўся аўтар і праз удзел М. Мураўёва ў якіх выводзіцца яго станоўчы вобраз. У мемуарах змешчаны ў асноўным шматлікія фактаграфічныя звесткі пра дзейнасць як М. Мураўёва, так і іншых асоб віленскай цывільнай і ваеннай адміністрацыі падчас і пасля паўстання. Прадстаўлены ў мемуарах храналагічны прамежак дастаткова вялікі і ахоплівае ўвесь перыяд знаходжання М. Мураўёва на пасадзе віленскага генерал-губернатара – ад прызначэння 1 мая 1863 г. да звальнення 17 красавіка 1865 г. Адпаведна, колькасць канкрэтнага гістарычнага матэрыялу з'яўляецца значнай. Напрыклад, тут змешчаны апісанні смяротных пакаранняў паўстанцаў, у тым ліку Зыгмунта Серакоўскага, сустрэч са шматлікімі дзеячамі, замаху на віленскага губернскага маршалка Аляксандра Дамейку і г. д. Існуе таксама вялікая колькасць характарыстык шматлікіх чыноўнікаў, аднак у большасці зробленых павярхоўна і без асаблівай глыбіні.

У некаторых абзацах А. Масолаў, які быў знаёмы з «Нататкамі» М. Мураўёва яшчэ ў час іх напісання ў 1866 г., бо менавіта ён запісваў іх пад дыктоўку, дазваляе сабе абвяргаць словы былога начальніка. Напрыклад, М. Мураўёў піша, што менавіта паводле яго прапановы і пратэкцыі наступнікам на пасадзе быў прызначаны К. фон Каўфман [17, 1883 г., № 1, с. 154–155]. А. Масолаў жа сцвярджае, што гэта – хлусня *«з мэтай паказаць свой уплыў на Гасудара»*, а сам Мураўёў *«ніяк не чакаў гэтага прызначэння, якое ў першы час яму было непрыемнае»* [12, 1883 г., № 12, с. 44].

На працягу 1883–1885 гг. згаданая вышэй дыскусія вакол М. Мураўёва і яго ролі ў задушэнні паўстання і кіраванні беларуска-літоўскімі землямі паступова заціхала. Яе ўдзельнікі, мяркуючы паводле невядомасці іх далейшых публікацый на тэму, засталіся на сваіх пазіцыях. Аднак яна мела пэўныя вынікі доўгачасовага характару. Па-першае, менавіта з таго часу ў рускай гістарыяграфіі замацаваліся палярныя ацэнкі асобы М. Мураўёва і ўсёй уведзенай ім сістэмы кіравання беларуска-літоўскімі землямі, што назіраецца да цяперашняга часу. Па-другое, дыскусія паспрыяла павелічэнню цікавасці ў расійскім грамадстве да тэматыкі паўстання, што ў сваю чаргу выклікала наступныя публікацыі, ужо не звязаныя непасрэдна з М. Мураўёвым. Да канца Расійскай імперыі ў 1917 г. у расійскім друку выйшла некалькі дзясяткаў толькі мемуарных твораў, прысвечаных паўстанню ў Беларусі і Літве («Паўночна-Заходнім краі»), вялікая колькасць артыкулаў, некалькі манаграфій і зборнікаў дакументаў. У цэлым, пачынаючы менавіта з 1880-х гг. тэматыка паўстання трывала замацаваласяў расійскай гістарыяграфіі.

[1] У 1898 г. А. Масолаў пісаў, што публікацыя «Нарысаў» у 1883 г. з'явілася *«дзякуючы настойлівасці нябожчыка М. І. Сямеўскага, які надрукаваў іх без майго дазволу пасля з'яўлення ў друку нататак графа М. М. Мураўёва»* [13, с. V]. Аднак на працягу 15 гадоў паміж першай публікацыяй у 1883 г. і перадрукам у 1898 г. ён публічна не выступіў з пратэстам і не выказаў незадавальненне самім фактам публікацыі альбо якасцю яе падрыхтоўкі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. [Аксаков, И.] Москва, 13 ноября [По поводу «Записок М. Н. Муравьева о мятеже в Северо-Западном крае в 1863–1864 годах»] / [И. Аксаков] // Русь. – 1882. – 13 нояб. (№ 46). – С. 1–5.

2. Берг, Н. В. Гр. Ф. Ф. Берг и М. Н. Муравьев / Н. В. Берг // Рус. старина. – 1883. – № 4. – С. 214–216.

3. Берг, Н. В. Граф Михаил Николаевич Муравьев: К его «Запискам», напечатанным в «Русской Старине» изд. 1882–1883 гг. / Н. В. Берг // Рус. старина. – 1883. – № 4. – С. 216–229.

4. Валуев, П. А. Заметки на «Записки графа М. Н. Муравьева» / П. А. Валуев // Рус. старина. – Год 21. – 1890. – Т. 65, № 12. – С. 857–863.

5. Владимиров, А. П. О введении русского языка в богослужении католической и протестантской церкви в Северо-Западном крае / А. П. Владимиров // Вестн. Европы. – 1881. – № 2. – С. 366–375.

6. Е. Л. Следствие и суд над польскими повстанцами в Северо-Западном крае в 1863–1864 годах (по официальным документам) / Е. Л. // Вестн. Европы. – 1883. – № 1. – С. 388–399.

7. Егоров, А. Е. [Воспоминания] / А. Е. Егоров // Рус. старина. – 1883. – Т. 38, № 4. – С. 210–214.

8. Карнович, Е. П. Раздумье над «Записками» М. Н. Муравьева / Е. П. Карнович // Наблюдатель. – 1883. – № 11. – С. 153–178 ; № 12. – С. 21–39.

9. Карнович, Е. П. Раздумье над «Записками» М. Н. Муравьева / Е. П. Карнович. – [Б. м. : б. и., 1883]. – С. 153–178, 21–39.

10. Карцов, П. П. Варшава в 1860–1861 гг. Из воспоминаний генерал-лейтенанта / П. П. Карцов // Рус. старина. – 1882. – Т. 36, № 12. – С. 535–584.

11. Карцов, П. П. Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском. Очерк из воспоминаний / П. П. Карцов // Рус. старина. – 1883. – Т. 37, № 2. – С. 305–321.

12. [Мосолов, А. Н.] Виленские очерки 1863–1865 гг. (из воспоминаний очевидца) / [А. Н. Мосолов] // Рус. старина. – Год 14. – 1883. – Т. 40. – С. 181–200, 391–406, 573–628 ; Год 15. – 1884. – Т. 41. – С. 15–60.

13. Мосолов, А. Н. Виленские очерки 1863–1865 гг. (Муравьевское время) / А. Н. Мосолов. – СПб. : А. С. Суворин, 1898. – VII+253 с.

14. Муравьев, А. Н. Примечание к запискам графа М. Н. Муравьева / А. Н. Муравьев // Рус. архив. – Год 23. – 1885. – Т. 2. – С. 200–201.

15. Муравьев, А. Н. Рассказ брата графа М. Н. Муравьева / А. Н. Муравьев // Рус. старина. – Год 13. – 1882. – Т. 36, № 12. – С. 644–646.

16. [Муравьев, М. Н.] «Готов собою жертвовать…» : записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / [М. Н. Муравьев] ; Рос. гос. б-ка. – М. : Пашков дом, 2008. – 415 с.

17. Муравьев, М. Н. Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863–1866 гг. / М. Н. Муравьев // Рус. старина. – Т. 36. – 1882. – № 11. – С. 387–432 ; № 12. – С. 623–646 ; Т. 37. – 1883. – № 1. – С. 131–166 ; № 2. – С. 291–304 ; № 3. – С. 615–630 ; Т. 38. – № 4. – С. 193–230 ; Т. 42. – 1884. – № 6. – С. 572–584.

18. Мураўёў, М. М. Нататкі пра кіраванне Паўночна-Заходнім краем і пра падаўленне ў ім бунту / М. М. Мураўёў. – Мінск : Лімарыус, 2016. – 221 с. – (Беларуская мемуарная бібліятэка).

19. Николаев, Г. И. По поводу «Записок» графа М. Н. Муравьева (Письмо в редакцию) / Г. И. Николаев // Истор. вестн. – Год 4. – 1883. – Т. 11. – № 3. – С. 724–726.

20. Павлов, А. С. Владимир Иванович Назимов. Очерк из новейшей летописи Северо-Западной России / А. С. Павлов // Рус. старина. – 1885. – Т. 45. – № 2. – С. 385–410 ; № 3. – С. 555–580 ; Т. 46. – № 5. – С. 323–338.

21. Павлов, А. С. Владимир Иванович Назимов, генерал-губернатор Северо-Западного края, генерал-адъютант : Очерк из новейшей летописи Северо-Зап. России / А. С. Павлов. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1885. – 67 с.

22. Тимощук, В. В. Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность, 1837–1892 : с прил. двух портретов М. И. Семевского и факсимиле его письма: биогр. очерк ; с предисл. и под ред. Н. К. Шильдера / В. В. Тимощук. – СПб. : Изд. Е. М. Семевской, 1895. – 340 с.

23. [Южаков, С. Н.] Крестьянское дело в Северо-Западном крае при генерале Муравьеве (письмо в редакцию) / [С. Н. Южаков] // Вестн. Европы. – 1883. – № 9. – С. 375–379.

24. Przyborowski, W. Pamiętnik Murawiewa «Wieszatiela» przez autora «Historii dwóch lat» / W. Przyborowski // Kwartalnik Historyczny. – 1906. – T. 20. – S. 520–528.

References

1. [Aksakov I.] Moscow, November 13 [Concerning the Notes of M. N. Muravyov on the Insurgency in the North-West Territory in 1863–1864]. Rus' [*Rus*], 1882, November 13, no. 46, pp. 1–5 (in Russian).

2. Berg N. V. Count F. F. Berg and M. N. Muravyov. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1883, no. 4, pp. 214–216 (in Russian).

3. Berg N. V. Count Mikhail Nikolayevich Muravyov: To his "Notes", published in the "Russian Antiquity" ed. 1882–1883 years. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1883, no. 4, pp. 216–229 (in Russian).

4. Valuev P. A. Notes on "Notes" of Count M. N. Muravyov. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1890, vol. 65, no. 12, pp. 857–863 (in Russian).

5. Vladimirov A. P. On the introduction of the Russian language into the worship of the Catholic and Protestant churches in the North-West Territory. *Vestnik Evropy* [Europe Bulletin], 1881, no. 2, pp. 366–375 (in Russian).

6. E. L. Investigation and trial of Polish rebels in the North-West Territory in 1863–1864 (According to official documents). *Viestnik Evropy* [Europe Bulletin], 1883, no. 1, pp. 388–399 (in Russian).

7. Egorov A. E. [Memoirs]. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1883, vol. 38, no. 4, pp. 210–214 (in Russian).

8. Karnovich E. P. Thoughts on the "Notes" of M. N. Muravyov. *Nablyudatel'* [Observer], 1883, no. 11, pp. 153–178; no. 12, pp. 21–39 (in Russian).

9. Karnovich E. P. *Thoughts on "Notes" of M. N. Muravyov*. [S. l., s. n., 1883], pp. 153–178, 21–39 (in Russian).

10. Kartsov P. P. Warsaw in 1860–1861. From the memoirs of Lieutenant-General. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1882, vol. 36, no. 12, pp. 535–584 (in Russian).

11. Kartsov P. P. Count Fiodor Fiodorovich Berg, deputy in the Kingdom of Poland. Essay from the memoirs. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1883, vol. 37, no. 2, pp. 305–321 (in Russian).

12. [Mosolov A. N.] Vilna essays of 1863–1865. (From the memories of an eyewitness). *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1883, vol. 40, pp. 181–200, 391–406, 573–628; 1884, vol. 41, pp. 15–60 (in Russian).

13. Mosolov A. N. *Vilna essays of 1863–1865. (Time of Muravyov)*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1898. VII+253 p. (in Russian).

14. Murav'ev A. N. Remark to the notes of Count M. N. Muravyov. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1885, vol. 2, pp. 200–201 (in Russian).

15. Murav'ev A. N. The story of the brother of Count M. N. Muraviev. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1882, vol. 36, no. 12, pp. 644–646 (in Russian).

16. [Murav'ev M. N.] *"Ready to sacrifice myself...": notes of Count Mikhail Muravyov on the governance of the North-West Territory and on the suppression of the Insurgency in it. 1863–1866*. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2008. 415 p. (in Russian).

17. Murav'ev M. N. Notes on the governance of the North-West Territory and on the suppression of the Insurgency in it, 1863–1866. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1882, vol. 36, no. 11, pp. 387–432; no. 12, pp. 623–646; 1883, vol. 37, no. 1, pp. 131–166; no. 2, pp. 291–304; no. 3, pp. 615–630; vol. 38, no. 4, pp. 193–230; 1884, vol. 42, no. 6, pp. 572–584 (in Russian).

18. Muraŭeŭ M. M. *Notes on the governance of the North-West Territory and on the suppression of the Insurgency in it*. Minsk, Limaryus Publ., 2016. 221 p. (in Belarusian).

19. Nikolaev G. I. Concerning the Notes of M. N. Muravyov (Letter to the editorial office). *Istoricheskii Vestnik* [Historical Bulletin], 1883, vol. 11, no. 3, pp. 724–726 (in Russian).

20. Pavlov A. S. Vladimir Ivanovich Nazimov. An outline from the newest chronicle of northwestern Russia. *Russkaya Starina* [Russian Antiquity], 1885, vol. 45, no. 2, pp. 385–410; no 3, pp. 555–580; vol. 46, no. 5, pp. 323–338 (in Russian).

21. Pavlov A. S. *Vladimir Ivanovich Nazimov, Governor-General of the North-Western Territory, Adjutant-General: A sketch from the latest chronicle of the North-west. Russia*. St. Petersburg, Typography of V. S. Balashov Publ., 1885. 67 p. (in Russian).

22. Timoshchuk V. V. *Mikhail Ivanovich Semevsky, the founder of the historical journal "Russian Antiquity". His life and work, 1837–1892*. St. Petersburg, E. M. Semevskaya Publ., 1895. 340 p. (in Russian).

23. [Yuzhakov S. N.] Peasant business in the North-West Territory under General Muravyov (letter to the editorial office). *Viestnik Evropy* [Europe Bulletin], 1883, no. 9, pp. 375–379 (in Russian).

24. Przyborowski W. Memories of Muravyov the "Hangman", prepared by the author of "History of two years". *Kwartalnik Historyczny* [Quarterly Historical Magazine], 1906, vol. 20, pp. 520–528 (in Polish).

Информация об авторе

Матвейчик Дмитрий Чеславович – кандидат исторических наук, заведующий отделом публикации документов. Национальный исторический архив Беларуси (ул. Кропоткина, 55, 220002, Минск, Республика Беларусь). E-mail: macviej@mail.ru

Information about the author

Dzmitry Ch. Matveichyk – Ph. D. (Hist.), Head of the Department of Document Publication. National Historical Archives of Belarus (55 Kropotkin Str., Minsk 220002, Belarus). E-mail: macviej@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 808.51
https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-176-181

Поступила в редакцию 18.05.2018
Received 18.05.2018

О. А. Гергиев

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРАТОРА И АУДИТОРИИ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Рассматривается взаимодействие оратора и аудитории в торжественной и аргументативной публичной речи на английском и белорусском языках. Взаимодействие адресанта и адресата публичной речи реализуется через категорию диалогичности. Установлено, что в торжественной речи диалогичность преимущественно выражена инклюзивным *мы* и конструкциями, маркирующими общий фонд знаний собеседников, в то время как в аргументативной речи оратор также прибегает к использованию вопросно-ответных комплексов, побудительных высказываний, конструкций, вводящих речь оппонентов. Выявлено, что маркерами побуждения в англоязычной публичной речи преимущественно являются императивы совместного действия, модальные слова и конструкции со значением необходимости, а также перформативные конструкции. Побуждение в выступлениях белорусских ораторов вербализуется в основном модальными словами со значением необходимости. Белорусскоязычные выступающие склонны чаще употреблять в своих выступлениях более категоричные модальные предикаты *павінны/абавязаны*.

Ключевые слова: аргументативная речь, торжественная речь, оратор, аудитория, взаимодействие, диалогичность, побуждение, апелляция к общему фонду знаний, риторический вопрос, вопросно-ответный комплекс, полемика

Для цитирования. Гергиев, О. А. Взаимодействие оратора и аудитории в публичной речи на английском и белорусском языках / О. А. Гергиев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 176–181. https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-176-181

A. A. Herhiyeu

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

SPEAKER-AUDIENCE INTERACTION IN BRITISH AND BELARUSIAN PUBLIC SPEECHES

Abstract. The article is dedicated to the speaker-audience interaction in British and Belarusian oratory. Two types of speeches are analyzed: epideictic and argumentative. Some genre and culture-specific features are revealed. In particular, the speaker in epideictic speech interacts with their audience mainly via inclusive *we* and appeals to shared knowledge while interaction in the argumentative speech has a more sophisticated nature. British speakers tend to use less categorical directives (*let's +infinitive constructions, modals of necessity, performative constructions*) while in Belarusian speeches obligatory modals prevail. The peculiarities are based on different culture types: individualistic – for British orators and collectivistic – for Belarusian counterparts.

Keywords: argumentative speech, epideictic speech, speaker, audience, interaction, dialogicity, inducement, appeal to shared knowledge, rhetorical question, debate

For citation. Herhiyeu A. A. Speaker-audience interaction in British and Belarusian public speeches. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 176–181 (in Russian). https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-176-181

© Гергиев О. А., 2019

Введение. М. М. Бахтин справедливо отмечал: «Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [1, с. 229]. Положения М. М. Бахтина и результаты лингвистических, психологических и социологических исследований позволили сделать вывод о том, что «языковое общение диалогично, более того, что диалогичность – это форма существования языка в речи, не только устной, но и письменной» [2, с. 15].

Публичная речь по форме является монологом, но «даже внешне монологичная речь представляет собой неявную форму диалога, ибо она всегда внутренне ориентирована на возможные реакции слушателей или собеседников, их возражения или одобрение» [3, с. 69].

В публичном выступлении аудитория «становится в какой-то степени партнером говорящего, “его теневым соавтором”, поскольку аспект слушательской регуляции речи достигает здесь предельной значимости» [4, с. 5].

Как отмечает А. К. Михальская, «ваш собеседник или ваша аудитория – не пассивный объект, которому вы должны передать информацию, на которого вы как говорящий призваны воздействовать. Ваша задача как культурного ритора, как образованного “современного говорящего” – “пробудить собственное внутреннее слово” слушателя, установить гармонические и двусторонние отношения с адресатом» [5, с. 83].

В этой связи актуальным становится изучение речевого взаимодействия оратора и аудитории в разных лингвокультурах. Более того, мы предполагаем, что характер отношений субъектов публичной речи зависит не только от лингвокультуры, но и от типа публичного выступления. В центре нашего исследования оказались два типа публичной речи: торжественная и аргументативная.

Основная часть. Отношения оратор–аудитория реализуются через категорию диалогичности. Под диалогичностью мы понимаем «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакции адресата (в том числе второго Я), а также эксплицирование в тексте признаков собственно диалога. При этом понятие адресованности, обращенности включается в более широкое понятие диалогичности» [6, с. 45]. В лингвистической литературе под адресованностью подразумевается ориентация адресанта на предполагаемого адресата [7; 8 и др.]. «Однако, – как отмечает Л. Р. Дускаева, – при этом подходе идея диалогичности парадоксальным образом монологизируется, потому что учитывается лишь аспект обращенности текста к адресату, налицо односторонность речевого акта, по существу игнорируется бахтинская идея взаимодействия коммуникантов в речевом акте» [2, с. 16–17]. Поэтому наряду с адресованностью данный исследователь включает в категорию диалогичности и такое качество текстов, как ответность, т. е. представленность в тексте не только стимулирующей, но и реагирующей смысловой позиции.

Анализ 100 англо- и белорусскоязычных публичных выступлений на культурно-исторические темы показал, что наиболее употребительным средством диалогичности является инклюзивное местоимение мы/we. Оратор, солидаризуясь с аудиторией, говорит не только от своего имени, но и от имени аудитории. Слушатели вовлекаются в совместные с оратором действия, в выработку общего мнения, они «сопереживают речь» [9, с. 154].

Примечательным является тот факт, что в торжественной речи вторым по частоте употребления средством вербализации категории диалогичности являются конструкции, маркирующие общий фонд знаний собеседников. Оратор сообщает аудитории информацию, которая ей уже знакома и с которой она готова согласиться, что позволяет ему уйти от дополнительной аргументации. Слушатели, соглашаясь с выступающим, становятся его партнерами в аргументации [10, с. 568]. Частое употребление подобных конструкций в торжественной речи, на наш взгляд, объясняется тем, что основной целью указанного типа речи является создание у слушателей определенного эмоционального состояния, определенного настроения, сплочение аудитории. Торжественные речи носят ритуально-протокольный характер, в них, как правило, нет спорной точки зрения, а тезисы – преимущественно оценочные. Апелляция к общему фонду знаний в публичной речи представлена конструкциями *we all know* ‘мы все знаем’, *as we know* ‘как мы знаем’, *you don’t need me to tell you* ‘вы и без меня знаете’; *усе добра ведаюць, як вядома, усе мы згодны, без сумненняў*, наречиями *of course, obviously; канешне, сапраўды*: ***You don’t need me to tell you*** *that you are currently the UK’s fastest growing sector, contributing £35bn a year in London alone* ‘Мне не нуж-

но вам говорить, что сейчас вы – самый быстро развивающийся в Великобритании сектор, приносящий только в одном Лондоне ежегодный доход в размере £35 млрд.'; ***Усе добра ведаюць**, што каталіцызм з'яўляецца адной з галоўных рэлігійных канфесій у Беларусі.*

Целями же аргументативной речи являются убеждение в справедливости высказываемого тезиса, формирование взглядов аудитории и изменение существующих мнений и оценок слушателей, побуждение к тому или иному действию в будущем. В аргументативной речи «очень силен элемент опровержения (критика, протест)» [11, с. 300]. Поэтому для нее характерны такие средства диалогичности, как вопросно-ответные комплексы, побудительные высказывания, конструкции, вводящие речь оппонентов. Результаты анализа отражены в табл. 1.

Таблица 1. **Средства экспликации категории диалогичности в англоязычной и белорусскоязычной публичной речи**

Table 1. **Dialogic means in British and Belarusian public speeches**

Средства диалогичности	Аргументативная речь				Торжественная речь			
	английский язык		белорусский язык		английский язык		белорусский язык	
	количество	процентное соотношение	количество	процентное соотношение	количество	процентное соотношение	количество	процентное соотношение
Инклюзивное мы	414	67,4	323	64,1	182	70	124	64,6
Побудительные высказывания	89	14,5	98	19,4	18	6,9	15	7,8
Вопросы, требующие ответа	29	4,7	14	2,8	2	0,7	7	3,7
Риторические вопросы	25	4,1	13	2,6	12	4,5	10	5,2
Вопросно-ответные комплексы	22	3,6	16	3,2	2	0,7	1	0,5
Конструкции, маркирующие общий фонд знаний собеседников	18	2,9	16	3,2	45	17,2	35	18,2
Конструкции, вводящие речь оппонентов	17	2,8	24	4,8	0	0	0	0

Аргументативная речь по своей природе всегда полемична. Выстраивая линию аргументации, оратор вводит в речь чужие голоса, оппонентов: «Появляется образ противника. В ораторскую речь вводится полемическая мишень. От имени противника <…> формулируются смыслы, подлежащие опровержению или разоблачению, и им противопоставляется выражение точки зрения говорящего» [12, с. 145]. Выступление становится полифоничным.

В англоязычной аргументативной речи оппонент чаще приобретает предельно обобщенный характер: это может быть стереотип, миф или неопределенная группа людей. Маркерами являются конструкции *some say, there's a myth/idea, one could argue, there are people who claim* и т. д.: *Now, **there's a myth** that entrepreneurs can only flourish in the private sector. But I believe there's a real place for them in every aspect of life* 'Существует ошибочное мнение, что предприниматели могут преуспеть только в частном секторе. Но я считаю, что они могут преуспеть в любой области'.

В белорусскоязычном аргументативном выступлении ритор, наоборот, чаще вступает в спор с конкретным общественным деятелем, организацией или с предыдущим выступающим: *А калі такія, як **Мікалай Пінігін** – безумоўна, таленавіты, вынаходлівы рэжысёр? Той, які ўпарта раз за разам паўтарае, што на адноўленай сцэне Купалаўскага не будуць ставіць ні Петрашкевіча, ні Макаёнка, ні Крапіву ды іншых беларускіх драматургаў, таму што яны, маўляў, на яго думку, не адпавядаюць сучаснаму мастацкаму ўзроўню. Вельмі спрэчная, на мой погляд, пазіцыя.*

В англо- и белорусскоязычной ораторике основными маркерами побудительности являются императивные формы глагола, модальные слова и конструкции со значением необходимости, а также перформативные побудительные конструкции. В публичной речи случаи употребления императива в форме 2-го л. ед. и мн. ч. достаточно редки, поскольку ораторы стараются избегать

менторского и поучительного тона. Предпочтительна форма «совместного действия», которая не несет угрозы коммуникативному имиджу аудитории: *Times are challenging but the prize is big so* ***let's be bold and ambitious*** 'Время бросает нам вызов, но на кону многое, поэтому давайте будем храбрыми и продолжим идти к своей цели'; *Мы цяпер маем вялікую колькасць эстрадных выканаўцаў –* ***давайце будзем выбіраць*** *з іх якасных спевакоў. Каб мы зноў сталі флагманам у эстрадным жанры на постсавецкай прасторы, узорам для ўсіх, як было раней.* Стоит отметить, что англоязычные ораторы гораздо чаще прибегают к императивам совместного действия как маркеру побуждения (22,7 %), чем белорусскоязычные говорящие (4,1 %), в речах которых побуждение преимущественно выражено модальными предикатами (85,7 %).

Сопоставительный анализ также показал, что в публичной речи на белорусском языке чаще встречаются более категоричные модальные предикаты *павінны, абавязаны,* чем менее сильные *трэба, варта, патрэбна, неабходна*: *Мы* ***павінны*** *зрабіць усё дзеля таго, каб наша дзяржава захавалася, і не толькі захавалася, але і мацнела і працвітала.*

Частое использование более категоричных модальных предикатов, на наш взгляд, объясняется принадлежностью белорусов к коллективистскому типу культуры, где основными ценностями являются следование традициям и чувство долга [13]: *Таму, калі Бог выдзеліў беларусаў з мноства народаў свету, калі Бог даў ім месца на нашай зямлі, калі Бог надзяліў беларусаў адметнай мовай, арыгінальнай нацыянальнай літаратурай, багатай духоўнай спадчынай, даў нам такіх нацыянальных волатаў, як Янка Купала і Якуб Колас, то* ***наш з вамі святы абавязак*** *зберагчы ўсё гэта для наступных пакаленняў беларусаў.*

Британская культура – культура индивидуалистского типа, где не приветствуется прямое воздействие на адресата [14, с. 216]. Вероятно поэтому британские ораторы модальному глаголу *must* предпочитают менее категоричные *need* и *should*, императивы совместного действия и перформативные конструкции *I encourage/request you*: *We* ***need*** *to work together: to create, and to innovate* 'Нам нужно работать сообща, чтобы создавать новое и модернизировать старое'. Частотность модальных предикатов представлена в табл. 2.

Таблица 2. **Употребительность модальных предикатов (на 10 000 слов)**

Table 2. **Modal predicates per 10 000 words**

Модальные предикаты	Английский язык	Белорусский язык
Must/павінен	4,4	15,6
Need/трэба	10,9	12,8

Как в аргументативной, так и в торжественной речи оратор часто прибегает к использованию риторических вопросов. Риторические вопросы придают аргументам большую убеждающую силу, они «заставляют слушателя додумать и сформулировать для себя то, что не договорено оратором до конца». <…> это фигура речи, обладающая мощной диалогизирующей потенцией [5, с. 240]: Everyone has to play a part in our efforts to reduce the deficit, my Department is no exception. ***Do we want to be seen to inspire our children or leave them with a mountain of debt?*** 'Каждый должен внести свой вклад в общее дело по сокращению дефицита бюджета. Мое министерство не исключение. Мы хотим вдохновлять наших детей на новые свершения или оставить их с горой долгов?; *Скажам, гадамі застаецца нявырашаным пытанне ўмацавання матэрыяльнай базы Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў. Будынак, які па рашэнні Прэзідэнта краіны быў перададзены гэтай установе, так і не быў даведзены да ладу з прычыны адсутнасці сродкаў. На жаль, такая сітуацыя падрывае давер студэнтаў і проста грамадзян да ўлады, да даручэнняў, дадзеных Кіраўніком дзяржавы.* ***Дык, можа, лепей у першую чаргу ўкладаць грошы ў такія аб'екты, а не ствараць даўгабуды?***

Что касается вопросно-ответных комплексов, то они практически не свойственны торжественной речи. Напротив, в аргументативном выступлении оратор предвосхищает возможные возражения аудитории и отвечает на потенциальные вопросы слушателей: ***I'm sure many of you are sitting there now thinking "That's a noble goal, Sajid, but where is the money we need to achieve it?"***

So let's talk about funding for a moment 'Уверен, что многие из вас сейчас думают: «Это благородная цель, Саджид, но где нам взять деньги на ее осуществление?». Поэтому давайте сейчас поговорим о финансировании'; *Сёння мы пачынаем вельмі важны працэс. Гэты працэс павінен надаць больш сістэмны, сталы і выніковы характар у адносінах паміж Беларуссю і беларусамі, якія жывуць за яе межамі.* ***Хтосьці можа задаць пытанне: дзеля чаго гэта патрэбна?*** *Вядомы брытанскі філосаф Эдмунд Брук, які жыў на мяжы XVIII–XIX стагоддзяў, калісьці сказаў, што "гісторыя – гэта пакт, які аб'ядноўвае ўжо памерлых, тых, якія жывуць, і яшчэ ненароджаных". І сёння, калі наша маладая незалежная дзяржава пачынае ўстойліва стаяць на нагах, калі яе пачалі заўважаць і паважаць у свеце, прыйшоў, напэўна, час па крупінках узнаўляць гісторыю беларускага народа. І неад'емнай часткай гісторыі беларускага народа з'яўляецца гісторыя беларускага замежжа.*

Отличительной особенностью аргументативной речи является использование оратором цепочки вопросов. Введение вопросного ряда в начале выступления позволяет оратору обозначить тему выступления и наметить проблемные области, заинтересовать аудиторию, вовлечь ее в коллективное размышление: *How do we ensure excellence in our culture and the creative industries thrive in Britain, and British creativity thrives around the world? How do we ensure we spread access to culture to all parts of our own country here at home? How do we ensure the next generation are able to learn about and carry forward our cultural heritage? How can we ensure sustainable funding long into the future?* 'Как добиться того, чтобы наша культура процветала, чтобы наша культурно-развлекательная индустрия процветала, чтобы британская креативность процветала во всем мире? Как обеспечить доступ к культурному образованию всем гражданам нашей страны? Как добиться того, чтобы следующее поколение не только знало, но и продвигало наше культурное достояние? Как обеспечить устойчивое финансирование на долгие годы вперед?; *А ці мяняецца што ў глабальным плане? Хто ёсць беларусы ў сучаснай прасторы? Ці скараціўся адсотак асіміляцыі беларусаў за мяжой і нават у самой Беларусі?*

Заключение. В целом, результаты исследования показывают, что отношения оратор–аудитория в разных типах публичной речи имеют свои отличия. Взаимодействие выступающего и слушателей в аргументативном выступлении приобретает более сложный вид, что обусловлено коммуникативной целью выступления и полемическим характером данного типа речи. Торжественная речь – это речь по случаю, в которой отсутствуют спорные утверждения, и взаимодействие оратора и аудитории проходит посредством солидаризации и апелляции к общему фонду знаний. Ораторские выступления на английском и белорусском языках также имеют ряд и лингвокультурных отличий. Побуждая аудиторию к действию, британские ораторы, в отличие от белорусскоязычных выступающих, гораздо чаще используют менее категоричные *need/should* и императивы совместного действия. Данное различие обусловлено принадлежностью говорящих к разным типам культур.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – С. 237–280.

2. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; науч. ред. М. Н. Кожина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : [б. и.], 2012. – 274 с.

3. Гусев, С. С. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. – М. : Политиздат, 1985. – 192 с.

4. Блох, М. Я. Публичная речь и ее просодический строй / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдлина. – М. : Прометей, 2011. – 235 с.

5. Михальская, А. К. Основы риторики: мысль и слово : учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. / А. К. Михальская. – М. : Просвещение, 1996. – 416 с.

6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – 3-е изд., стер. – М. : Флинта, 2016. – 696 с.

7. Воробьева, О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: одноязычная и межъязыковая коммуникация : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. П. Воробьева. – М., 1993. – 382 л.

8. Романова, Н. Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах: на материале немецкого языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. Л. Романова. – СПб., 1997. – 221 л.

9. Кохтев, Н. Н. Основы ораторской речи : учеб. пособие / Н. Н. Кохтев. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта, 2013. – 328 с.

10. Hyland, K. Bringing in the reader: addressee features in academic articles / K. Hyland // Written Communication. – 2001. – Vol. 18, № 4. – P. 549–574. https://doi.org/10.1177/0741088301018004005

11. Анисимова, Т. В. Современная деловая риторика : учеб. пособие / Т. В. Анисимова, Е. Г. Гимпельсон. – 2-е изд., стер. – М. : Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2004. – 431 с.

12. Гофман, В. А. Слово оратора: риторика и политика / В. А. Гофман. – Изд. 2-е, испр. – М. : URSS, 2010. – 230 с.

13. Кириенко, В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В. В. Кириенко. – Гомель : Гомел. гос. техн. ун-т, 2009. – 319 с.

14. Ларина, Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. – М. : Яз. славян. культур, 2013. – 357 с.

References

1. Bakhtin M. M. The problem of speech genres. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979, pp. 237–280 (in Russian).

2. Duskaeva L. R., Kozhina M. N. (ed.) *The dialogue nature of newspaper speech genres*. 2nd ed. St. Petersburg, 2012. 274 p. (in Russian).

3. Gusev C. S., Tul'chinskii G. L. *The problem of understanding in philosophy: philosophical and epistemological analysis*. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 192 p. (in Russian).

4. Blokh M. Ya., Freidlina E. L. *Public speech and its prosodic structure*. Moscow, Prometei Publ., 2011. 235 p. (in Russian).

5. Mikhal'skaya A. K. *Basics of rhetoric: thought and word*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1996. 416 p. (in Russian).

6. Kozhina M. N. (ed.) *Stylistic encyclopedic dictionary of the russian language*. 3nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2016. 696 p. (in Russian).

7. Vorob'eva O. P. *Linguistic aspects of the addressing of an artistic text: monolingual and interlingual communication*. Ph. D. Thesis. Moscow, 1993. 382 p. (in Russian).

8. Romanova N. L. *Language means of expression of addressing in scientific and artistic texts: on the material of the German language*. Ph. D. Thesis. St. Petersburg, 1997. 221 p. (in Russian).

9. Kokhtev N. N. *Basics of oratory*. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2013. 328 p. (in Russian).

10. Hyland K. Bringing in the reader: addressee features in academic articles. *Written Communication*, 2001, vol. 18, no. 4, pp. 549–574. https://doi.org/ 10.1177/0741088301018004005

11. Anisimova T. V., Gimpel'son E. G. *Modern business rhetoric*. 2nd ed. Moscow, Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh, MODEK Publ., 2004. 431 p. (in Russian).

12. Gofman V. A. *Word of the orator: rhetoric and politics*. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2010. 230 p. (in Russian).

13. Kirienko V. V. *Belarusian mentality: origins, contemporaneity, prospects*. Gomel, Gomel State Technical University, 2009. 319 p. (in Russian).

14. Larina T. V. *Englishmen and Russians: language, culture, communication*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 357 p. (in Russian).

Информация об авторе

Гергиев Олег Альбертович – аспирант. Минский государственный лингвистический университет (ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Республика Беларусь). E-mail: oleg.herhiyeu@gmail.com

Information about the author

Aleh A. Herhiyeu – Postgraduate student, Minsk State Linguistic University (21 Zakharov Str., Minsk 220034, Belarus). E-mail: oleg.herhiyeu@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 81.367.3:(811.161.1+811.581)
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-182-190

Паступіў у рэдакцыю 08.12.2017
Received 08.12.2017

Шоу Цзяжуй

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь

ПРАБЛЕМА СІНТАКСІЧНАЙ НЕПАЎНАТЫ Ў КІТАЙСКІМ МОВАЗНАЎСТВЕ

Аннотация. Анализируются проблемы синтаксической неполноты в освещении разных синтаксических школ и направлений. Показаны теоретические основы и методологические принципы каждой синтаксической школы и интерпретация структурно-синтаксических модификаций в китайском языкознании. Выделены и систематизированы следующие синтаксические направления: логико-грамматическое, формальное, психологическое, структурное, семантическое, функциональное. Показаны критерии синтаксической неполноты в китайском языкознании и основные типы неполных конструкций: с пропуском подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства, предлога.

Анализ научной литературы по проблеме структурно-синтаксических модификаций позволяет разработать концепию исследования неполных предложений в китайском языке, выявить их структурные типы, установить специфику способов экспликации предикативных значений, охарактеризовать компенсаторные свойства парадигмы структурно-синтаксических модификаций.

Ключевые слова: синтаксическая неполнота, компенсаторный признак,структурно-синтаксическая модификация, эксплицитная и имплицитная семантика, фиксированный и свободный порядок слов, предпозиционный и постпозиционный синтаксические типы, предикативная категория, неполное предложение

Для цитирования. Шоу Цзяжуй. Праблема сінтаксічнай непаўнаты ў кітайскім мовазнаўстве / Цзяжуй Шоу // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 182–190. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-182-190

Shou Jiarui

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

PROBLEM OF SYNTACTIC INCOMPLETENESS IN CHINESE LINGUISTICS

Abstract. The article analyzes the problems of syntactic incompleteness in the sanctification of different syntactic schools and directions. The theoretical foundations and methodological principles of each syntactic school and the interpretation of structural-syntactic modifications in Chinese linguistics are shown. The following syntactic directions are distinguished and systematized: logical-grammatical, formal, psychological, structural, semantic, functional. The criteria for syntactic incompleteness in Chinese linguistics and the main types of incomplete constructions are shown: with the omission of the subject, the predicate, the complement, the definition, the circumstance, the preposition.

The analysis of the scientific literature on the problem of structural-syntactic modifications allows us to develop the end of the study of incomplete sentences in the Chinese language, to reveal their structural types, to establish the specifics of explication methods of predicative values, to characterize the compensatory properties of the paradigm of structural-syntactic modifications.

Keywords: syntactic incompleteness, compensatory feature, structural-syntactic modification, explicit and implicit semantics, fixed and free word order, preposition and postposition syntactic types, predicative category, incomplete sentence

For citation. Shou Jiarui. Problem of syntactic incompleteness in chinese linguistics. *Vestsi Natsyyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2019, vol. 64, no. 2, pp. 182–190 (in Belarusian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-182-190

У сучасным мовазнаўстве тыпалагічныя даследаванні праводзяцца дастаткова шырока і паводле паходжання мовы ахопліваюць розныя іх узроўні, сістэмы, заканамернасці функцыянавання. Адным з актуальных пытанняў у сучасных тыпалагічных даследаваннях выступае праблема сінтаксічнай непаўнаты канструкцыі, якая вывучалася ў кітайскім мовазнаўстве на аснове тэарэтычных асноў розных сінтаксічных школ і напрамкаў.

© Шоу Цзяжуй, 2019

У гісторыі кітайскага мовазнаўства няпоўныя канструкцыі вывучалі прадстаўнікі ***логіка-граматычнай школы*** [1–3]. Метадалагічныя прынцыпы даследавання дадзенай школы абмяжоўваліся прыёмамі лагічнага аналізу, структура сказа атаясамлівалася з лагічным суджэннем, адсутнасць аднаго з кампанентаў якога расцэньвалася як сінтаксічная непаўната.

У кітайскім мовазнаўстве метадалагічныя прынцыпы лагічнай школы ў цэлым адпавядаюць еўрапейскім, пры гэтым навукоўцы размяжоўваюць граматычную непаўнату і лагічную незавершанасць. Сказ разглядаўся як сродак выражэння лагічных адносін. У якасці элементаў лагічнага суджэння вылучаліся як кампаненты аб'ектна-суб'ектнага і прэдыкаўнага тыпаў, так і часткі простага сказа (няпоўнага ў тым ліку): «Лагічнае суджэнне ў форме сказа павінна ўключаць адпаведныя кампаненты: суб'ект, аб'ект і прэдыкат. Але ў канкрэтнай сітуацыі або кантэксце можа апускацца і іншы кампанент. Падобная з'ява належыць да граматычнай непаўнаты, паколькі логіка-семантычныя адносіны ў выказванні засталіся нязменнымі» [1, с. 13–17]. Выходзячы з падобнай тэорыі, сказ *他走着，一直走着，什么也没看见；不知道，也记不得他这是到哪儿去*（*曹*）(літаральна: *Ён хадзіў увесь час, нічога не бачыў і не ведае, куды павінен ісці*) кваліфікуецца як няпоўны з пропускам суб'екта, пры гэтым на ўзроўні лагічнага суджэння прычынна-выніковыя адносіны выяўляюцца ў поўнай меры.

Арыгінальную трактоўку праблемы сінтаксічнай непаўнаты выказаў Люй Шусян. Няпоўны сказ, на думку даследчыка, «выразна і коратка выказвае мысленне. Таму кваліфікацыйнай прыкметай неабходна лічыць не толькі пропуск члена на ўзроўні фармальна-граматычнай схемы сказа, а таксама недастатковасць на ўзроўні яго семантычнай арганізацыі» [4, с. 68]. Відавочна, што вучоныя адносяць да кваліфікацыйных прыкмет логіка-семантычную «правільнасць» выказвання, а значыць, за аснову вылучэння няпоўных канструкцый узяты адносіны паміж аб'ёмамі паняццяў сказаў – прычынна-выніковыя, уключэння, накладання, адмаўлення і інш. Напрыклад, прычынна-выніковыя адносіны выяўляюцца паміж часткамі складанага сказа: *张英才本想中午离开，听说余志和李子要回来，又改了主意，决定多住一天*（*刘*）(літаральна: *Ён хацеў бы выехаць удзень, але ведаў, што сябры хутка вернуцца, вырашыў пажыць яшчэ дзень*). Адносіны адмаўлення *为了实现这个愿望，不是没人试过；而是多次试过，不行*（*张*）(літаральна: *Каб рэалізаваць гэта жаданне, няма нікога, хто б спрабаваў, а* ***(я)*** *многа разоў спрабаваў, але не атрымалася*) фарміруюцца паміж аб'ёмамі паняццяў самастойных канструкцый у складзе звышфразавага адзінства. У якасці кампенсаторных кампанентаў ужываюцца экспліцытна выражаныя суб'ект і прэдыкат.

Сказы з сінтаксічнай непаўнатой у кітайскай мове – скарочаныя – маюць ідэнтычнае семантычнае напаўненне ў параўнанні з поўнымі, логіка мыслення пры пропусках не парушаецца. Фармальна-граматычная прыкмета з'яўляецца пераменнай характарыстыкай у тэорыі логіка-граматычнай школы і не ўваходзіць у рэестр сістэмаўтваральных параметраў. Камунікатыўная функцыя сказаў абумоўлена заканамернасцямі іх функцыянавання, рэгулятыўнай здольнасцю моўных кампанентаў і ўзроўняў, а не наяўнасцю / адсутнасцю структурных элементаў.

Відавочна, што даследаванні прадстаўнікоў логіка-граматычнай школы ў мовазнаўстве ўнеслі пэўны ўклад у распрацоўку праблемы структурна-сінтаксічных мадыфікацый. Былі вызначаны параметры сінтаксічнай непаўнаты і семантычнай завершанасці сказа, выяўлены віды лагічных адносін паміж аб'ёмамі паняццяў у выказванні. Адмежаванне канстантных і пераменных характарыстык сінтаксічных канструкцый дало магчымасць вызначыць кваліфікацыйныя і сістэмаўтваральныя параметры, якія сталі асновай адпаведнай класіфікацыі. Пры гэтым неабходна адзначыць, што метадалагічныя прынцыпы названай школы пабудаваны на агульналагічных заканамернасцях: катэгорыі логікі і граматыкі атаясамліваюцца, што не дазваляе ў поўнай меры выявіць тыпалагічныя асаблівасці сінтаксічнай непаўнаты ў кітайскай мове.

Сінтаксічная непаўната разглядалася ў межах ***фармальнай граматычнай школы*** [4; 5]. Метадалагічны апарат дадзенай лінгвістычнай школы грунтаваўся на прынцыпе камбінаторных уласцівасцей сказа. Асноўным крытэрыем пры кваліфікацыі сінтаксічных з'яў была адпаведнасць / неадпаведнасць сказа фармальна-граматычнай схеме. У межах названага напрамку ўпершыню былі вызначаны граматычныя крытэрыі сінтаксічнай непаўнаты. Да няпоўных адносілі сказы, у якіх апушчаны структурна неабходны кампанент.

Тэарэтычныя прынцыпы фармальна-граматычнай школы дазволілі кітайскім мовaведам дакладна акрэсліць мінімальную схему інварыянтнай канструкцыі: «Любы сказ павінен мець у складзе шэсць кампанентаў: дзейнік, выказнік, дапаўненне, азначэнне, акалічнасць, паўпрэдыкатыўную постпазіцыйную акалічнасць» [4, с. 61]. Неабходна адзначыць, што мінімальны склад фармальна-граматычнай схемы інварыянтных канструкцый у кітайскай мове большы ў параўнанні з беларускай, што абумоўлена такой тыпалагічнай асаблівасцю кітайскай мовы, як адсутнасць граматычных форм, а значыць, кожны кампанент мае семантыка-сінтаксічную аўтаномнасць. Вылучаныя тыпалагічныя параметры дазволілі кваліфікаваць сінтаксічную непаўнату як «пропуск кампанентаў сказа, які абумоўлены кантэкстам або сітуацыяй, а апушчаныя члены лёгка могуць быць узноўлены» [4, с. 68].

У сваіх даследаваннях Чжан Гуйбінь у цэлым прытрымліваецца метадалагічных прынцыпаў фармальна-граматычнай школы, але пры гэтым заўважае, што сінтаксічная непаўната ў кітайскай мове назіраецца на розных узроўнях, гэтыя з'явы неабходна строга дыферэнцыраваць: «Апушчэнне прагматычнае вылучаецца на ўзроўні кантэксту і сітуацыі. Апушчэнне фармальнае праяўляецца на ўзроўні структурнай арганізацыі. Апушчэнне семантычнае кваліфікуецца ў тым выпадку, калі колькасны склад кампанентаў сказа недастатковы для выражэння сэнсу» [5, с. 25]. Відавочна, што прыроду ўзнікнення структурна-сінтаксічных мадыфікацый даследчык кваліфікуе як структурна-камбінаторную, што абумоўлена фіксаваным парадкам слоў у сінтаксічнай сістэме кітайскай мовы. Напрыклад, у сказе тыпу *都罚款，一个瓶子十块钱* （王）(літаральна: *Усё, заплаціць штраф? – Адну бутэльку – дзесяць юаней*) прапушчаны выказнік, які кампенсуецца на ўзроўні дыялагічнага адзінства. Таму сказ і кваліфікуецца як няпоўны.

Псіхалагічная сінтаксічная школа ў кітайскім мовазнаўстве прадстаўлена не шырока. Да яе адносіцца невялікая колькасць прац, што грунтуецца на метадалагічных прынцыпах інтэрпрэтацыі мовы як прадукту псіхалагічнай дзейнасці чалавека. Інтарэс да названай праблемы быў абумоўлены неабходнасцю выявіць законы параджэння маўленчай інфармацыі пэўнай асобай, вызначыць узаемадзеянне паміж маўленчай і псіхалагічнай дзейнасцю чалавека. Большасць даследчыкаў прытрымліваецца меркавання, што пропуск у сказе выкліканы прынцыпам эканоміі моўных сродкаў [6–8]: «Імкненне да перадачы найбольш поўнай інфармацыі мінімальнымі сродкамі прыводзіць да апушчэння вядомых з кантэксту кампанентаў сказа, што надае выказванню сцісласць і яснасць» [6, с. 618]. Асноўным крытэрыем кваліфікацыі сказа даследчыкі лічылі паўнату прадстаўлення аб аб'ектыўнай рэчаіснасці, а не граматычную форму. Адпаведна, аб'ектам вывучэння лічыліся рэальна ўжываемыя формы, а не абстракцыі.

Відавочна, што метадалагічныя прынцыпы даследавання структурна-сінтаксічных мадыфікацый, прапанаваныя прадстаўнікамі псіхалагічнай школы ў мовазнаўстве, унеслі пэўны ўклад у даследаванне няпоўных канструкцый. Сэнсавая дастатковасць сказа пры яго кваліфікацыі ўлічвалася ў большай ступені, чым у астатніх школах, што пазітыўна адбілася на выбары аб'екта даследавання ў кітайскай мове. Аднак кола няпоўных сказаў атрымалася неапраўдана вузкім – да іх адносілі толькі перарваныя сказы, што некалькі ўскладняла іх сістэматызацыю. Няпоўныя сказы тыпу *她接过报纸，随意地看了一下（巴）* (літаральна: *Ён узяў газету, выпадкова паглядзеў*) перадаюць сэнс у поўным аб'ёме і кваліфікуюцца як семантычна дастатковыя. Апушчаны член у іх, у дадзеным выпадку дапаўненне, названы ў кантэксце, паўтараць яго няма неабходнасці. Да значных дасягненняў псіхалагічнай школы найперш можна аднесці распрацоўку новай метадалогіі даследавання сінтаксічных з'яў, заснаваных на атаясамліванні катэгорый псіхалогіі і мовазнаўства, і дакладнае вызначэнне аб'екта лінгвістычнага даследавання.

У 20–30-я гг. XX стагоддзя пачаў развівацца кірунак ***структурнага сінтаксісу***, асноўнымі метадалагічнымі прынцыпамі якога былі сістэмнасць, структурнасць і іманентнасць. Гэта дазволіла ўзбагаціць тэарэтычную базу сінтаксісу і адкрыць перспектывы для даследавання найбольш складаных з'яў у кітайскай мове.

Тэарэтычныя асновы структурнага сінтаксісу ў кітайскім мовазнаўстве ў цэлым грунтаваліся на асноўных метадалагічных прынцыпах еўрапейскай школы. Даследчык Фан Сяо распрацаваў тэорыю дынамічнай абумоўленасці сінтаксічнай дэрывацыі і вылучаў у кітайскай мове інварыянтныя мадэлі і іх мадыфікацыі. Да мадыфікацый вучоны адносіў, акрамя канструкцый з эліпсісам,

парцэляцыяй, рэдукцыяй, кампрэсіяй, і канструкцыі з інверсійным парадкам слоў, паколькі ў кітайскай мове парадак слоў фіксаваны: «У кітайскай мове вылучаюцца два функцыянальныя тыпы сказаў: фармальны і мадыфікаваны» [9, с. 161]. Фармальны тып уключае ўсе зыходныя сінтаксічныя формы. Да мадыфікацый адносяць сінтаксічна няпоўныя сказы тыпу: *吃过了* (літаральна: *Паеў*), эліптычныя: *你人呢* (літаральна: *Ты – дзе?*), сказы з інверсійным парадкам слоў: *来了吗, 你哥哥?* (літаральна: *Вярнуўся твой брат?*) [9, с. 161].

Няпоўныя сказы ў кітайскім мовазнаўстве кваліфікаваліся таксама на аснове прапушчанага члена (Хуан Божун, Лао Сюйдун). Пры класіфікацыі ўлічваўся від маўленчай дзейнасці (дыялог, маналог), таму вылучаліся канструкцыі сітуацыйныя (дыялагічныя) і кантэкстуальныя: «У пэўнай моўнай сітуацыі прапускаецца член, які быў названы ў папярэднім або наступным кантэксце» [10, с. 94]. У кантэкстуальна няпоўным сказе кампенсаторную функцыю выконвае экспліцытна выражаны член: *他在中国人民大学上学时，学过一点俄语，后来再没坚持，也差不多忘光了（路）* (літаральна: *Калі ён вучыўся ў Кітайскім народным універсітэце, навучыўся крыху кітайскай мове, потым не размаўляў і амаль забыўся*).

Метадалагічныя прынцыпы структурнага сінтаксісу дазволілі даследаваць адносіны сінтаксічнага нуля і эліпсіса. Большасць навукоўцаў атаясамлівалі гэтыя паняцці [11], пры гэтым некаторыя вучоныя катэгарычна размяжоўваюць эліпсіс і сінтаксічны нуль [12]. Адрозніваецца арыгінальнасцю канцэпцыя Чжан Цяньвэй, які дыферэнцыруе сумежныя з'явы ў кітайскай мове і вылучае непасрэдна сінтаксічны нуль, апушчаны суб'ект і пустую катэгорыю. У канструкцыях з сінтаксічным нулём патэнцыяльна можа быць апушчаны любы член: *星期天不上课，今天星期天（刘）* (літаральна: *У нядзелю няма заняткаў, сёння нядзеля*), у сказах з апушчаным суб'ектам звычайна апускаецца дапаўненне: *我们到处找她,可就是找不到（洁）* (літаральна: *Мы ўсюды шукаем яе, але не знайшлі*), у сказах з пустой катэгорыяй у якасці кампенсаторнага кампанента выступаюць усе віды дапаўнення: *这本书, 我不看* (літаральна: *Гэту кнігу я не чытаў*) [12, с. 3–4].

Тэорыя суадносін сінтаксічнага нуля і эліпсіса, распрацаваная кітайскімі навукоўцамі, безумоўна, дала магчымасць дыферэнцыраваць незамешчаныя сінтаксічныя пазіцыі ў адпаведнасці са структурнымі, семантычнымі і функцыянальнымі параметрамі. Гэта адкрыла перспектывы для больш дэталёвага вывучэння розных сінтаксічных з'яў.

Няпоўныя сказы даследаваліся ў аспекце паўната / непаўната сінтаксічнай адзінкі. Неабходна адзначыць, што большая частка навукоўцаў [13; 14] лічылі ўсе мадыфікацыі з пропускам членаў няпоўнымі. У кітайскім мовазнаўстве любы пропуск, сінтаксічная дэрывацыя або інверсія кваліфікуецца як структурна-сінтаксічная мадыфікацыя. Нельга не пагадзіцца з тым, што ў кітайскай мове няпоўныя сказы маюць пэўную функцыянальную дастатковасць, аднак кваліфікаваць іх як структурна поўныя было б няправільна.

Распрацоўка тэорыі інварыянтнасці сінтаксічных мадэлей з'явілася базай для аналізу і сістэматызацыі ўсіх структурна-сінтаксічных мадыфікацый. Найбольшую каштоўнасць для кітайскага мовазнаўства ўяўляе тэорыя інварыянтнасці прэдыкатыўна-суб'ектнага комплексу. У кітайскай мове пропускі суб'ектных, аб'ектных, прэдыкатыўных кампанентаў і службовых часцін мовы кваліфікуюцца як з'явы аднаго парадку, таму кола няпоўных сказаў у кітайскай мове больш шырокае, чым у славянскіх. Да іх адносяцца сказы з пропускам дзейніка, выказніка, дапаўнення, азначэння, акалічнасці, прыназоўніка, злучніка [15–19].

Для даследавання і сістэматызацыі няпоўных сказаў навукоўцы выкарысталі розныя метады і прыёмы структурнага сінтаксісу. Сін Фуі ўжываў сінтаксічныя сувязі (прэдыкатыўныя, атрыбутыўныя і інш.) і адносіны (прычынна-выніковыя, умоўныя, далучальныя і інш.) для выяўлення кампенсаторных магчымасцей кантэксту. Арыгінальную класіфікацыю прапанаваў Фан Мэй, які дыферэнцыруе постпазіцыйны і перадпазіцыйны эліпсіс: *我们天天穿衣吃饭,应该知道衣和饭的生产过程* (літаральна: *Мы кожны дзень апранаемся і ядзім, **(мы)** павінны ведаць працэсы вытворчасці вопраткі і прадуктаў); 掌握了拼音方案, 我们学习普通话就方便多了* (літаральна: *Авалодаем транскрыпцыяй кітайскай мовы, потым **(нам)** вывучаць кітайскую мову будзе лягчэй*) [16]. Такая класіфікацыя ў кітайскай мове абгрунтавана і апраўдана. Змена парадку слоў утварае новыя віды сказаў, якія з'яўляюцца спецыфічнымі для моў ізаляванага тыпу.

Аналіз няпоўных сказаў у параўнальным аспекце даў магчымасць выявіць спецыфічныя асаблівасці сінтаксічнай сістэмы ў розных мовах [20; 21]. Адной з такіх асаблівасцей кітайскіх няпоўных сказаў з'яўляецца абавязковая наяўнасць прапушчанага члена ў кантэксце, «адсутнасць у кітайскай мове склонаў і спражэння робіць немагчымым кампенсацыю апушчанага дзеяслова невербальнымі сродкамі. Для ідэнтыфікацыі семантыкі сказа абавязкова патрабуецца экспліцытна выражаны дзеяслоў» [20, с. 285]. Такая кваліфікацыя сінтаксічнай непаўнаты звужае кола ўнутрысінтагматычных эліптычных сказаў у кітайскай мове: да іх адносяцца выключна канструкцыі з семантыкай татальнай лакалізацыі: *你父亲呢?（曹）* (літаральна: *Дзе твой бацька?*).

Несумненна, распрацоўкі ў галіне структурнага сінтаксісу ўнеслі значны ўклад у даследаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый у кітайскай мове. Распрацоўка тэорыі інварыянтных структур дала магчымасць адмяжоўваць зыходныя мадэлі і іх мадыфікацыі. Канцэпцыя парадыгматычнага і сінтагматычнага строю мовы зрабіла магчымым размежаваць з'явы сінтаксічнага нуля, эліпсіса, пустых катэгорый і нулявых лексем. Гэта адкрыла новыя перспектывы для аналізу і кваліфікацыі функцыянальных адзінак кітайскай мовы.

Семантычная сінтаксічная школа ў Еўропе склалася да сярэдзіны XX стагоддзя пад уплывам ідэй А. А. Патабні, В. фон Гумбальта. Заснавальнікі семантычнага напрамку ў кітайскім мовазнаўстве – Гао Мінкай, Люй Шусян, Ван Лі [2; 4; 22] – выкарыстоўвалі метадалагічную базу аналагічнай еўрапейскай школы. Асноўнымі аб'ектамі даследавання выступалі семантыка сінтаксічнай адзінкі [23–25], моўная сітуацыя [14], кампанентны склад сказа [25–27], экспліцытная і імпліцытная семантыка канструкцый [28; 29], глыбінныя і паверхневыя структуры сказа [14; 15; 25].

У кітайскім мовазнаўстве актыўна даследавалася семантычная арганізацыя няпоўных сказаў, іх кампанентны склад. Люй Шусян вызначыў наступныя адносіны паміж суб'ектамі і прэдыкатамі: вербальна залежныя, свабодныя і імператыўныя. Навуковец вылучыў і класіфікаваў усе ролі залежных ад дзеяслова суб'ектных і аб'ектных кампанентаў. Метадалагічны прынцып семантычнай тоеснасці дазволіў Джу Сяо Я дыферэнцыраваць няпоўныя сказы і канструкцыі з імпліцытнай семантыкай: *你一言，我一语* (літаральна: *Тваё слова пасля майго = Ты **(гаворыш)** адно слова, я **(гавару)** адно слова*) [4, с. 68].

Няпоўнымі Чэн Вэйін лічыў сказы, «у якіх прапушчаны член, што папаўняецца з кантэксту або сітуацыі» [27, с. 34]. Класіфікацыя няпоўных канструкцый Чэн Вэйін грунтуецца на спосабе папаўнення семантыкі суб'екта і ўключае наступныя тыпы: перадпазіцыйныя, постпазіцыйныя, дыялагічныя, маналагічныя, абагульненыя. Спецыфічная асаблівасць абагульненых сказаў (у параўнанні з рускай мовай) складаецца ва ўказанні апушчанага суб'екта на групу людзей спосабам яго семантычнага напаўнення: *天气冷了,该穿棉袄了（路）* (літаральна: *Надвор'е стала халодным, трэба **(нам)** апранацца цяплей*). Абагульненыя сказы ў кітайскай мове адносяцца да няпоўных, паколькі ўказваюць на лагічны суб'ект без матэрыяльнага яго выражэння. У сваю чаргу перадпазіцыйныя сказы з пропускам суб'екта вучоны падзяліў на тыпы ў залежнасці ад сінтаксічнай функцыі кампенсаторнага кампанента. Напрыклад, у сказе тыпу *今天，贝贝要回来，得替她准备点吃的，快一个月没回家了 （田）* (літаральна: *Сёння Бейбей вяртаецца, трэба прыгатаваць для яе ежу, амаль месяц не было **(яе)***) компенсаторным выступае кампанент, які выконвае функцыю дзейніка і ў няпоўнай канструкцыі, і ў кантэксце. Кампенсаторны кампанент можа мяняць сінтаксічную функцыю з дзейніка на дапаўненне: *婆婆对我很好，不愿意离开他（老）* (літаральна: *Бабуля мяне моцна кахае, не хочацца развітвацца **з ёй)***. Астатнія віды пераменнасці кампенсаторнага кампанента ўласцівы выключна мовам ізаляванага тыпу і не маюць аналагаў у мовах флектыўнага тыпу (беларускай у прыватнасці). Да іх адносяцца бінарныя парадыгмы суб'ект – выказнік: *为什么不跟她说说话,哪怕是责备呢,不也可以打破僵局吗 （老）* (літаральна: *Чаму не размаўляе з ёй, хоць бы пасварыўся, няўжо нельга знайсці выйсце?*), суб'ект – азначэнне: *姑娘的脸红的像熟透的苹果,匆匆说了几句就跑掉了（老）* (літаральна: *Твар дзяўчыны заліўся чырванню, як яблык, **(яна)** спешна сказала некалькі слоў і пабегла*), суб'ект – сінтаксічна непадзельнае спалучэнне: *母亲让他们到屋里坐， 他们不肯， 只好在院子里说话（老）* (літаральна: *Маці запрасіла іх пасядзець у хаце, яны не захацелі, **(маці і яны)** размаўлялі на двары*).

Арыгінальную канцэпцыю няпоўных сказаў прадставіў Чжан Юэ. Вучоны ўвёў паняцце «пусты суб'ект», пад якім разумеў незамешчаную сінтаксічную пазіцыю, і падзяліў няпоўныя

канструкцыі на бессуб'ектныя і «няправільныя». Да бессуб'ектных даследчык адносіць сказы з адсутным дзейнікам, якія не патрабуюць папаўнення з кантэксту: *禁止吸烟* (літаральна: *Забараніў курыць*) [30].

Супастаўляльны аналіз сэнсавай арганізацыі няпоўных і поўных сказаў даў магчымасць зрабіць выснову Юань Юйлінь аб іх семантычнай ідэнтычнасці. Для правядзення даследаванняў вучоны выкарыстоўваў метады парадыгматычнай сістэматызацыі канструкцый і прынцыпы семантычнага сінтаксісу, фармальны аспект сказа не ўлічваўся: «Параўнанне інварыянта і мадыфікацыі дазваляе зрабіць выснову аб іх ідэнтычнасці» [23, с. 3].

Дыскусійным у кітайскім мовазнаўстве з'яўляецца пытанне аб дыяпазоне абавязковых кампанентаў і крытэрыях непаўнаты. Адсутнасць склонаў у кітайскай мове «дазваляе адносіць да абавязковых членаў сказа дзейнік, выказнік і дапаўненне» [24, с. 71]. У рамках навуковай палемікі Люй Шусян распрацаваў канцэпцыю функцыянальнай дастатковасці ўсіх структурна-сінтаксічных мадыфікацый. Даследчык дыферэнцыраваў сказы, зыходзячы са спосабаў аднаўлення сэнсу, і выявіў «канструкцыі з кантэкстуальнай непаўнатой і з імпліцытнай семантыкай» [4, с. 68].

Тэорыя паверхневай і глыбіннай структуры дазволіла вылучыць у сказе дынамічную структуру ядра. Фарміраванне і функцыянаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый адбываецца ў выніку «перамяшчэння дынамічнай структуры ядра. Падобная з'ява магчыма толькі пры наяўнасці рухомых элементаў – суб'ектаў і прэдыкатаў. Менавіта яны выказваюць тыповы сэнс канструкцыі ў працэсе функцыянавання» [32, с. 3].

Як паказалі даследаванні, распрацоўкі ў рамках семантычнай сінтаксічнай школы ўнеслі значны ўклад у развіццё тэорыі структурна-сінтаксічных мадыфікацый у кітайскім мовазнаўстве. Тэорыя паверхневай і глыбіннай структур дазволіла вылучыць дынамічнае ядро сказа і кваліфікаваць яго як зыходную мадэль канструкцыі, яе інварыянт. Гэта, безумоўна, адкрыла новыя перспектывы для даследавання, кваліфікацыі і класіфікацыі няпоўных сказаў.

Праблема пропуску ў сказе даследавалася прадстаўнікамі ***функцыянальнай школы*** ў сінтаксісе. Аб'ектам вывучэння з'яўляліся функцыі сінтаксічных адзінак [33–35]. Метадалагічныя прынцыпы функцыянальнага сінтаксісу ў кітайскім мовазнаўстве пераважна трансфармаваліся ў пытанне аб функцыянальнай дастатковасці няпоўных сказаў. Тэарэтычная база функцыянальнай граматыкі дазваляла класіфікаваць няпоўныя сказы на аснове заканамернасцей іх прэдыкатыўнай будовы. Былі вылучаны «няпоўныя сказы з іменнай, дзеяслоўнай, прыслоўнай структурай» [35, с. 42]. Падобная класіфікацыя з'яўляецца апраўданай, паколькі адлюстроўвае спосаб выражэння прэдыкатаў.

Арыгінальнасцю адрозніваецца тэорыя Шао Цзінмінь, які кваліфікаваў і сістэматызаваў няпоўныя сказы на аснове спосабаў выражэння прэдыкатыўных катэгорый і інтанацыі. Такім чынам, «вылучаюцца сказы апавядальныя, пытальныя і пабуджальныя. Класіфікацыя на аснове функцыі прэдыката ўключае апавядальны сказ з ядзерным кампанентам – дзеясловам, прыметнікам, прыслоўем» [31, с. 113].

Камунікатыўны кампанент няпоўнага сказа вывучаўся ў кітайскім мовазнаўстве ў аспекце яго актуальнага падзелу. Сін Фуі вылучае два камунікатыўныя тыпы няпоўных сказаў – «няпоўныя сказы з анафарычнай непаўнатой: *他是个外国女人 (=他的佣人是个外国女人)* (літаральна: *Яна замежная жанчына = Яго служка замежная жанчына*)*; 你也破了 (=你的衣服也破了)*, няпоўныя сказы з некалькімі кампенсаторнымі кампанентамі: *熟人还不知道名字 (=他是你的熟人你还不知道他的名字)* (літаральна: *Знаёмы, імя яшчэ не ведаеш? = Ён твой знаёмы, ты яшчэ не ведаеш яго імя*)» [14, с. 412].

Сінтаксічная непаўната ў кітайскім мовазнаўстве кваліфікуецца таксама як прагматычная з'ява. Інтэрпрэтацыя семантыкі такога сказа цалкам залежыць ад кантэксту і моўнай сітуацыі. Чэн Вэйін вызначае «тыповы няпоўны сказ з пропускам суб'екта, разуменне сэнсу якога ажыццяўляецца толькі ў працэсе маўленчай камунікацыі» [27, с. 151]. У дадзеным выпадку навуковец выкарыстаў тэорыю кантэксту як метадалагічную базу даследаванняў і кваліфікацыі сінтаксічнай непаўнаты.

Ян Юэянь разглядаў няпоўныя сказы як сродак моўнай эканоміі і лічыў, што найбольш мэтазгодна іх выкарыстоўваць у дыялагічных адзінствах. Апушчэнне, на думку даследчыка, «выкарыстоўваецца з мэтай міжасобасных зносін і ў якасці звязкі ў звышфразавым адзінстве» [35, с. 3].

Тэорыя семантычнай эквівалентнасці, створаная Шао Цзінмін, дала магчымасць сістэматызаваць няпоўныя сказы на аснове заканамернасцей іх функцыянавання. На думку вучонага, для паспяховага функцыянавання няпоўнага сказа «неабходны наступныя ўмовы: пэўны кантэкст або моўная сітуацыя, структурны паралелізм, семантычная эквівалентнасць апушчанага і матэрыяльна выражанага членаў» [36, с. 26–27].

Відавочна, што даследаванне структурна-сінтаксічных мадыфікацый унесла вялікі ўклад у распрацоўку праблемы няпоўных сказаў. Была створана тэарэтычная база для вывучэння і кваліфікацыі сінтаксічнай непаўнаты. Прынцып функцыянальнай дастатковасці, распрацаваны навукоўцамі, дазволіў кваліфікаваць няпоўныя сказы як семантычна поўныя, што дало магчымасць вылучыць іх у кітайскай мове ў асобы тып. Выпрацоўка прынцыпаў актуальнага падзелу зрабіла магчымым кваліфікаваць сінтаксічную непаўнату як сродак фарміравання рэматычнай дамінанты выказвання. Гэта, безумоўна, адкрыла новыя перспектывы для даследавання структурна-сінтаксічных мадыфікацый у мовах ізаляванага тыпу.

Крыніцы даследавання

曹. – 曹禺. 《日出》, 人民文学出版社, 2010年, 400页.
刘. – 刘醒龙.《天行者》, 人民文学出版社, 2009年, 292页.
张. – 张炜.《你在高原》, 作家出版社, 2010年3月, 4680页.
王. – 王朔.《一半是海水,一半是火焰》, 长春:时代文艺出版社, 2000.
巴. – 巴金. 《春》, 北京：人民出版社, 2009年.
路. – 路遥. 《平凡的世界》, 北京十月文艺出版社，2013年.
田. – 田汉. 《丽人行》，1957 年发表于《剧本》月刊 5月号.
老. – 老舍. 《正红旗下，离婚》, 鹭江出版社, 2017年, 380页.
洁. – 张洁.《沉重的翅膀》, 人民文学出版社, 2005年, 345页.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. 吕，冀平. 汉语语法基础 / 吕冀平. – 北京: 商务印书馆, 2000. – 507页 (Люй, Цзипин. Основа грамматики китайского языка / Люй Цзипин. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2000. – 507 с.).

2. 高，名凯. 汉语语法论 / 高名凯. – 北京:商务印书馆，1986, – 557页 (Гао, Минкай. Исследование грамматики китайского языка / Гао Минкай. – Пекин : Коммерч. изд-во, 1986. – 557 с.).

3. 王，维贤. 现代汉语语法理论研究 / 王维贤. – 北京:语文出版社, 1997, 300页 (Ван, Вэйсянь. Теоретическая грамматика современного китайского языка / Ван Вэйсянь. – Пекин : Изд-во кит. яз., 1997. – 300 с.).

4. 吕，叔湘. 汉语语法分析问题 / 吕叔湘. – 北京:商务印书馆, 1797, 113页 (Люй, Шусян. Вопросы грамматики китайского языка / Люй Шусян. – Пекин : Коммерч. изд-во, 1797. – 113 с.).

5. 张，桂宾. 省略句研究评述 / 张桂宾 // 汉语学习, 1998 (1) : 25–29 (Чжан, Гуйбинь. Обзор исследования неполных предложений / Чжан Гуйбинь // Изучение кит. яз. – 1998. – № 1. – С. 25–29).

6. 桂，诗春. 新编心理语言学 / 诗桂春. – 上海:上海外语教育出版社, 2000, 426页 (Гуй, Шичунь. Новая психологическая лингвистика / Гуй Шичунь. – Шанхай : Шанхай. изд-во образования иностр. яз., 2000. – 426 с.).

7. 朱，曼殊. 心理语言学 / 朱曼殊. – 上海:华东师范大学出版社, 1990, 490页 (Чжу, Маньшу. Психологическая лингвистика / Чжу Маньшу. – Шанхай : Изд-во Восточнокит. пед. ун-та, 1990. – 490 с.).

8. 刘，利民. 心理语言学 / 刘利民. – 四川:四川大学出版社, 2000, 628页 (Лю, Лиминь. Психологическая лингвистика / Лю Лиминь. – Сычуань : Изд-во Сычуан. ун-та, 2000. – 628 с.).

9. 范，晓. 语法理论纲要 / 范晓，张豫峰. – 上海:上海译文出版社, 2003, 549页 (Фан, Сяо. Очерки грамматической теории / Фан Сяо, Чжан Юйфэн. – Шанхай : Шанхай. изд-во переводов, 2003. – 549 с.).

10. 黄, 伯荣. 现代汉语 / 黄伯荣，廖序东. – 北京:高等教育出版社, 2007, 261页 (Хуан, Божун. Современный китайский язык / Хуан Божун, Ляо Сюйдун. – Пекин : Изд-во высш. образования, 2007. – 261 с.).

11. 荣, 晶. 汉语语序研究的理论思考及其考察 / 荣晶 // 语言文学应用, 2000 (3) (Жун, Цзин. Теоретическое исследование порядка китайских слов/ Жун Цзин // Практика кит. лингвистики. – 2000. – № 3).

12. 张, 天伟. 省略的定义和研究路径: 理论与应用 /张天伟 // 外语研究, 2011 (6) (Чжан, Тяньвэй. Определение и подходы неполных предложений: теория и практика / Чжан Вэй // Исслед. иностр. яз. – 2011. – № 6).

13. 胡,裕树. 现代汉语 / 胡裕树. – 上海:上海教育出版社, 561页 (Ху, Юйшу. Современный китайский язык / Ху Юйшу. – Шанхай : Шанхай. изд-во образования, 2000. – 561 с.).

14. 邢,福义. 现代汉语 / 邢福义. – 北京:高等教育出版社, 1991, 560页 (Син, Фуи. Современный китайский язык / Син Фуи. – Пекин : Изд-во высш. образования, 1991. – 560 с.).

15. 李,临定. 现代汉语句型 / 李临定. – 北京:商务印书馆, 1986, 328页 (Ли, Линьдин. Синтаксис современного китайского языка / Ли Линьдин. –Пекин : Коммерч. изд-во, 1986. – 328 с.).

16. 华,宏义. 主语承主语省略探讨 / 华宏义 // 烟台师范学院学报, 2001(3): 83–89 (Хуа, Хуни. Изучение неполных предложений с компесаторным компонентом подлежащем / Хуа Хуни // Вестн. Яньтай пед. ун-та. – 2001. – № 3. – С. 83–89).

17. 黄,南松. 论省略 / 黄南松 //. 汉语学习: 1995(6): 37–41 (Хуан, Наньсун. Обзор неполных предложений / Хуан Наньсун // Изучение кит. яз. – 1995. – № 6. – С. 37–41).

18. 田,然. 现代汉语叙事语篇中NP的省略/ 田然 //. 汉语学习, 2003 (12) : 68–71 (Тянь, Жань. Неполные предложения с пропуском субъекта в современном китайском языке / Тянь Жань // Изучение кит. яз. – 2003. – № 12. – С. 68–71).

19. 安,汝磐. 试谈主语的承前省略 / 安汝磐 // 北京师院学报, 1984(1) : 82–89 (Ан, Жупань. Неполные предпозиционные предложения с пропуском субъекта // Вестн. Пекин. пед. ун-та. –1984. – № 1. – С. 82–89).

20. 赵,云平. 俄语和汉语比较语法 / 赵云平. – 莫斯科: 进步出版社, 2003, 460页 (Чжао, Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков / Чжао Юньпин. – М. : Прогресс, 2003. – 460 с.).

21. 徐,通锵. 历史语言学 / 徐通锵. – 北京:商务印书馆, 1996, 441页 (Сюй, Тунцян. Историческая лингвистика / Сюй Тунцян. – Пекин : Коммерч. изд-во, 1996. – 441 с.).

22. 王,力. 王力文集 / 王力. – 山东: 山东教育出版社, 1984, 526页 (Ван, Ли. Сборник Ван Ли / Ван Ли. – Шандун : Шандун. изд-во образования, 1984. – 526 с.).

23. 袁,毓林. 汉语句子的文意不足和结构省略 / 袁毓林 // . 汉语学习, 2002 (3), 1–5页(Юань, Юйлинь. Неполнота значения и строения в китайском предложении / Юань Юйлинь // Изучение кит. яз. – 2002. – № 3. – С. 1–5).

24. 黎,锦熙. 新著国语文法 / 黎锦熙. – 长沙: 湖南教育出版社, 2007, 347页 (Ли, Цзинси. Грамматика китайского языка / Ли Цзинси. – Чанша : Хунан. изд-во образования, 2007. – 347 с.).

25. 陈,昌来. 现代汉语句子 / 陈昌来. – 上海: 华东师范大学出版社, 2000, 313页(Чэн, Чанлай. Современные китайские синтаксические системы / Чэн Чанлай. – Шанхай : Изд-во Восточнокит. пед. ун-та, 2000. – 313 с.).

26. 朱,晓雅. 现代汉语句模研究 / 朱晓雅. – 北京:北京大学出版社, 2001, 211页 (Чжу, Сяоя. Исследование модальности современных китайских предложений / Чжу Сяоя. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2001. – 211 с.).

27. 陈,伟英. 汉语主语省略的认知语用研究/陈伟英 //. 浙江大学. 2009 (08), 183页 (Чэн, Вэйин. Исследование по прагматическому и когнетивному аспекту в китайском предложении с пропуском субъекта / Чэн Вэйин // Вестн. Чжэцзян. ун-та. – 2009. – № 8. – 183 с.).

28. 刘,道英. “隐含”不同于“省略” / 刘道英 //. 汉语学习, 1999 (6) : 15–19页(Лю, Даоин. Сравнение «импликации» и «неполноты» / Лю Даоин // Изучение кит. яз. – 1999. – № 6. – С. 15–19).

29. 荣,晶. 汉语省略、隐含、空语类的区分 / 荣晶 //. 新祖大学学报, 1989(4): 81–87页(Жун, Цзин. Сравнение неполноты, импликации, синтаксического нуля / Жун Цзин // Вестн. Синцз. ун-та. – 1989. – № 4. – С. 81–87).

30. 张,悦. 汉语主语省略句的语用学研究 / 张悦 //. 渤海大学, 2012 (6), 39页(Чжан, Юэ. Исследование по практическому аспекту в китайском предложении с пропуском субъекта / Чжан Юэ // Вестн. Бохай. ун-та. – 2012. – № 6. – 39 с.).

31. 邵,敬敏. 汉语语法专题研究 / 邵敬敏. – 桂林:广西师范大学出版社, 2003, 220页 (Шао, Цзинминь. Исследование по специальной теме в грамматике китайского языка / Шао Цзинминь. – Гуйлинь : Изд-во Гуансин. пед. ун-та, 2003. – 220 с.).

32. 李,旭. 从语义角度分析省略句生成的依据/ 李旭, 徐旭刚 //. 汉语言研究: 62–63 (Ли, Сюй. Анализ неполных предложений: семантический аспект / Ли Сюй, Сюй Сюйган // Исслед. кит. яз. – 2011. – № 6.–С. 62–63).

33. 杜,道流. 会话省略中的焦点控制及句法语义影响 / 杜道流 //. 语言教学与研究, 2000(04), 32–37页 (Ду, Даолюй. Неполные предложения в диалогических единствах и их синтаксическая неполнота / Ду Даолюй // Преподавание и исслед. яз. – 2000. – № 4. – С. 32–37).

34. 朱,德熙. 现代汉语语法研究 / 朱德熙.– 北京:商务印书馆, 1997, 224页 (Чжу, Дэси. Исследование грамматики современного китайского языка / Чжу Дэси. – Пекин : Коммерч. изд-во, 1997. – 224 с.).

35. 杨,雪燕. 会话省略的功能研究 / 杨雪燕 //. 中国外语: 2012 (5) : 55–61 (Ян, Юэянь. Функциональное исследование неполных предложений в диалогах / Ян Юэянь // Иностр. яз. в Китае. – 2012. – № 5. – С. 55–61).

36. 绍,敬敏. 省略句与非主谓句新说 / 邵敬敏 //. 语文学习,1991 (7) : 26–28页(Шао, Цзинмин. Неполные предложения и однородные предложения / Шао Цзинмин // Изучение кит. яз. – 1991. – № 7. – С. 26–28).

37. 岳,楠. 汉语省略现象的发展 / 岳楠 //. 语文学刊: 2012 (4): 30–31 (Юэ, Нань. Развитие неполных предложений / Юэ Нань // Журн. кит. яз. – 2012. – № 4. – С. 30–31).

References

1. Lu Jiping. *The basis of Chinese grammar*. Beijing, Commercial Publishing House, 2000. 507 p. (in Chinese).

2. Gao Minkai. *Chinese grammar study*. Beijing, Commercial Publishing House, 1986. 557 p. (in Chinese).

3. Wang Weixian. *Theoretical grammar of modern Chinese*. Beijing, Commercial Publishing House, 1997. 300 p. (in Chinese).

4. Lui Shusyan. *Chinese grammar questions*. Beijing, Commercial Publishing House, 1797. 113 p. (in Chinese).

5. Zhang Guibin. Review of incomplete sentences research. *Learn Chinese,* 1998, no. 1, pp. 25–29 (in Chinese).

6. Gui Shichun. *New psychological linguistics*. Shanghai, Shanghai Foreign Languages Education Publishing House, 2000. 426 p. (in Chinese).

7. Zhu Manshu. *Psychological linguistics*. Shanghai, East Chinese Pedal Publishing House University, 1990. 490 p. (in Chinese).

8. Liu Limin. *Psychological linguistics*. Sichuan, Publishing House of Sichuan University, 2000. 628 p. (in China).

9. Fan Xiao. *Sketches of grammatical theory*. Shanghai, Shanghai Publishing House of Translations, 2003. 549 p. (in Chinese).

10. Juan Bozhun. *Modern Chinese*. Beijing, Higher Education Publishing House, 2007. 261 p. (in Chinese).

11. Rong Jing. Theoretical study of the order of Chinese words. *The Practice of Chinese Linguistics,* 2000, no. 3 (in Chinese).

12. Zhang Tianwei. Definition and approaches of incomplete sentences: theory and practice. *Study of Foreign Languages,* 2011, no. 6 (in Chinese).

13. Hu Yushu. *Modern Chinese*. Shanghai, Shanghai Education Publishing House, 2000. 561p. (in Chinese).

14. Sin Fui. *Modern Chinese*. Beijing, Higher Education Publishing House, 1991. 560 p. (in Chinese).

15. Li Lindin. *Syntax of modern Chinese*. Beijing, Commercial Publishing House, 1986. 328 p. (in Chinese).

16. Hua Huni. Investigation of incomplete sentences with the subject component. *Vesti Yantai Pedagogical University,* 2001, no. 3, pp. 83–89 (in Chinese).

17. Huang Nansong. Review of incomplete sentences. *Learn Chinese*, 1995, no. 6, pp. 37–41 (in Chinese).

18. Tian Jan. Incomplete sentences with subject skipping in modern Chinese. *Learn Chinese*, 2003, no. 12, pp. 68–71 (in Chinese).

19. An Zhupan. Incomplete prepositional sentences with subject omission. *Bulletin of Beijing Pedagogical University,* 1984, no. 1, pp. 82–89 (in Chinese).

20. Chzhao Yun'pin. *Comparative grammar of Russian and Chinese*. Moscow, Progress Publ., 2003. 460 p. (in Russian).

21. Xu Tongqiang. *Historical linguistics*. Beijing, Commercial Publishing House, 1996. 441p. (in Chinese).

22. Wang Li. *Wang Lee Collection*. Shandun, Shandun Publishing House of Education, 1984. 526 p. (in Chinese).

23. Yuan Yulin. Incompleteness of meaning and structure in the Chinese sentence. *Learn Chinese,* 2002, no. 3, pp. 1–5 (in Chinese).

24. Li Jingxi. *Chinese grammar*. Changsha, Hunan Publishing House of Education, 2007. 347p. (in Chinese).

25. Chang Chanlay. *Modern Chinese syntax systems*. Shanghai, East Chinese Pedal Publishing House University, 2000. 313 p. (in Chinese).

26. Zhu Xiaoya. *Study of the modality of modern Chinese sentences*. Beijing, Beijing Publishing University Press, 2001. 211 p. (in Chinese).

27. Cheng Weiying. Study on the pragmatic and cognitive aspect in the Chinese proposal with the omission of the subjec. *Zhejiang University Bulletin,* 2009, no. 8, 183 p. (in Chinese).

28. Liu Daoin. Comparison of "implication" and "incompleteness". *Learn Chinese,* 1999, no. 6, pp. 15–19 (in Chinese).

29. Zhong Jing. Comparison of incompleteness, implication, syntactic zero. *Bulletin of Xingjing University,* 1989, no. 4, pp. 81–87 (in Chinese).

30. Zhang Yue. A study on the practical aspect in the Chinese proposal with a subject omission. *Bulletin of the Bohai University,* 2012, no. 6. 39 p. (in Chinese).

31. Shao Jingmin. *Study on a special topic in Chinese grammar.* Guilin, Guangsin Pedagogical University Press, 2003. 220 p. (in Chinese).

32. Lee Xu. Analysis of incomplete sentences: semantic aspect. *Learn Chinese,* 2011, no. 6, pp. 62–63 (in Chinese).

33. Do Dauli. Incomplete sentences in dialogical unity and their syntactic incompleteness. *Teaching and study of language,* 2000, no. 4, pp. 32–37 (in Chinese).

34. Zhu Desi. *A study of the grammar of modern Chinese*. Beijing, Commercial Publishing House, 1997. 224 p. (in Chinese).

35. Yang Yueyan. Functional study of incomplete sentences in dialogues. *Foreign languages in China,* 2012, no. 5, pp. 55–61 (in Chinese).

36. Shao Jingming. Incomplete sentences and homogeneous sentences. *Learn Chinese,* 1991, no. 7, pp. 26–28 (in Chinese).

37. Yue Nan. Development of incomplete sentences. *Journal of Chinese,* 2012, no. 4, pp. 30–31 (in Chinese).

Информация об авторе

Шоу Цзяжуй – аспирант. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка (ул. Советская 18, 1, 220050, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ms.jiarui@mail.ru

Information about the author

Shou Jiarui – Postgraduate studend. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18 Sovetskaya Str., Minsk 220050, Belarus). E-mail: ms.jiarui@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 782.1
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-191-199

Поступила в редакцию 11.07.2017
Received 11.07.2017

И. В. Пилатова

Белорусская государственная академия музыки, Минск, Беларусь

«ПАНІ ЯДВІГА» В. СОЛТАНА: ЛИБРЕТТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПЕРНОГО АВАНТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена либреттологическому исследованию оперного авантекста музыкально-театрального произведения В. Солтана «Пані Ядвіга». Цель статьи – анализ художественного уровня авантекста оперы, представленного литературным первоисточником и либретто. Задачи статьи – проведение поэтапного литературоведческого анализа русскоязычной и незавершенной белорусскоязычной версий текста документальной новеллы К. Тарасова, ставшей литературной праосновой оперы, выявление жанровых, содержательных и образных трансформаций, произошедших в либретто С. Климкович по сравнению с первоисточником. Поэтапный литературоведческий анализ текста сочинения К. Тарасова позволил определить тематику, проблематику, идейный мир произведения, идентифицировать его жанр как документальную новеллу с элементами детективного рассказа, проследить драматургию развития образов главных героев, выявить тип пафоса. Исследование либретто оперы велось по пути отслеживания модификаций, возникших в нем в сравнении с первоисточником, с точки зрения сюжета, жанра, драматургии, композиции, образных характеристик персонажей, введения деталей-символов, отсутствовавших в новелле. В качестве жанровой доминанты либретто отмечена лирика, выраженная в акцентировке внимания на психологических и любовных переживаниях героев и в принципе облагораживания образов главных персонажей. С целью адаптации текста повести к требованиям музыкально-театрального жанра в либретто введены герои и события, отсутствовавшие в новелле. Текст С. Климкович отличается высокими художественными качествами и красотой слога. Стройно организованная драматургия либретто позволяет говорить о нем как о качественной основе для дальнейших композиторской, дирижерской, исполнительской и режиссерской интерпретаций.

Ключевые слова: авантекст, литературный первоисточник, либретто, жанр, драматургическая линия

Для цитирования. Пилатова, И. В. «Пані Ядвіга» В. Солтана: либреттологический аспект исследования оперного авантекста / И. В. Пилатова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 191–199. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-191-199

I. V. Pilatova

Belarusian State Academy of Music, Minsk, Belarus

"PANI YADVIGA" BY V. SOLTAN: LIBRETTOLOGICAL ASPECT OF THE OPERA'S AVAN-TEXT RESEARCHING

Abstract. The article is devoted to the libretological research of the opera's avan-text of V. Soltan's musical and theatrical work "Pani Yadviga". The purpose of the article is to analyze the artistic level of the opera's avan-text, represented by literature source and libretto. The tasks of the article: to make a literary analysis of Russian and Belarusian versions of the K. Tarasov's documental story, to reveal genre and dramaturgy transformations in the libretto by S. Klimkovich. The literary analysis of the text of K. Tarasov's story was conducted. It allowed to determine the subject, problems and the ideological world of the work. The genre of the literary source is designated as a documentary novel with elements of a detective story. The dramatic image of the characters was traced. Genre, dramaturgy, plot and image transformations were discovered in the libretto. They arose with the aim of adapting it to the demands of the musical and theatrical genre. The text of the libretto has high artistic qualities. Thanks to a well-built dramaturgy, the libretto is a qualitative basis for the composer's interpretation.

Keywords: avan-text, literary source, libretto, genre, dramatic line

© Пилатова И. В., 2019

For citation. Pilatova I. V. "Pani Yadviga" by V. Soltan: librettological aspect of the opera's avan-text researching. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 191–199 (in Russian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-191-199

Введение. Опера представляет собой синтетический вид музыкально-театрального искусства и является многоуровневым художественным текстом, образующимся в результате содержательного соединения определенного «корпуса» текстов. Оперный авантекст включает в себя совокупность текстов, предшествующих созданию композиторской партитуры (сюжетный первоисточник и либретто – художественный уровень авантекста; эскизы, наброски и черновики – генетический уровень). Основной текст оперы представляет собой музыкально-вербальный текст партитуры, репрезентируемый автором как окончательный вариант произведения, готовый к сценической реализации. Финальной составляющей оперного текста является *спектакль* как результат режиссерско-дирижерско-исполнительской интерпретации композиторского текста.

Цель статьи – исследование художественного уровня авантекста оперы В. Солтана «Пані Ядвіга», представленного литературным первоисточником и либретто.

Для достижения цели предполагается решение следующих задач:

проведение поэтапного литературоведческого анализа русскоязычной и незавершенной белорусскоязычной версий текста документальной новеллы К. Тарасова, ставшей литературной праосновой оперы;

выявление жанровых, содержательных и образных трансформаций, произошедших в либретто С. Климкович по сравнению с первоисточником.

Статья является продолжением ряда работ отечественных музыковедов, занимавшихся изучением оперы как синтетического художественного текста (Р. Аладовой, Е. Дуловой, Н. Ганул, С. Немцовой-Амбарян и др.).

В качестве основополагающего подхода к исследованию литературного первоисточника мы будем опираться на метод, предложенный в учебном пособии А. Есина [1], базирующийся на принципах анализа содержания и формы литературного произведения. Для исследования текста либретто с точки зрения модификаций, возникших в нем по сравнению с первоисточником, а также его соответствия требованиям музыкально-театрального жанра будут применены либреттологические методы[1].

Основная часть. Опера В. Солтана «Пані Ядвіга» – музыкально-театральное произведение композитора, созданное в 1990 г. (через год после «Дзікага палявання караля Стаха»). Сценическая судьба данного сочинения, к сожалению, сложилась не так благополучно, как у первой оперы композитора, продержавшейся в репертуаре Национального Большого академического театра оперы и балета Республики Беларусь более двадцати лет. Это было вызвано в первую очередь внезапной трагической кончиной композитора, не успевшего сделать клавир произведения. Попытки возрождения «Пані Ядвігі» и подготовки ее к постановке, совершавшиеся после смерти В. Солтана, пока остались безрезультатными. Однако высокие художественно-эстетические качества произведения, а также обращение композитора и либреттиста к документальной новелле К. Тарасова, в романтически-детективных тонах описывающей довольно тяжелый и «смутный» период национальной истории, позволяют надеяться на то, что незаслуженно забытая опера в скором времени будет представлена театральной публике.

В основе оперы В. Солтана «Пані Ядвіга», как было упомянуто выше, лежит повесть белорусского писателя К. Тарасова «Стая ворон над гостинцем», или «Черный шлях» [3]. Произведение написано на русском языке, однако существует его несколько видоизмененный в содержательном плане вариант на белорусском языке, озаглавленный «Здань чорнага шляху» и, к сожалению, оставшийся незавершенным. Таким образом, при создании либретто С. Климкович могла опираться в первую очередь на полнотекстовую русскоязычную версию повести.

Документальная новелла К. Тарасова – образец романтизированного рассказа на историческую тематику, в котором отражен дух эпохи рубежа XV–XVI вв. – неспокойного времени господства разбоя на больших дорогах, когда «каждый третий хозяин считал за обязанность ободрать

[1] Подробнее о методике исследования литературного первоисточника и либретто см. [2].

на большаке проезжего или прохожего человека, хотя бы сермягу с него снять, если не имел денег[1]» [3]. *Тематика* новеллы, в отличие от типичных исторических повестей, в которых, как правило, господствуют конкретно-исторические темы, затрагивает главным образом круг вечных тем: добра и зла, любви и ненависти, а также разрушения идеала.

Сюжет новеллы К. Тарасова повествует о представительницах древнего рода, сестрах Русиновских – Ядвиге, Марте и Марыле, живших в имении под Ошмянами. Главными героями повести становятся младшая из сестер – Ядвига Русиновская и минский судья Ванькович, который приезжает в повет, чтобы изловить и обезвредить разбойничью шайку, чьи особо жестокие преступления вот уже несколько лет не давали покоя жителям округи. После гибели мужа Ядвиги пана Ходевича вдовец Ванькович влюбляется в девушку, отличающуюся «ангельской» красотой. Она отвечает ему взаимностью, и молодые планируют свадьбу на осень. Однако Ваньковичу в течение полугода не только не удается поймать главаря преступной банды, но не получается даже напасть на след разбойников. Уязвленная гордость всегда удачливого судьи заставляет его поклясться князю Жигимонту в том, что если к концу октября он не сможет изловить и обезвредить преступников, то вынужден будет покончить жизнь самоубийством, заколовшись кинжалом. Ядвига просит любимого отказаться от клятвы, однако он остается непреклонным. После долгих тщетных попыток задержать преступников Ваньковичу все-таки удается изловить главаря банды и его шайку. Под шлемом разбойника судья узнает свою возлюбленную. Однако он не удивлен, поскольку догадывался о том, что именно Ядвига является предводительницей банды. Всех участников преступной шайки жестоко казнят у нее на глазах, после чего девушка также восходит на плаху и гибнет от рук палача.

В новелле К. Тарасова господствует тип романной проблематики[2], отличительной чертой которого является интерес писателя к личностному началу в обществе. Несмотря на то что в сочинении присутствует упоминание о реальной исторической личности (Великом князе Жигимонте), акцент перемещается на Ядвигу и Ваньковича. Писатель пытается проникнуть в суть поступков героев, понять причины, побудившие их действовать тем или иным образом. Так, перед своей казнью Русиновская старается объяснить, что побудило ее стать главарем разбойничьей шайки и руководить жестокими убийствами ни в чем не повинных людей. Она признается: «Скучно жилось мне, Ванькович… Не по сердцу мне было, как Марта запасается на зиму медом и мясом. Из года в год. Медвежье житье. Или бормотать молитвы перед крестом. Отец ждал сына. Я рыцарем должна была родиться. Но черт всунулся. Мужское сердце с женским телом соединил. А пошла за Ходевича, так он пил и бил. Не стерпела – звездышем ему в лоб. Умер – а мне праздник. И уже никого не жалела. В наслаждение вошло летать над бездной, куда льется кровь и падают жизни. Как месяц без дела, голова начинала гореть... Бессмыслица то, что мы жизнью называем... А тебя я любила. Тоскливо мне было без тебя. Только знала, что вместе нам не судьба... Не могла дождаться, Ванькович, когда исполнишь клятву. Я разве только на минуту тебя пережила б – тоже полоснула бы ножом по шее...» [3]. Эта попытка Ядвиги объяснить Ваньковичу свои поступки и признаться ему в любви не находит отклика в душе судьи.

Довольно выпукло в новелле обрисовывается характер Ваньковича – непобедимого судьи, гениального сыщика, который очень дорожит своей репутацией. Писатель также обращает внимание читателей на некоторые черты в образе героя посредством деталей. Так, ремарка о том, что, поймав преступников, судья не только получил всеобщий почет и славу, отстоял свою жизнь, но «впридачу получил тысячу золотых» [3], свидетельствует о неравнодушии Ваньковича к материальным благам, поскольку он не отказался от вознаграждения. Его любовь к Ядвиге также не отличается особой преданностью и всепрощением. Судья мог спасти любимую от гибели, однако не сделал этого: Ванькович не захотел отказываться от карьеры, а главное, не простил свою невесту за разрушенный идеал. Подтверждением этому является последний диалог бывших жениха и невесты: «Знаешь, о чем жалею?», – спросил Ванькович. «Скажи», – в глазах Ядвиги загорелась надежда. «О том, что легко умрешь!», – сказал Ванькович и вышел [3].

[1] «Кожны другі гаспадар лічыў не толькі за права, але за абавязак абадраць на бальшаку падарожнага ці ездака, хоць бы світку з яго зняць, калі не меў пры сабе грошай» [2].

[2] Термин Г. Н. Поспелова.

Идейный мир сочинения К. Тарасова включает в себя такие категории, как художественная идея, система авторских оценок, пафос. Главная *художественная идея* произведения завуалированно формулируется писателем в самом начале новеллы, когда он говорит о случайно уцелевших документах, повествующих о сестрах Русиновских: «куда чаще достойное сгорает, ничтожное избегает огня!» [3]. Несмотря на то что ничего выдающегося сестры не совершили, младшая из них, Ядвига, стала воплощением антигероя, явив собой «существо, можно сказать, с определенной инфернальной печатью на душе» [3]. Художественная репрезентация такого совершенного внешне, однако ужасающего внутренне антигероя и становится главной идеей новеллы К. Тарасова.

Система авторских оценок прослеживается благодаря деталям. Так, по некоторым репликам автора внимательный читатель может определить его отношение к тому или иному герою или поступку. Например, о минском судье К. Тарасов пишет так: «Ванькович слыл за неподкупного урядника, что само по себе вынуждало к уважению» [3]. Слово «слыл» вовсе не подразумевает того, что он был таким на самом деле. Фраза «вынуждали к уважению» говорит сама за себя. Однако для Ваньковича важнее всего честь. Когда Ядвига просит его отказаться от клятвы, данной Жигимонту, он произносит: «Невозможно... Жизнь, любовь, семья – большой дар от пана бога, но без чести ничего они не стоят» [3]. Он освобождает возлюбленную от обязательств, возлагаемых на нее как на его невесту, однако отказать девушке в горячей просьбе остаться «хоть на ночь» Ванькович все-таки не может. Отношение автора к Ядвиге не прописывается так же очевидно, как к Ваньковичу. Он ограничивается описанием внешности и поступков девушки, оставляя читателю право самостоятельно оценить ее действия, оправдать девушку или разочароваться в ней.

Категория *авторского идеала* не находит законченного отражения в новелле. Ни один герой произведения не сочетает в себе черты идеального, по мнению писателя, человека. Исполненный чести и доблести образ Ваньковича все-таки преподносится автором с небольшой долей иронии. Говоря о Ядвиге, К. Тарасов неоднократно подчеркивает совершенство внешней красоты девушки, которое, однако, уничтожается уродством ее души. И все же судьба жестокой красавицы находит у живущих рядом с ней людей живой отклик. Сцена казни Ядвиги преподносится писателем так: «Объявленным днем на площади столпилось за двадцать тысяч народа. Не каждый великий князь при своей коронации видел здесь столько людей… Наконец наступила ее очередь встретиться с мастером. На ней оставили ее разбойничий наряд: латы, епанчу, меч; только шлем не надевали ей на голову, чтобы все видели лицо убийцы, и волосы ее, собранные в косу, лежали золотым крылом поверх черной, как ночь, епанчи. Палач помог Ядвиге стать на лавку, умелым движением надел на нее петлю, толпа затаила дыхание, и в этой мертвой тишине гулко стукнула о помост выбитая из-под ног лавка...» [3].

Тип *пафоса* – «ведущего эмоционального тона произведения, его эмоционального настроя» в новелле К. Тарасова можно определить термином «инвектива». Под инвективой понимается отрицающий вид пафоса, не связанный при этом с высмеиванием. В рассматриваемом сочинении прослеживается авторское отношение к эпохе господства разбоя и вседозволенности, времени, когда каждая ночь таит в себе ужас и неизвестность: удастся ли встретить рассвет следующего дня? Символом такой беспросветной духовной тьмы становится черный путь (чорны шлях), названный так из-за огромных вороньих стай, носящихся над окровавленными трупами невинно убитых жертв. Однако это название может восприниматься и в переносном значении. Образ Ядвиги представляется писателем как утрированное проявление духа эпохи, а избранная ею дорога жутких преступлений – как тупиковый, лишенный будущего путь.

Содержание и *форма* в рассматриваемом литературном произведении закономерно находятся в неразрывном единстве. Однако фабулы русскоязычной и белорусскоязычной версий новеллы отличаются. Так, русскоязычный вариант открывается развернутым описанием семейства Русиновских, судьбы трех сестер и их родителей до момента появления в округе разбойничьей шайки. В то же время в белорусскоязычной версии акцент смещается на минского судью Ваньковича, о котором повествуется в самом начале новеллы.

Общий принцип организации содержания ориентируется на желание автора создать захватывающий остросюжетный детективный рассказ, способный удерживать внимание читателя в то-

нусе до самого конца. Тем не менее в повести отсутствует подробная репрезентация действенных сцен, которые представляются опосредованно с помощью *художественных деталей* (описание разграбленных и уничтоженных имений: «двор стоял с распахнутыми воротами в той пугающей немоте, когда от хозяина до овчарки все лежат с расколотыми головами и распоротыми животами[1]» [3]). Основное напряжение сюжета создается за счет частых упоминаний о новых безвинных жертвах разбойников, а также изворотливости и неуловимости шайки.

Окончание рассредоточенной многоэтапной завязки сюжета совпадает с моментом, когда Ванькович, с одной стороны, не умеющий проигрывать, с другой – беспокоящийся за судьбу свой невесты, ставит на весы собственную жизнь: он загоняет себя во временные рамки, обещая в трехмесячный срок изловить преступников и обезвредить их. За невыполнение обещания в начале октября ему нужно будет жестоко поплатиться, заколов себя кинжалом. Таким образом, Ванькович играет ва-банк: удастся выполнить обещание – он сохранит репутацию лучшего сыщика страны и спокойно обвенчается с любимой женщиной, нет – значит, он умрет. Ванькович не поддается на уговоры Ядвиги отказаться от данной клятвы. Его не пугает возможная смерть и даже то, что после того, как он совершит акт самоубийства, его невеста останется наедине с опасностью. Долг и честь для минского судьи превыше любви.

В жанровом определении новеллы К. Тарасова важен эпический элемент. Несмотря на то что события, репрезентируемые писателем, отличаются глубоким драматизмом, а завершается повесть чередой смертей (по сути, в живых остается один Ванькович, все сестры Русиновские гибнут: Ядвигу казнят, Марта заболевает от горя и стыда и вскорости умирает, а Марыля бросается в Вилию), все они воспринимаются как отзвук давно ушедшего в небытие прошлого. Начало повести гласит: «История сестер Русиновских, сегодня полностью забытая, наполняла ужасом души наших далеких предков. Однако было бы и странно, если бы она сохранилась живым преданием – почти пятьсот лет минуло с тех дней, как окончили свой век сестры» [3]. Такому началу соответствует вся дальнейшая манера изложения, а также организация *художественного времени,* которое обладает свойством дискретности: события не следуют линейно (одно за другим), а зачастую репрезентируются опосредованно. Так, момент кульминации в новелле представлен постфактум. Писатель не предоставляет читателям возможности пережить захватывающие события непосредственно во время их совершения, до конца оставаясь в неведении, кто одержит верх в жестокой схватке. О том, что преступники пойманы, говорится следующим образом: «И вдруг, словно гром с ясного неба, – шайка схвачена, украшена убийцами купа осин. Впервые за семь лет местное население вздохнуло с облегчением. Неделю благодарно звонили звоны на ошмянских церквях и костелах, неделю все праздновали, как на святой день божьего воскресения, все славили Ваньковича, который победил и уничтожил душегубов, сдержал слово, отстоял свою жизнь и впридачу получил тысячу золотых» [3]. И только после такой преамбулы писатель описывает более подробно эти события.

В новелле К. Тарасова важную роль играет прием *умолчания*, благодаря которому читателю практически невозможно догадаться о том, что именно златовласая ангелоподобная Ядвига является самым главным злодеем и беспощадным убийцей. Описание черт характера девушки остается «за кадром», при этом внешность Русиновской преподносится автором почти с восхищением: «Золотые волосы, яркие синие глаза, благородная стать далеко разнесли славу об Ядвиге. На мужское око представлялась она живым ангелом, явленным на Ошмянщине через божью заботу. Сложилась даже устойчивая молва, что во всем Понеманье не сыскать более красивой девушки» [3].

Из повести доподлинно не известно, когда именно Ванькович догадался о том, кто являлся главарем разбойничьей шайки. Это могло случиться либо перед тем, как судья давал свою клятву, либо уже в момент последней вылазки преступников, пытавшихся захватить дом старого шляхтича Собейки. Тогда в полночь в ворота постучали и послышался умоляющий о спасении от напавших разбойников голос Русиновской. После жестокой бойни преступников с домочадцами Собейки верхом на коне показался главарь шайки. Когда он вошел в дом, неожиданно увидел там Ваньковича, сидевшего со своими людьми в засаде и успевшего повязать разбойников. По требо-

[1] «Двор стаяў з расчыненымі варотамі ў той жахлівай немаце, калі ад гаспадара да сабакі ўсе ляжаць з расколатымі галовамі» [2].

ванию судьи главарь «с хриплым вздохом» сдернул с себя шлем, и перед Ваньковичем предстала его невеста. Однако он не удивился, поскольку ожидал увидеть именно ее.

В *либретто* С. Климкович, созданное по документальной новелле К. Тарасова, внесены значительные изменения по отношению к первоисточнику, как в плане содержания, так и с точки зрения жанра. Если в новелле превалируют родовые признаки драмы и эпоса, то в опере главенствует лирика. Композиция либретто включает в себя пролог, семь картин и эпилог, что полностью воспроизводит структурную организацию первоисточника. Однако несмотря на внешнее соответствие разделов повести картинам оперы, драматургические акценты в музыкально-театральном произведении расставлены иначе.

Целостная драматургия либретто С. Климкович базируется на взаимодействии четырех сюжетно-тематических линий. Первая драматургическая линия, отражающая процесс поимки преступников Ваньковичем, условно может быть названа *драматической*. Она обладает центростремительной драматургической функцией, репрезентируя основное действие. Вторая драматургическая линия – *лирическая* – связана с любовными отношениями между Ваньковичем и Ядвигой. Усиление лирического компонента в либретто по отношению к первоисточнику проявляется главным образом в создании С. Климкович развернутых любовных сцен, как монологических (сцена письма Ваньковича к Ядвиге, эпизод чтения любовного послания девушкой), так и диалогических (сцена предложения Ваньковичем руки и сердца Ядвиге, эпизод перед казнью Русиновской). Кроме того, в опере традиционно облагорожен образ главной героини[1], наделенный такими характеристиками, как смирение, способность к любви и раскаянию, потребность в Боге и духовном возрождении, в то время как в новелле эти черты характера у Ядвиги отсутствуют.

Третью драматургическую линию назовем *жанровой*, в либретто и опере она представлена хоровыми песнями солдат и народа, а также сценой народных гуляний с элементами уличного театра (игры с медведем). Текст С. Климкович украшен стилизациями и цитатами народных песен («Ой, ты, конік вараненькі», «Святы Юрый, раненька ўставай, ключык даставай») и сказок (баллада «У сяле Старое Поле»). Четвертая драматургическая линия *обобщенно-философского* характера связана с размышлениями героев о жизни, судьбе и своем предназначении. Обе эти драматургические линии (жанровая и философская) обладают центробежной драматургической функцией. Однако если жанровые эпизоды связаны с внешним отстранением от основных событий, то в сценах лирико-философской линии действие переходит во внутреннее психологическое русло.

Этапы развития драматургических линий либретто представлены в таблице.

Завязка *драматической* линии (1) в опере более сконцентрирована, чем в новелле: она сосредоточена вокруг клятвы Ваньковича, помещенной в пролог, притом что в повести этот эпизод находится в «точке золотого сечения» (в пятом разделе из семи). В результате в новелле клятва воспринимается как первая кульминация драматической линии, в то время как в опере она служит завязкой драмы. Развитие первой драматургической линии происходит в первой – четвертой картинах. Развязка проходит в несколько этапов: в шестой и седьмой картинах, а также в эпилоге. Так, в шестой картине Ходевич открывает Ваньковичу тайну о том, что именно возлюбленная невеста судьи Ядвига является предводителем разбойничьей шайки, девушка подтверждает его слова. В седьмой картине происходит публичная казнь Русиновской, а в эпилоге Ванькович получает награду за поимку преступников.

Лирическая линия (2), репрезентирующая любовные отношения между Ваньковичем и Ядвигой, получает завязку во второй картине оперы, развивается на протяжении третьей и четвертой картин и достигает кульминации в пятой картине. Здесь герои признаются друг другу в своих чувствах, а также Ванькович предлагает Ядвиге стать его женой. Развязка лирической линии проходит поэтапно: в седьмой картине происходит последний диалог героев, в котором Ядвига отказывается от настойчивого предложения Ваньковича подать прошение о помиловании*:* «Калі ж прайду я праз мукі плахі, то там, у царстве Бога, зноў стану той Ядвігай, якую ты любіў». В сравнении с новеллой, в которой судья, разочаровавшись в своей невесте, даже не пытается спасти ее, в опере его образ, как и образ Ядвиги, облагораживается, что является специфическим если не за-

[1] Вспомним «Кармен» Бизе, «Пиковую даму» П. Чайковского и др.

Особенности драматургии либретто оперы В. Солтана «Пані Ядвіга»
Features of dramaturgy of the libretto of opera by V. Soltan “Pani Yadviga”

Опера В. Солтана «Пані Ядвіга»									
Раздел оперы	Пролог	1-я картина		2-я картина			3-я картина		
Драматургическая линия	1	1	4	1	2	3	1	2	3
Событие	Клятва Ваньковича	Приезд Ваньковича в Ошмяны	Диалоги Ваньковича и Русиновских о жизни и счастье	Сбор отряда для поимки шайки	Письмо Ваньковича к Ядвиге	Песни солдат	Цыган хочет сообщить Ваньковичу тайну о шайке, но его неожиданно убивают	Ядвига рассказывает Ваньковичу о смерти мужа	Хоры народа, выступление Медведя, сообщение о смерти Цыгана
Этапы драматургии	Завязка	Развитие	Завязка	Развитие	Завязка	Завязка	Развитие	Развитие	Развитие и развязка
Раздел оперы	4-я картина				5-я картина		6-я картина		
Драматургическая линия	1	2	3	4	2		1		
Событие	Продолжение поисков, повтор клятвы Ваньковича	Любовная сцена Ваньковича и Ядвиги	Хоры солдат	Размышления Ваньковича о смерти цыгана	Признание в любви друг другу Ваньковича и Ядвиги		Ходевич рассказывает Ваньковичу о том, что Ядвига приказала ему убить ее мужа. Ходевича убивают, Ядвига подтверждает его слова		
Этапы драматургии	Развитие	Развитие	Развитие	Развитие	Кульминация		Развязка (1-й этап)		
Раздел оперы	7-я картина					Эпилог			
Драматургическая линия	1		2	4	1		2	4	
Событие	Казнь Ядвиги		Последний диалог Ядвиги и Ваньковича	Рефлексия Ядвиги по поводу своей жизни и судьбы	Вручение Ваньковичу награды за поимку преступников		Монолог Ваньковича о любви к Ядвиге	Рассуждения Ваньковича о первенстве любви над славой и почетом	
Этапы драматургии	Развязка (2-й этап)		Развязка	Развязка (Ядвига)	Окончательная развязка		Окончательная развязка	Развязка (Ванькович)	

коном, то правилом этого вида музыкально-театрального искусства. Второй и последний этап развязки лирической линии либретто происходит в эпилоге, в монологе Ваньковича, где он признается, что почет и слава без любви для него ничего не стоят. Такое решение образа судьи либреттистом противоположно тому, как он репрезентирован в новелле. Ванькович К. Тарасова ставит на первое место почет и славу, в то время как судья С. Климкович не мыслит своей жизни без любимой.

О первостепенном значении в опере именно лирической драматургической линии свидетельствует, во-первых, то, что пятая картина, находящаяся в точке «золотого сечения» произведения, целиком посвящена развитию лирической любовной линии, во-вторых, то, что в финальной сцене сочинения провозглашается главенство любви над всеми существующими благами общества. Показательно и завершение оперы лейтфразой Ваньковича: «О, пані сінявокая мая», которая впервые появилась в его письме к Ядвиге, а затем звучала в устах Ходевича, разоблачающего девушку [1].

Жанровая (3) и *философская* (4) линии имеют в опере второстепенное значение. Об их драматургическом развитии можно говорить достаточно условно: здесь нет четко очерченных завязки, кульминации и развязки, поскольку они не связаны с активной действенностью, а являются своего рода «островками» статики. Кроме того, о них нельзя в полной мере говорить как о целостных линиях, скорее они представляют собой периодические жанровые и философско-рефлексирующие отступления от основного развития действия.

Желание либреттиста создать зрелищный, насыщенный событиями спектакль вызвало необходимость введения дополнительных героев, отсутствующих в первоисточнике. Так, С. Климкович ввела в оперу образ любовника Ядвиги, брата ее мужа Яроша Ходевича, который под чутким руководством девушки совершал убийства. Как отмечалось выше, именно он открывает Ваньковичу тайну о злодействах его невесты.

Важную роль в либретто играют детали-символы, отсутствующие в новелле. Так, «рубінавы ружанец», с которым играет Ядвига, и сабля с рубинами на рукоятке, преподнесенная Ваньковичу в награду за поимку преступников, воспринимаются как символ крови. Дважды герои произносят одну и ту же фразу: «Якія камяні, бы кропелькі крыві». Если в устах Ядвиги она звучит как пророчество ее смерти, то у Ваньковича она воспринимается как напоминание об утрате надежды, о том, что грехи смываются лишь кровью.

С помощью деталей репрезентируется в либретто одна из главных тем новеллы – тема утраты идеала. Такой деталью становится лейтфраза Ваньковича «О, пані сінявокая мая», о которой речь шла выше. Впервые она появляется в его письме-признании любимой девушке, затем она звучит как издевка в устах Ходевича, открывающего судье правду о Ядвиге, и, наконец, в завершении оперы эти слова воспринимаются как последнее напоминание о несбывшемся счастье и утраченных надеждах.

Заключение. Трансформации текста либретто С. Климкович по сравнению с новеллой К. Тарасова можно разделить на несколько групп:

жанровые (приоритет лирики в либретто вместо эпоса в первоисточнике);

драматургические (концентрация завязки, иное решение кульминации);

сюжетные (введение новых героев, изменение хода событий);

образные (облагораживание характеров главных героев, романтизация, лиризация);

детальные (введение деталей-символов, не только украшающих текст либретто, но и предвосхищающих события, а также создающих вербальные арки, скрепляющие общую композицию произведения).

Все модификации, произошедшие в либретто, вызваны главным образом необходимостью адаптировать текст документальной новеллы к музыкально-сценической реализации. Либретто оперы «Пані Ядвіга» обладает высокими художественными качествами: красотой слога, закругленностью и логичностью композиции, естественно выстроенной драматургией. Имманентная театральность либретто в полной мере позволяет говорить о нем как о качественной основе для дальнейших композиторской, дирижерской, исполнительской и режиссерской интерпретаций.

[1] Ходевич в шестой картине произнес: «То – пані сінявокая твая, Чароўная, пяшчотная Ядвіга!».

Список использованных источников

1. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие / А. Б. Есин. – 3-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2000. – 248 с.

2. Пилатова, И. В. «Князь Наваградскі» Л. Прокопчика и О. Ипатовой: либреттологическое исследование оперы А. Бондаренко / И. В. Пилатова // Вес. Беларус. дзярж. акад. музыкі. – 2015. – № 27. – С. 32–41.

3. Тарасов, К. Стая ворон над гостинцем [Электронный ресурс] / К. Тарасов. – Режим доступа: https://librusec.pro/b/158473/read. – Дата доступа: 15.02.2017.

References

1. Esin A. B. *Principles and techniques for the analysis of literary works.* 3nd ed. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2000. 248 p. (in Russian).

2. Pilatova I. V. “Prince Navaradskiy” by L. Prokopchik and O. Ipatova: librettological study of the opera by A. Bondarenko. *Vestsi Belaruskai dzyarzhaŷnai akademii muzyki* [Proceedings of the Belarusian State Academy of Music], 2015, no. 27, pp. 32–41 (in Russian).

3. Tarasov K. *A flock of crows over a present.* Available at: https://librusec.pro/b/158473/read (accessed 15.02.2017) (in Russian).

Информация об авторе

Пилатова Ирина Владимировна – кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник. Белорусская государственная академия музыки (ул. Интернациональная, 30, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: irina10-m@mail.ru

Information about the author

Irina V. Pilatova – Ph. D. (Art Hist.), Junior Scientific Researcher. Belarusian State Academy of Music (Internationalnaya, 30. 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: irina10-m@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09-31
https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-200-208

Паступіў у рэдакцыю 20.11.2017
Received 20.11.2017

Г. В. Навасельцава

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь

ВЫВУЧЭННЕ РАМАНА: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Аннотация. В современной науке о литературе назрела необходимость разработки внутрижанровой типологии романа, что позволит не только систематизировать знания об известных романных текстах, но и определить эстетические возможности современного романа. Жанровая эволюция романа традиционно разрабатывается в социально-историческом русле на основе содержательных характеристик. Представители формалистской школы рассматривают жанр как систему приёмов, мотивацией к выделению новой романной формы выступает художественная неповторимость, которой обусловлена специфика развития сюжета и раскрытия темы. Г. Н. Поспелов связывает трактовку характеров героев с сюжетно-композиционной спецификой, М. М. Бахтин формулирует идею диалогичности, выделяет монологический и полифонический романы. Развивает бахтинскую теорию романа Н. А. Вердеревская, которая уделяет основное внимание структуре образа главного героя. А. Я. Эсалнек рассматривает жанр романа в тесной взаимосвязи с методом и стилем автора. Продолжает традицию формалистской школы Н. С. Лейтес, согласно типу сюжетообразования выделяет роман прямого и непрямого отображения. Н. Д. Тамарченко прослеживает эволюцию романа через характеристики его эстетических возможностей в творчестве известных мастеров слова. Дуализм, или вариативность, отличает классификации, разработанные в западноевропейском литературоведении (англоамериканская школа «неокритицизма», немецкая школа «интерпретации»), в которых обращается внимание на структурную организацию, художественные взаимоотношения между автором и повествователем, автором и персонажем.

Ключевые слова: художественная литература, проза, жанр, роман, диахрония, синхрония, типология, эволюция, классификация, исследовательский подход

Для цитирования. Навасельцава, Г. В. Вывучэнне рамана : гісторыя і сучаснасць / Г. В. Навасельцава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 200–208. https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-200-208

A. V. Novoseltseva

Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus

A NOVEL STUDY: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. There is the necessity in the contemporary science of literature for development of the intra-genre novel typology to systematize the knowledge of certain novel texts and determine the aesthetic possibilities of the modern novel. Traditionally the genre novel typology is considered in social-historical way and based on its content characteristics. Representatives of formalistic approach suppose the genre as a system of methods; they emphasize the artistic uniqueness of new novel form, which determines the specificity of the plot development and theme disclosure in a novel. G. N. Pospelov associates the interpretation of characters with the plot-composition peculiarities, M. M. Bakhtin formulates the idea of dialogue, defines the monologic and polyphonic novels. Bakhtin's novel theory is developed by N. A. Verderevskaya, focusing on the image structure of protagonist. A. Ya. Esalnek considers the genre of a novel in close interconnection between the method and style of the author. N. S. Leites carries on the tradition of formalistic approach, and according to the type of plot formation, singles out a novel of direct and indirect reflection. N. D. Tamarchenko retraces the novel evolution through its aesthetic potential in the works of famous authors. The classifications developed in Western European literary criticism (the Anglo-American school of "neo-

© Навасельцава Г. В., 2019

criticism", the German school of "interpretation") are distinguished with dualism or variability. They focus on the structural organization, the artistic relationship between the author and narrator, author and character.

Keywords: fiction, prose, genre, novel, diachrony, synchrony, typology, evolution, classification, research approach

For citation. Novoseltseva A. V. A novel study : history and modernity. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2019, vol. 64, no. 2, pp. 200–208 (in Belarusian). https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-200-208

Уводзіны. Як вядома, раман узнік у літаратуры як універсальны інструмент мастацкага даследавання значных грамадскіх працэсаў, гэты жанр скіраваны на абагульненне існуючага гістарычнага вопыту, садзейнічае далейшаму паглыбленню сацыяльнага мыслення. Эпічная свядомасць, дынаміка гістарычных змен, значныя прасторава-часавыя характарыстыкі, філасофская заглыбленасць выступаюць тыпалагічнымі рысамі жанру, у якім на ідэйна-мастацкім узроўні выяўляецца аўтарская канцэпцыя жыцця і часу. Жанравая форма рамана вызначаецца незавершанасцю, няўстойлівасцю кампазіцыйнай арганізацыі, што абумоўлівае як шматварыянтнасць тыпалагічных мадыфікацый, так і свабоднае ўзаемадзеянне з іншымі жанрамі. Для літаратуразнаўчага вывучэння рамана, яго жанравай спецыфікі, мастацкай эвалюцыі ад простых да больш складаных формаў немалаважнымі ўяўляюцца дакладнае вызначэнне відавых прыкмет жанру, распрацоўка навуковай тыпалогіі і стварэнне класіфікацыі жанравых разнавіднасцей. Яшчэ ў працах Гегеля, В. Р. Бялінскага, А. М. Весялоўскага заяўлена неабходнасць і заканамернасць тыпалагічнага падыходу, на чым акцэнтуе ўвагу і А. Я. Эсалнек. Даследчыца высока ацэньвае «прызнанне змястоўнасці ў якасці асновы тыпалогіі і вылучэнне паняцця "змястоўнай формы" як надзвычай важнага і прадуктыўнага» [1, с. 19], хоць і непаслядоўнага ў навуковым ужытку. У навуцы пра мастацтва слова наспела неабходнасць выпрацоўкі ўнутрыжанравай тыпалогіі рамана, працягвае А. Я. Эсалнек. Праблема класіфікацыі звязана не толькі з сістэматызацыяй ведаў аб рамане, але і «з паэтыкай сучаснага рамана, з вызначэннем яго магчымасцей і ў выніку з навуковым вызначэннем шляхоў яго развіцця» [2, с. 81]. Вышэйсказанае абумоўлівае наступную мэту даследавання – раскрыць асноўныя навуковыя падыходы ў айчынным і замежным літаратуразнаўстве да вывучэння рамана як жанру, для чаго былі выкарыстаны параўнальна-тыпалагічны, фенаменалагічны, гісторыка-функцыянальны метады.

Асноўная частка. У «Эстэтыцы» Гегеля раскрываецца мастацкая характарыстыка рамана ў рэчышчы найперш зместавых прыкмет. Так, антычнаму грамадству ўласцівы эпас з выразна выяўленай гераічнай праблематыкай. Сучаснае філосафу буржуазнае грамадства характарызуецца ім як безгеройнае і таму месца класічнага эпасу займае раман, які названы «сучаснай буржуазнай эпапеяй». У рамане паказваецца багацце і шматграннасць характараў, жыццёвых адносін, шырокі фон свету, перадаецца і паэтычнае бачанне падзей. Працягвае гегелеўскую канцэпцыю В. Р. Бялінскі, які вытлумачвае жанравую эвалюцыю ў сацыяльна-гістарычным кірунку, доказна сцвярджаючы, што ў рамане выкладзена і чалавечае жыццё, і маральна-этычныя правілы, і філасофскія сістэмы. Знакаміты крытык, аналізуючы раманы і аповесці ў творчасці рускіх пісьменнікаў першай паловы XIX стагоддзя, акрэслівае такую эстэтычную тэндэнцыю ў развіцці рамана, як імкненне да збліжэння з рэчаіснасцю, да яе натуральнага адлюстравання. Разам з тым пашырэнне вобразнай сістэмы, у прыватнасці мастацкі прынцып народнасці, не магло паспяхова замацавацца ў жанры і ў літаратуры без прыкладу, створанага геніяльным талентам. І такім прыкладам В. Р. Бялінскі называе раман А. С. Пушкіна «Арап Пятра Вялікага». Невыпадкова раман і аповесць самы зручны «род паэзіі»: у гэтых жанрах вымысел арганічна зліваецца з рэчаіснасцю, лёгка спалучаюцца апавядальнасць і апісальнасць, шматгранна раскрываецца паэтычны аналіз грамадскага жыцця.

Знакаміты рускі літаратуразнаўца А. М. Весялоўскі разглядае раман у параўнанні з больш раннімі эпічнымі формамі – гераічнымі песнямі і эпапеямі і доказна сцвярджае, што адбываецца гістарычная змена жанраў. Навукоўца выкарыстоўвае сацыяльна-гістарычны падыход да вывучэння жанру на падставе ўнутраных зместавых прыкмет. Так, увага да асобы, адлюстраванне асобаснага пачатку аб'ядноўвае цэлую групу твораў, напрыклад, раман, навелу, драму. У гэтым кантэксце навукоўца акрэслівае задачу раманіста – прадставіць «ідэальнае адлюстраванне жыцця, лепей сказаць, вядомай жыццёвай паласы ў вобразах і дзеяннях створаных вымыслам асоб, якія

напоўнены бытавой і псіхалагічнай праўдай» [3, с. 14]. Раманіст, як і любы сучаснік, суб'ектыўна ўспрымае навакольны свет, у яго героях неад'емна прысутнічае аўтарскае «я», у выніку чаго мастацкая праўда індывідуалізуецца. Такім чынам, умовы працы раманіста адрозніваюцца ад творчых умоў эпічнага песняра, які раскрывае герояў, ужо надзеленых народнай сімпатыяй, а яго светапогляд супадае з агульнапрынятай духоўнай традыцыяй.

Вядомы прадстаўнік рускай фармалісцкай школы Ю. М. Тынянаў разглядае жанр як сістэму прыёмаў, у якой спалучаюцца і ўзаемадзейнічаюць адметныя элементы рознай ступені значнасці. Даследчык вылучае дамінантныя элементы (у прыватнасці, сюжэт і кампазіцыю твора) на пэўнай ступені развіцця мастацкай формы. Дамінанты дэфармуюць астатнія элементы і выступаюць носьбітамі жанравых прыкмет, твор уваходзіць у літаратуру, набываючы сваю літаратурную функцыю. Вывучэнне жанру па-за межамі жанравай сістэмы ўяўляецца немагчымым: «Гістарычны раман Талстога не суадносіцца з гістарычным раманам Загоскіна, а суадносіцца з сучаснай яму прозай» [4, с. 276]. У пачатку XX стагоддзя раман суадносіцца з раманам па прыкмеце велічыні, па характары развіцця сюжэта, у ранейшыя літаратурныя перыяды дамінантай выступала любоўная інтрыга. У сучаснай Ю. М. Тынянаву літаратуры, па словах самога даследчыка, знікае адчуванне жанру: у рамане, напрыклад, псіхалагічная нагрузка перастала быць неабходным стрыжнем, занадта абцяжарвае твор, і, як вынік, пісьменнікі пачынаюць працаваць з фабулай, што дазваляе адрозніваць фабульныя і бесфабульныя раманы.

Б. В. Тамашэўскі пераканаўча даводзіць, што толькі ў межах адной гісторыка-літаратурнай эпохі можна выпрацаваць дакладную класіфікацыю твораў па школах, жанрах і напрамках. У сувязі з тым, што прыкметы жанру ўзнікаюць у працэсе эвалюцыі формы, вызначаюцца дынамікай мастацкага функцыянавання, класіфікацыя павінна грунтавацца на шэрагу прыкмет. Матывацыяй для вылучэння адметнай раманічнай формы выступае яе мастацкая непаўторнасць, што абумоўлівае спецыфіку развіцця сюжэта і раскрыцця тэмы. Навукоўца адрозніваe авантурны раман, дзе апісваюцца прыгоды героя, гістарычны раман, прысвечаны адлюстраванню мінулага. Б. В. Тамашэўскі не аспрэчвае таго, што ў першым выпадку прыкметай з'яўляецца развіццё фабулы, у другім – тэматычная прыкмета, у выніку гэтыя формы не выключаюць адна адну: напрыклад, «раман Дзюма-бацькі можна адначасова назваць і гістарычным, і авантурным» [5, с. 256]. Псіхалагічны раман звычайна звязаны з аўтарскай сучаснасцю, аднак «да гэтага жанру далучаецца звычайны раман XIX стагоддзя з любоўнай інтрыгай, шматлікім грамадска-апісальным матэрыялам і да т. п., які групуецца па школах» [5, с. 256]. У прыватнасці, даследчык звяртае ўвагу на англійскі раман Дзікенса, французскі раман Мапасана. Гэтай жа мастацкай форме адпавядаюць сямейны раман, «раман-фельетон», «бытавы раман», «бульварны раман». У розныя эпохі актуалізуецца парадыйны і сатырычны раман. Спецыяльнай увагі патрабуе бессюжэтны раман, дзе слаба выяўлена (альбо адсутнічае) фабула, што назіраецца ў «раманах-дзённіках».

Выпрацоўцы навукова вывераной тыпалогіі жанру перашкаджае непасрэдна эпічнасць прозы, якая дасягае ў раманным тэксце найбольшай ступені выяўлення і супярэчыць вылучэнню аднаго тэматычнага імператыва. Так, класічны раман імкнецца адлюстраваць жыццё ў яго цэласнасці, разнастайнасці і адначасова раскрыць характар галоўнага героя. Для класіфікацыі і тыпалогіі рамана навукоўцы прапаноўвалі розныя крытэрыі, якімі і абгрунтоўваліся адметныя літаратуразнаўчыя падыходы. Напрыклад, раман у еўрапейскай літаратуры XII–XX стагоддзяў аналізуе Г. М. Паспелаў, які спалучае трактоўку характараў герояў з сюжэтна-кампазіцыйнай спецыфікай твора. Раннім тыпам еўрапейскага рамана навукоўца называе раман авантурны, або сюжэтна-экстэнсіўны, які складаецца з асобных эпізодаў – прыгод героя. Развіццё характару выяўляецца найперш праз адлюстраванне знешняга стану: жыццёвага поспеху або цяжкасцей, перамог або страт. На змену сюжэтна-экстэнсіўным раманам прыходзяць раманы сюжэтна-інтэнсіўныя, так званыя «канцэнтрычныя», у выніку чаго даследчык тлумачыць эвалюцыю жанру ў асноўных еўрапейскіх літаратурах: пераход ад этапу XII–XVII стагоддзяў да XVIII–XIX стагоддзяў. У сюжэце «канцэнтрычнага» рамана развіваецца адзіны канфлікт, просты або ўскладнены. Аўтары мастацкіх твораў гэтага тыпу глыбока асэнсоўвалі чалавечыя характары. Сюжэтна-інтэнсіўныя раманы звычайна грунтаваліся на маральна-этычных кантрастах, з якіх і вынікалі канфлікты, што вызначаліся ўжо не збегам выпадковых абставін, а сацыяльна-гістарычнымі заканамернасцямі.

Важна і тое, што ход падзей выступаў знешнім стымулам для развіцця характараў герояў. Такім чынам, Г. М. Паспелаў сістэматызуе значную колькасць мастацкіх прыкладаў, прасочвае развіццё рамана ў еўрапейскім прыгожым пісьменстве. Разам з тым яўным недахопам вышэйакрэсленага тыпалагічнага падыходу трэба лічыць тое, што шматгранны класічны раман у літаратуры XVIII–XIX стагоддзяў прадстаўлены ўсяго адным тыпам – «канцэнтрычным» раманам.

Значным дасягненнем літаратуразнаўчай навукі стала тыпалогія рамана, абгрунтаваная М. М. Бахціным, згодна з якой вылучаецца дзве тэндэнцыі ў развіцці еўрапейскага рамана. Навукоўца раскрыў ідэю дыялагічнасці ў жанравым аспекце, што дазволіла вылучыць маналагічны раман і паліфанічны раман. У якасці крытэрыяў, на аснове якіх ацэньваецца прыналежнасць твора да адметнай мастацкай плыні, былі вылучаны: па-першае, характар узаемадзеяння аўтара і героя, па-другое, прынцып раскрыцця галоўнага героя, па-трэцяе, прасторава-часавая арганізацыя твора (для чаго ўводзіўся такі спецыяльны тэрмін, як «хранатоп»). Адметнасць увасаблення галоўнага героя дае падставы адрозніваць раман вандраванняў, раман выпрабавання, біяграфічны (аўтабіяграфічны і спавядальны) раман, раман выхавання, сінтэтычны раман XIX стагоддзя, кожнаму з якіх уласціва спецыфічная прасторава-часавая арганізацыя. Канкрэтныя гістарычныя разнавіднасці рамана не вытрымліваюць прынцыпу афармлення галоўнага героя «ў чыстым выглядзе», паколькі «ўсе моманты рамана ўзаемадзейнічаюць адзін з адным, то дамінаванне пэўнага прынцыпу афармлення героя звязана з пэўнай тэматыкай, з пэўным тыпам сюжэта, з пэўным спосабам афармлення свету вакол героя, з пэўнымі асаблівасцямі кампазіцыйнай будовы» [6, с. 182]. Тэорыя рамана, распрацаваная М. М. Бахціным, атрымала шырокае кола прыхільнікаў і паслядоўнікаў, і тым не менш выказвалася справядлівая крытыка некаторых меркаванняў вядомага навукоўцы. У прыватнасці, даследчык невысока ацэньваў раман у творчасці І. Тургенева, якому ўласцівы маналагізм, і разглядаў на ўзроўні мастацкага феномена раман у творчасці Ф. Дастаеўскага, якому характэрны поліфанізм. Кантрастыўны погляд на спадчыну вядомых майстроў

слова быў абумоўле. Кантрастыўны погляд на спадчыну вядомых майстроў

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА

ECONOMICS

УДК 334.758
https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-227-234

Поступила в редакцию 01.02.2019
Received 01.02.2019

Е. В. Гусаков

РНУП «Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси»,
Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Создание кластеров оказывает положительное влияние на устойчивость функционирования как самих внутренних структур кластера, так и экономики регионов и отраслей, где они расположены (экономия транзакционных затрат, оптимизация технологической цепочки прохождения продукции, рационализация системы управления и др.). Вместе с тем в ходе исследований выделены наиболее свойственные кластерам характеристики, построена схема и дана ее краткая интерпретация. Установлено, что главными и неотъемлемыми составляющими любого кластера являются: 1) кооперация и интеграция; 2) территориальное или отраслевое расположение; 3) оптимальная совокупность участников; 4) специализация, рациональное разделение труда и взаимодополнение; 5) синергический эффект; 6) инновации и инвестиции; 7) жизненный цикл кластера. Для конкретизации изложенного сформулированы характерные признаки развития кластеров, или этапы жизненного цикла: I этап – существующая совокупность предприятий и организаций, называемая агломерацией; II этап – образующийся кластер; III этап – становящийся кластер; IV этап – состоявшийся кластер; V этап – перестраивающийся кластер.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, кооперация, интеграция, кластер, конкурентоспособность

Для цитирования. Гусаков, Е. В. Теоретические и методологические решения по развитию кластерной политики / Е. В. Гусаков // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 227–234. https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-227-234

E. V. Gusakov

RSUE «The Institute of System Research in Agro-industrial Complex of NAS of Belarus»,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SOLUTIONS FOR THE CLUSTER POLICY DEVELOPMENT

Abstract. Creating clusters has a positive effect on the functioning of both the internal structures of the cluster and the economies of the regions and industries where they are located (savings in transaction costs, optimization of the technological chain of product passage, rationalization of the management system, etc.). At the same time, in the course of the research, the most inherent characteristics of clusters were singled out, the scheme was constructed and the brief interpretation was given. It has been established that the main and integral components of any cluster are: 1) cooperation and integration; 2) territorial or sectoral location; 3) the optimal set of participants; 4) specialization, rational division of labor and complementarity; 5) synergistic effect; 6) innovation and investment; 7) cluster life cycle. To concretize the above, characteristic signs of cluster development or different stages of the life cycle are formulated: Stage I – the existing set of enterprises and organizations, called agglomeration; Stage II – the resulting cluster; Stage III – becoming a cluster; Stage IV – completed cluster; Stage V – rebuilt cluster.

Keywords: agro-industrial complex, cooperation, integration, cluster, competitiveness

For citation. Gusakov E. V. Theoretical and methodological solutions for the cluster policy development. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 227–234 (in Russian). https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-227-234

© Гусаков Е. В., 2019

Введение. На сегодняшний день для любого субъекта хозяйствования важнейшей задачей является повышение эффективности функционирования в условиях осложнения экономической ситуации и роста конкуренции. В этой связи одним из наиболее действенных инструментов отраслевого, производственного и территориального развития, обеспечивающих рост конкурентоспособности, является кластерная организация. Практика показывает, что кластер как экономическая агломерация взаимодействующих организаций представляет собой доминирующий фактор устойчивого производственно-экономического развития для отраслей и территорий.

Кластерная организация производства находит все большее признание в мире, значительное внимание теории кластеризации уделяется в настоящее время в экономической науке. Кластеры все более признаются интеграционной формой организации производства, способной мобилизовать различные факторы и ресурсы для достижения заданных темпов экономического развития.

Как показывают проведенные нами исследования, содержание идеи создания и функционирования кластерных образований в аграрной сфере заключается в превращении сельских территорий, сельскохозяйственного производства, перерабатывающих и снабженческих предприятий и смежных с ними организаций и служб в замкнутую организационно-экономическую систему, выстроенную по специальной технологической цепочке продвижения продукции от места ее исходного получения до превращения в товарный вид и рыночную продажу на основе задействования соответствующих материальных, трудовых, технических, финансовых, информационных и других ресурсов.

Кроме того, перспективы кластерной организации АПК зависят и от макроэкономических тенденций в стране или регионе, наличия соответствующей инфраструктуры и интересов предприятий и организаций. Следует отметить, что, несмотря на всю важность и актуальность кооперации и интеграции субъектов хозяйствования, доказавших свою целесообразность исторически, до настоящего времени они не являются доминирующими и остаются не понятыми, особенно субъекты хозяйствования, использующие подходы кластеризации. В то же время именно кооперация и интеграция в сельском хозяйстве являются сущностными формами всякой организации агропромышленного производства, без которых сложно представить его развитие и перспективы [1–10].

Основная часть. Исследования показывают, что создание кластеров оказывает положительное влияние на устойчивость функционирования как самих внутренних структур кластера (входящих предприятий и организаций), так и экономики региона и отрасли, где они расположены. Как показано на рис. 1, образование кластера позволяет в первую очередь сэкономить транзакционные затраты, оптимизировать технологическую цепочку прохождения продукции, рационализировать и упростить систему управления, сконцентрировать производственные ресурсы на приоритетах хозяйственной деятельности, повысить качество поставляемой на рынок продукции, укрепить конкурентоспособность, сформировать дополнительные инвестиции в развитие, выработать единую стратегию хозяйствования.

Проведенный компаративный анализ подтверждает, что в кластерном объединении, где налажена действенная кооперация предприятий и организаций, более эффективно реализуются масштабные проекты экономического развития, такие как строительство новейших производственных объектов, внедрение инновационных технологий, продвижение на престижные зарубежные рынки и др. Наряду с этим кластеры непосредственно влияют на экономику территории, на которой расположены, и на развитие отрасли, в которой функционируют. Результаты исследования представлены на рис. 2.

Данное исследование имеет научную новизну, поскольку впервые показывает связь критериев эффективности функционирования территорий и отраслей, где имеются кластеры, а также прямую взаимосвязь функций кластерной организации и функций территорий и отраслей. Так, целевые функции территорий и отраслей, такие как прогнозирование и планирование, регулирование и управление, организация производства и воспроизводства и другие имеют непосредственное продолжение в функциях кластеров, как, например, бизнес-планирование, внутрикластерное

Рис. 1. Основные направления влияния кластерной организации на результаты деятельности входящих структур

Fig. 1. The principle directions of influence of the cluster organization over operating results of structures being a part of such organization

управление, производство качественной и конкурентной продукции и т. п. Следовательно, есть основания утверждать, что экономическая политика территорий и отраслей в немалой степени определяет специфику деятельности кластеров, а стратегия и результативность деятельности кластеров являются базой соответствующей результативности регионов и отраслей.

В результате компаративного анализа нами выделены наиболее свойственные кластерам характеристики, которые представлены на рис. 3.

Во главе схемы располагаются такие ключевые характеристики, как кооперация и интеграция. Как известно, разрозненное функционирование предприятий и организаций как субъектов хозяйствования в какой-то отрасли или на определенной территории не создает синергетического эффекта. Эффект «экономии на масштабе» формируется в результате реализации таких характеристик, как кооперация и интеграция. Поэтому кооперацию, которая позволяет наладить связи, а интеграцию – объединить усилия, нами предлагается отнести к числу самых важных характеристик, без чего вообще невозможно объединение. Только на этой базе возможна кластерная организация. Она позволяет консолидировать усилия участников, сократить транзакционные затраты, оптимизировать систему управления, сконцентрировать ресурсы на приоритетах, привлечь новые ресурсы, которые были недоступны обособленным предприятиям.

Второй важнейшей характеристикой кластерной организации, полагаем, следует назвать территориальное или отраслевое расположение объединения. Эта характеристика указывает не толь-

Рис. 2. Взаимосвязь функций региональной (отраслевой) экономики и кластерных организаций
Fig. 2. Interrelation of regional (industrial) economy functions and cluster organizations

[1]*Примечание:* В приведенной схеме функции территорий совпадают с функциями отраслей (например, по АПК)

ко на местонахождение организации, но и на такой признак, как географическая концентрация. Например, вследствие высокой концентрации предприятий и организаций на определенной территории или в соответствующей отрасли (скажем, в АПК), возможно создание оптимальных производственных мощностей, достижение высокого уровня специализации, реализация целей создания крупного высокоэффективного производства. Генезис концентрации заложен в теории производительных сил. Следовательно, территориальная или отраслевая концентрация обеспечивает рост производительности и создает условия для сквозной инновационности.

Третьей непременной характеристикой кластеров должна значиться оптимальная совокупность участников объединения. Кластерное образование предполагает взаимодополнение и взаимосвязь предприятий и организаций, а не простую их совокупность. Необходимо выстроить рациональную технологическую цепочку получения и продвижения продукции. Совокупность субъектов хозяйствования должна быть такой, чтобы достигался максимальный синергетический эффект, включая как основные предприятия по производству продукции, так и вспомогательные, обслуживающие и снабженческие.

Рис. 3. Важнейшие характеристики кластера
Fig. 3. The most important cluster characteristics

Четвертой основной характеристикой кластеров должна быть, по данным выполненного нами исследования, специализация. Участники кластера взаимосвязываются между собой через какой-то основной вид деятельности (например, молочный кластер, кластер по производству мясной продукции и пр.). Нередко кластерная организация выходит за рамки одной отрасли и охватывает смежные направления, в этой связи процесс кластеризации сочетается с диверсификацией. Однако чем четче проявляется специализация, которая сопровождается концентрацией производства, ресурсов, инвестиций и инноваций, тем нагляднее смысл кластеризации и значительнее совокупный эффект.

Пятой основной характеристикой кластеров нами предлагается считать синергетический эффект. Он образуется по разным направлениям. В процессе объединения субъектов хозяйствования по технологической цепочке продвижения продукции происходят оптимизация специализации, рост производства, концентрация ресурсов, выделение приоритетных направлений, усиление инвестиций, активизация инноваций, а в связи с этим – оптимизация управления, сокращение непроизводительных затрат, ликвидация излишних звеньев, что в совокупности определяет синергетический эффект. Кооперация и интеграция субъектов и их ресурсов по определению предполагают эффект масштаба и рост производительности. Не имея синергетического эффекта, – пропадает смысл в кластеризации.

Шестой ключевой характеристикой кластеров нами определены инвестиции и инновации. Смысл кластерной организации состоит в создании благоприятных условий для дополнительных инвестиций в развитие и привлечение инноваций. Это залог конкурентоспособности. Без перманентной модернизации, требующей инвестиций и инноваций, кластеры не обладают требуемыми показателями жизнеспособности – конкурентностью, рыночной устойчивостью, сбытовой привлекательностью и пр.

Седьмой базисной характеристикой является жизненный цикл кластера. Известно, что кластеры, как и любые сложные системы, в своем развитии проходят через определенные стадии. В зависимости от специфики кластеров жизненные циклы могут различаться как по содержанию, так и по продолжительности. Вместе с тем существуют схожие этапы, что дает возможность определить некоторые характерные периоды: зарождение, развитие, трансформацию и др. Нами выполнено изучение и сформулированы характерные признаки развития кластеров, которые представлены в таблице.

Характеристика этапов жизненного цикла кластеров
Characteristics of clusters life-cycle phases

Этап или стадия	Состояние	Динамика	Результаты
I. Существующая совокупность предприятий и организаций на территории или в отрасли, называемая агломерацией	Концентрация предприятий и организаций на определенной территории или в составе отрасли, связанных специализацией и конкуренцией за рыночный сбыт родственной продукции. Механизмы кооперации и интеграции отсутствуют	Конкуренция за рынок и потребителей. Стремление выжить и адаптироваться к рыночной конъюнктуре. Имеют место межхозяйственные и межотраслевые связи как средство взаимопоставок недостающих ресурсов и продукции	Разрозненность и обособленность при рыночной конкуренции подталкивает к кооперации. Поиск возможностей устойчивого развития за счет налаживания тесных связей и кооперации усилий
II. Образующийся кластер (происходят процессы образования)	Обострение конкуренции между производителями и поставщиками родственной продукции. Приобретение опыта преодоления конкуренции путем сотрудничества. Попытки налаживания договорных связей и отношений. Стремление к кооперации и интеграции субъектов	Субъекты хозяйствования начинают кооперироваться вокруг предприятия-интегратора (а также по инициативе снизу или сверху). Проявляется эффект сотрудничества, делаются сравнительные оценки	Усиливается специализация и разделение труда. Происходит концентрация производства и ресурсов. Наблюдается оптимизация системы управления.
III. Становящийся кластер (происходят процессы усиления и становления)	Проявление кластерных эффектов (рост производительности, концентрация производства, экономия затрат). Реализуются механизмы совместного планирования, выработки стратегии, единого ценообразования, сквозного продвижения продукции	Происходит оптимизация кластера по составу предприятий и организаций. Формируется единая сквозная цепочка продвижения продукции. Усиливаются признаки конкурентоспособности	Растет производительность и качество продукции, усиливаются потребительские ценности продукции, учитываются потребительский спрос и рыночная конъюнктура
IV. Состоявшийся кластер (проявляются признаки зрелости и внутреннего равновесия)	Проявляется максимальный синергетический эффект. Проявляется высокая конкурентоспособность объединения. Наблюдаются устойчивые инвестиции в производство, которое становится традиционным. Наблюдается устойчивая инновационность. Происходит стабилизация производства без выраженного варьирования. Кооперация и интеграция достигают «критической массы». Технологическая цепочка оптимизирована по структуре и объемам продукции	Кооперация субъектов перерастает в интеграцию. Усиливаются социально-экономические эффекты (начинает усиленно развиваться социальная часть). Социальный капитал приобретает приоритет. Усиливается кластерная политика региона и отрасли. Возникают проблемы перераспределения экономического эффекта между подразделениями и приоритетности подразделений	Кластер становится заметным игроком экономики территории (региона) и отрасли. Наблюдается высокий уровень поставок продукции за пределы кластера, территории и отрасли. Наблюдается высокое влияние кластера на устройство региона или отрасли. Происходит рост доходов занятых работников. Происходит расширение связей кластера, в т. ч. зарубежных
V. Перестраивающийся кластер (нарастающие внутренние и внешние противоречия приводят к необходимости трансформации и даже реорганизации)	Прежняя стабильная деятельность не позволяет быстро адаптироваться к изменяющейся рыночной среде, нарастают экономические и социально-экономические обязательства, усиливаются противоречия между переделами технологической цепи, производственный и социальный капитал теряют равновесие и сбалансированность	Быстрое изменение рыночной конъюнктуры, технологий и процессов вступает в противоречие с деятельностью кластера. Кластер перестает удовлетворять требованиям рыночной организации, теряет гибкость и конкурентоспособность. Кластерная инфраструктура становится малоэффективной и слабоуправляемой	Происходят деградация и ослабление производственно-экономической системы. Назревает необходимость сквозной трансформации (а иногда реорганизации и даже ликвидации). Предприятия и организации перегруппируются, уточняется или меняется специализация

В таблице дана характеристика процесса эволюции (развития, изменения) кластеров. В основу жизненного цикла нами положено представление о том, что цикл кластеров как сложных социально-экономических систем схож с жизненным циклом крупных предприятий и отраслей – «антропологическим» принципом развития от появления до исчезновения, с возможностью возрождения при условии приложения дополнительных усилий. Представленная нами периодизация жизненного цикла кластера, а также характеристика по состоянию, динамике и результатам имеют существенную новизну, которая в отличие от исследований других авторов состоит в том, что анализируемые признаки по каждому этапу максимально приближены к реальной практике. Нами сделана попытка уйти от отвлеченного теоретизирования и дать интерпретацию состояния, динамики и результатов кластерной организации по этапам жизненного цикла в прямом соответствии с реальной действительностью, т. е. представленные характеристики максимально идентифицированы с объективной реальностью. Например, результаты первого этапа – агломерации – нами представлены как разрозненность и обособленность, поиск возможностей сотрудничества на основе кооперации усилий; результаты второго этапа – возникновения – показывают, что в ходе кооперации субъектов усиливаются специализация и разделение труда, происходят концентрация производства и оптимизация системы управления; результаты третьего этапа – становления – свидетельствуют о том, что растет производительность, усиливаются потребительские ценности продукции, учитываются потребительский спрос и рыночная конъюнктура; результаты четвертого этапа – зрелости – показывают, что кластер становится заметным игроком экономики в регионе и отрасли, наблюдается высокий уровень продуктивности и социализации производства, происходит расширение партнерских и конкурентных отношений; результаты пятого этапа – трансформации – это деградация и ослабление производственно-экономической системы, что вызывает необходимость сквозной реорганизации. Все это соответствует действительной практике.

Заключение. Таким образом, кластерным системам свойственно постоянное изменение: развитие, которое может заключаться в увеличении сложности системы (вхождение новых субъектов хозяйствования, освоение новых видов продукции); улучшение возможностей приспособляемости к условиям рынка (оптимизация структуры производства, учет потребительских предпочтений); увеличение масштабов хозяйственной деятельности (рост кластера в ширину и глубину); рост экономики и совершенствование ее структуры (рост производительности, объемов продаж и выручки); социально-экономическое развитие (усиление социального капитала). Детальное знание процессов, которые происходят в кластерных объединениях на всех этапах жизненного цикла, позволяет оперативно вырабатывать меры и рычаги эффективного регулирования технологических процессов и нивелирования потенциальных потерь. Для этого надо иметь единую научную методологическую базу [2; 3; 10].

Список использованных источников

1. Александрова, Л. А. Кластеры в аграрной экономике / Л. А. Александрова, Л. А. Тутаева. – Оренбург : [б. и.], 2013. – 339 с.

2. Гусаков, Е. В. Научные основы и организационно-экономический механизм эффективного функционирования кооперативно-интеграционных объединений в АПК / Е. В. Гусаков. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 206 с.

3. Гусаков, Е. В. Формирование понятийного аппарата устойчивого развития АПК как мегакластера / Е. В. Гусаков // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. аграр. навук. – 2018. – Т. 56, № 4. – С. 437–447. https://doi.org/10.29235/1817-7204-2018-56-4-437-447

4. Пилипук, А. В. Институциональное пространство кластерной агропродовольственной системы Евразийского экономического союза: аспекты теории и практики / А. В. Пилипук, Е. В. Гусаков, Ф. И. Субоч ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т систем. исслед. в АПК. – Минск : Беларус. навука, 2016. – 266 с.

5. Субоч, Ф. И. Перспективы организационно-экономического совершенствования интеграционных формирований молочнопродуктового подкомплекса юга Минской области / Ф. И. Субоч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. аграр. навук. – 2006. – № 2. – С. 24–31.

6. Субоч, Ф. И. Устойчивое динамическое развитие национальных и межнациональных продуктовых структур в инновационно-кластерной системе ЕЭП и ЕврАзЭС / Ф. И. Субоч // Экономические вопросы развития сельского хозяйства Беларуси : межведомств. темат. сб. / Ин-т систем. исслед. в АПК НАН Беларуси. – Минск, 2013. – Вып. 41. – С. 233–251.

7. Ушачев, И. Интеграционные отношения в аграрном производстве России / И. Ушачев // АПК: экономика, упр. – 2002. – № 3. – С. 2–7.

8. Ушачев, И. Организационно-экономический механизм развития агрохолдингов / И. Ушачев // АПК: экономика, упр. – 2007. – № 5. – С. 9–14.

9. Чаянов, А. В. Краткий курс кооперации / А. В. Чаянов. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 80 с.

10. Gusakov, E. Comparative analysis of qualitative and quantitative characteristics of clusters / E. Gusakov // Problems of European agriculture sustainable development in 2018 : proc. of common sci. research / Sci. Assoc. Inst. of Ecomony a. Market, Zachodniopomorski Uniw. Technologiczny w Szczecinie. – Szczecin, 2018. – P. 15–24.

References

1. Aleksandrova L. A., Tutaeva L. A. *Clusters in the agrarian economy*. Orenburg, 2013. 339 p. (in Russian).

2. Gusakov E. V. *Scientific basis and organizational-economic mechanism for the effective functioning of cooperative-integration associations in the agro-industrial complex*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015. 206 p. (in Russian).

3. Gusakov E. V. Formation of conceptual apparatus of agroindustrial complex stable development as a megacluster. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya agrarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Agrarian series,* 2018, vol. 56, no. 4, pp. 437–447 (in Russian). https://doi.org/10.29235/1817-7204-2018-56-4-437-447

4. Pilipuk A. V., Gusakov E. V., Suboch F. I. *Institutional space of the cluster agri-food system of the Eurasian Economic Union: aspects of theory and practice*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2016. 266 p. (in Russian).

5. Suboch F. I. Perspectives of organizing and economic improvement of integration organizations of the South of the Minsk region. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryya agrarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Agrarian series,* 2006, no. 2, pp. 24–31 (in Russian).

6. Suboch F. I. Sustainable dynamic development of national and international product structures in the innovation-cluster system of the SES and EurAsEC. *Ekonomicheskie voprosy razvitiya sel'skogo khozyaistva Belarusi: mezhvedomstvennyi tematicheskii sbornik* [Economic issues of agricultural development in Belarus: interdepartmental]. Minsk, 2013, iss. 41, pp. 233–251 (in Russian).

7. Ushachev I. Integration relations in the agricultural production of Russia. *APK: ekonomika, upravlenie = AIC: Economy, Management,* 2002, no. 3, pp. 2–7 (in Russian).

8. Ushachev I. Organizational-economic mechanism for the development of agricultural holdings. *APK: ekonomika, upravlenie = AIC: Economy, Management,* 2007, no. 5, pp. 9–14 (in Russian).

9. Chayanov A. V. *A short course of cooperation*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 80 p. (in Russian).

10. Gusakov E. Comparative analysis of qualitative and quantitative characteristics of clusters. *Problems of European agriculture sustainable development in 2018: proceedings of common scientific research*. Szczecin, 2018, pp. 15–24.

Информация об авторе

Гусаков Егор Владимирович – кандидат экономических наук, доцент. РНУП «Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси», Национальная академия наук Беларуси (ул. Казинца, 103, 220108, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ego-6@mail.ru

Information about the author

Egor V. Gusakov – Ph. D. (Econ.), Associate professor, RSUE «The Institute of System Research in Agro-industrial Complex of NAS of Belarus». National Academy of Sciences of Belarus (103 Kazintsa Str., Minsk 220108, Belarus). E-mail: ego-6@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК [338.49+339.97+656] (476)
https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-235-241

Поступила в редакцию 31.01.2017
Received 31.01.2017

Н. А. Подобед, Ю. И. Енин

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА: ПРИНЦИПЫ И ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена широкому комплексу проблем, связанных с процессами эволюционного развития инфраструктуры Евразийского союза. Рассмотрены сущность, классификация, принципы и инструменты эволюционного развития транспортно-логистической инфраструктуры, выявлены факторы, способствующие эволюционным изменениям в транспортном комплексе, а также ключевые преимущества от создания единой транспортно-логистической инфраструктуры для малых открытых экономик. Структурированы основные инструменты и базисные элементы развития цифрового рынка транспортно-логистических услуг. Выделена и обозначена особая роль в привлечении и удержании транзитных грузопотоков, возлагаемая на объекты транспортно-логистической инфраструктуры.

Ключевые слова: транспортно-логистическая инфраструктура, интеграция, Евразийский экономический союз, цифровая экономика, геополитические преимущества

Для цитирования. Подобед, Н. А. Транспортно-логистическая инфраструктура Евразийского союза: принципы и факторы эволюционного развития / Н. А. Подобед, Ю. И. Енин // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 2. – С. 235–241. https: //doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-235-241

N. A. Podobed, Yu. I. Enin

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

TRANSPORT AND LOGISTIC INFRASTRUCTURE OF THE EURASIAN UNION: PRINCIPLES AND FACTORS OF EVOLUTIONAL DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to a wide range of problems associated with the processes of evolutionary development of the infrastructure of the Eurasian Union. The essence, classification, principles and tools of the evolutionary development of transport and logistics infrastructure are considered, factors contributing to evolutionary changes in the transport complex, as well as the key benefits of creating a single transport and logistics infrastructure for small open economies are identified. The main tools and basic elements of the development of the digital market of transport and logistics services are structured. A special role in attracting and retaining transit cargo flows assigned to the objects of transport and logistics infrastructure has been identified and designated.

Keywords: transport and logistics infrastructure, integration, Eurasian Economic Union, digital economy, geopolitical advantages

For citation. Podobed N. A., Enin Yu. I. Transport and logistics infrastructure of the Eurasian Union: principles and factors of evolutionary development. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 2, pp. 235–241 (in Russian). https: // doi.org/ 10.29235/2524-2369-2019-64-2-235-241

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) пришлось на сложный экономический период, связанный с нарастающими последствиями мирового экономического кризиса, нестабильностью цен на сырьевых рынках, сменой технологических укладов и активной цифровизацией мировой экономической системы. Основной тенденцией инновационных изменений стало появление цифровых рынков капитала, товаров, услуг, рабочей силы; цифровой трансформации всех управленческих процессов на макро- и микроуровнях; цифровой кросс-отраслевой трансформации, повлекшей возникноние новых видов хозяйственной деятельности на базе существующих. Национальная экономика всех стран ЕАЭС с каждым годом все более интенсивно включается в систему мирохозяйственных связей и мировую экономику [5, с. 118].

© Подобед Н. А., Енин Ю. И., 2019

Поэтому данные мировые тенденции характерны для Республики Беларусь, с одной стороны, как суверенного государства, относящегося к категории малых экономических систем, а с другой – как активного участника межстрановых государственных объединений. Евразийский союз на данном этапе своего развития активно формирует единые рынки, системы регламентов, элементы общей инфраструктуры и институтов управления. В настоящий момент ЕАЭС постепенно эволюционирует, проходя через преграды взаимной отчужденности и националистического автаркизма, при этом создается эффективное наднациональное объединение, способствующее экономическому росту национальных экономик государств-участников.

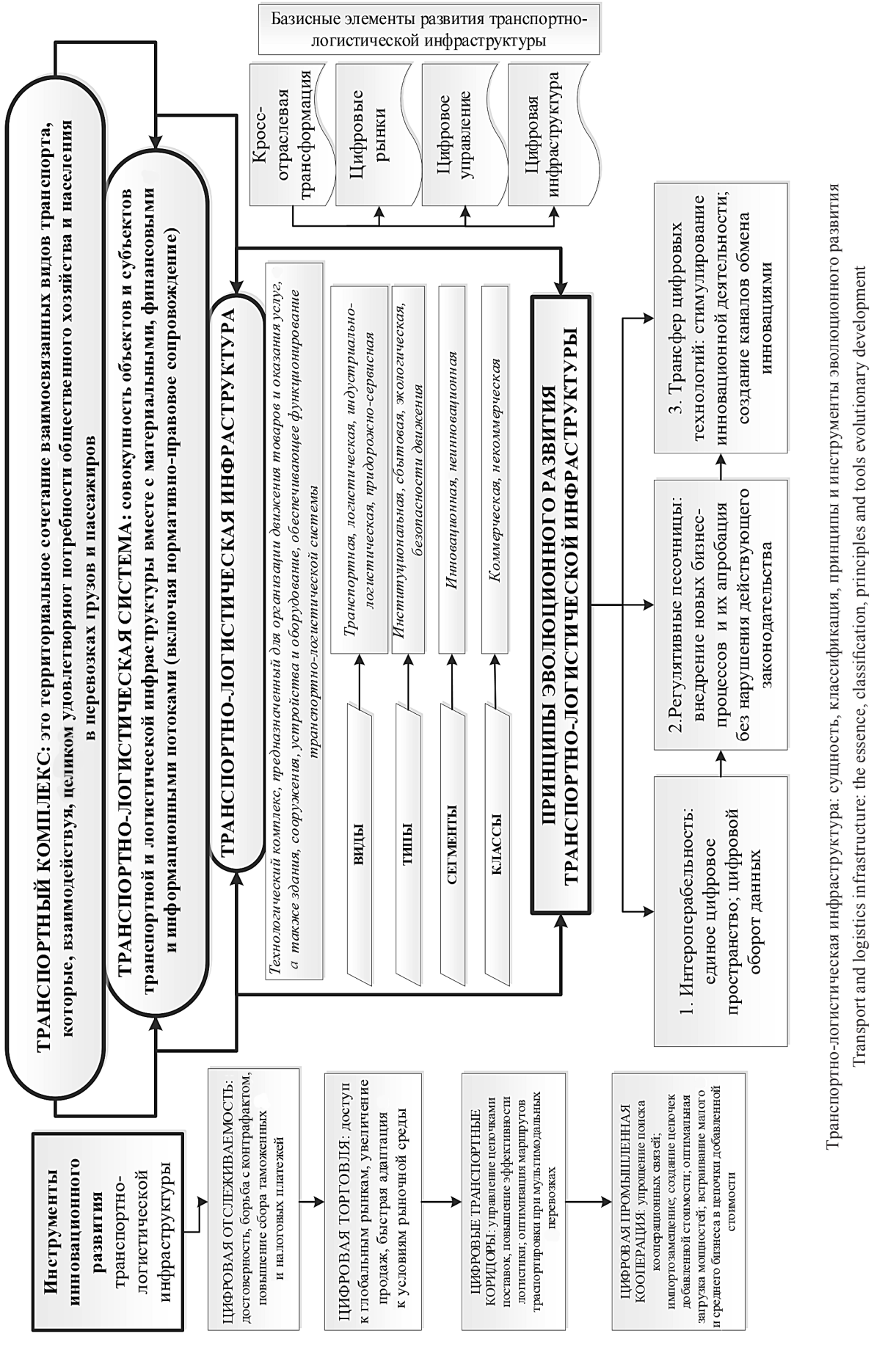
Залогом достижения высоких показателей экономического роста для большинства межгосударственных союзов является эффективное развитие транспортно-логистической инфраструктуры. Транспортно-логистическая инфраструктура – это важнейший элемент любой экономической системы, обеспечивающий связь производства и потребление товаров за счет организации эффективного товародвижения. С точки зрения экономической теории инфраструктура представляет собой совокупность системных институтов и организаций, обеспечивающих эффективную работу рынка. Транспортно-логистическая инфраструктура – это часть единой экономической системы наряду с производственной, социальной, институциональной, экологической и инновационной инфраструктурой.

Иерархически транспортно-логистическая инфраструктура является частью транспортно-логистической системы, которая в свою очередь является элементом транспортного комплекса. Базисное строение транспортно-логистической инфраструктуры предполагает наличие четырех основных видов: инфраструктуры транспорта (дороги, вокзалы, инженерные коммуникации и др.), инфраструктуры логистики (транспортно-логистические центры и др.), индустриально-логистической (индустриальные парки, сухие порты) и придорожно-сервисной инфраструктуры (придорожный сервис).

Под транспортно-логистической инфраструктурой понимается технологический комплекс, предназначенный для организации движения товаров и оказания услуг, а также здания, сооружения, устройства и оборудование, обеспечивающие функционирование транспортно-логистической системы. Выделяют следующие типы транспортно-логистической инфраструктуры: институциональная (таможенный пункт), сбытовая (объект придорожного сервиса, транспортно-логистический центр), экологическая (очистные сооружения), безопасности движения (шумоизоляционные барьеры). Допустимо разделение на классы (коммерческая и некоммерческая) и сегменты (инновационная и неинновационная) (рисунок).

Транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС должна развиваться на основе классических принципов теорий размещения: ***эквивалентности*** (определяет технологический потенциал исходя из доли инновационных технологических укладов в экономике); ***равномерности*** (размещение объектов зависит от структуры ВВП стран-участниц); ***сопряженности*** (соответствие элементов инфраструктуры обслуживаемым ею видам экономической деятельности); ***системности*** (все элементы инфраструктуры связаны с уровнем экономического развития общества); ***максимальной концентрации обслуживания*** (строительство многофункциональных комплексов с широким пакетом услуг); ***рентабельности*** (размер и специализация объекта должны обеспечивать наибольшую прибыль); ***рыночной конкуренции*** (наличие конкурирующих объектов инфраструктуры); ***экономичности*** (оптимизации стоимости и времени оказываемых услуг через роботизацию и автоматизацию бизнес-процессов); ***пропорциональности*** (определяет количество объектов дорожной инфраструктуры); ***резервирования*** (возможность увеличения территории размещения объекта инфраструктуры); ***доступности*** (приближение инфраструктурных объектов к месту возникновения потребности); ***гибкости*** (предполагает возможность трансформации объектов инфраструктуры исходя из действующих потребностей рынка) [8, с. 117–123].

Данные принципы следует дополнить инновационными принципами развития инфраструктуры: ***интероперабельность*** (единое цифровое пространство, цифровой оборот данных); ***использование «регулятивных песочниц»*** (внедрение новых бизнес-процессов и их апробация без нарушения действующего законодательства); ***трансфер цифровых технологий*** (стимулирование инновационной деятельности; создание каналов обмена инновациями).

Транспортно-логистическая инфраструктура: сущность, классификация, принципы и инструменты эволюционного развития
Transport and logistics infrastructure: the essence, classification, principles and tools evolutionary development

Единая транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС призвана укреплять конкурентоспособность стран-участниц объединения, ускорять темпы экономического роста, решать задачи укрепления национальной безопасности. Транспортно-логистическая инфраструктура связывает воедино производственный комплекс и сферу услуг, обеспечивая доступность системы глобальных коммуникаций, способствуя оптимизации системы товародвижения, уменьшая долю транспортной составляющей в цене товара [3, с. 38].

Эволюционные тенденции в развитии транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС связаны с эффектом цифровизации мировой экономической системы и характеризуются суммирующим эффектом взаимодействия множества факторов, при котором наблюдается синергетический эффект для всей экономической системы. Они призваны изменить центробежные тенденции на рынке капиталов ЕАЭС на центростремительные.

Среди множества факторов, способствующих эволюционным изменениям транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС, можно выделить следующие.

1. Выгодное транзитное положение ЕАЭС, привлекающее грузопотоки из Китая в страны Европейского союза. В настоящий момент предполагается увеличение элементов транспортно-логистической инфраструктуры на территории Евразийского союза, в первую очередь это касается объектов, относящихся к панъевропейским транспортным коридорам (№II и №IX).

2. Возрождение, по инициативе КНР, транспортной сети «Великого шелкового пути» (стратегия развития «Один пояс–один путь»). В настоящее время создается единая транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС и КНР, призванная обеспечить обслуживание транспортной сети «шелкового пути».

3. Сетевой характер развития и размещения транспортно-логистических центров по территории Евразийского союза, способствующий оптимальному обслуживанию грузопотоков. Данный фактор позволяет минимизировать транспортные расходы для всех участников цепочки товародвижения.

4. Создание элементов инновационной инфраструктуры на территории ЕАЭС (технопарков, индустриальных парков, технополисов и др.).

5. Цифровизация таможенных процедур. Повышение эффективности таможенных процедур за счет использования инновационных технологий (блокчейн, геоинформационные системы, элементы интернета вещей). Введение преференциальных таможенных тарифов: беспошлинный экспорт в страны-члены ЕАЭС; комплексная поддержка производителей продукции в ЕАЭС при оформлении документации; предоставление преференций в виде уменьшения частоты проверок грузов.

6. Создание многофункциональных придорожных комплексов. Придорожный сервис – это уникальный элемент транспортно-логистической инфраструктуры, который призван удовлетворять потребности человека и обслуживания его транспортного средства в дороге. Необходимо отметить, что придорожный сервис объединяет три важнейших вида хозяйственной деятельности: транспорт, торговлю и туризм [12, с. 107; 7, с. 266].

7. Кооперация промышленности и транспортных компаний для создания спросоориентированных поставок на основе интегрированных технологических цепочек, представляющих собой объединение предприятий на основе технологической и коммерческой общности интересов. Целью таких объединений является создание, производство и сбыт технически сложных изделий, требующих серьезного послепродажного обслуживания. Дальнейшее развитие промышленности за счет общих технологических и кооперационных связей со странами ЕАЭС (энергетика, нефтепереработка, АПК, ВПК, пищевая промышленность, машиностроение).

8. Развитие сети скоростных автодорожных и железнодорожных магистралей. Российская Федерация активно использует транспортную систему Республики Беларусь для грузоперевозок в Калининградскую область. В настоящее время для ЕАЭС перспективным направлением является развитие системы глобальных «транспортных колец» как несущей основы транспортной системы ЕАЭС; формирование глобальных транспортных узлов в направлениях Европа – Азия, Европа – Северная и Южная Америка, Азия – Северная и Южная Америка; внедрение высокоэффективных транспортно-логистических технологий по терминальной системе, мультимодальным и интермодальным перевозкам, создание единой мультимодальной транспортно-логистической компании, осуществляющей экономическую интеграцию транзитных маршрутов за счет альян-

сов со всеми национальными операторами ЕАЭС; развитие сети многофункциональных придорожных комплексов; объединение объектов придорожного сервиса ЕАЭС в ассоциацию [2, с. 29; 8, с. 118; 3, с. 33;11, с. 51–52; 9, с. 74].

9. Формирование транснациональных мультимодальных интеграторов на базе крупнейших транспортных компаний. Активное использование элементов логистического аутсорсинга (контрактной логистики и услуг 3PL-провайдеров).

10. Рост грузоперевозок между странами-членами в ЕАЭС за счет снятия барьеров во внешней торговле. Для закрепления вышеобозначенной тенденции необходимо развивать комплексные инвестиционные программы. Данные программы могут состоять из комплекса финансовых (налоговые льготы, кредитование) и нефинансовых мер (гарантии правительства, выделение земельных участков вне конкурса, проведение государственной комплексной экспертизы проектов и др.) [10, с. 96–100] (таблица).

Динамика перевозок грузов в ЕАЭС за 2010–2017 гг., млн т

Freight traffic in the EAEU in 2010–2017, million tons

Страны	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Армения	10,6	9,7	12,1	12,3	10,2	11,1	20,5	28,1
Беларусь	456,0	493,3	484,4	471,2	467,5	447,2	417,6	439,5
Казахстан	2 439,4	2 974,9	3 231,8	3 508,0	3 749,8	3 733,8	3 729,2	3 946,1
Кыргызстан	36,9	37,7	39,8	41,0	28,9	29,7	31,2	31,9
Россия	7 750	8 337	8 519	8 264	8 006	7 898,0	7 987,5	8 113,8
ЕАЭС	10 692,8	11 852,6	12 287,1	12 296,5	12 262,4	12 119,7	12 186	12 559,5

Источник: составлено автором по [12].

В 2018 году международный рынок транспортных услуг претерпел серьезную трансформацию: быстрые темпы роста ВВП стран ЕС и растущий потенциал Китая создали благоприятные условия для привлечения транзитных грузопотоков на территорию Республики Беларусь и других стран ЕАЭС [4, с.79; 12, с.107]. Для стран ЕАЭС существуют следующие преимущества от комплексного развития транспортно-логистической инфраструктуры.

1. Транспортно-логистическая инфраструктура является своеобразной «точкой роста» основных экономических показателей любого государства, поскольку обеспечивает доступность глобальных коммуникаций для белорусского экспорта, способствует оптимизации системы товародвижения, снижает долю транспортной составляющей в цене товара [3, с. 38]. При этом белорусская продукция становится более конкурентоспособной за счет возможности снижения конечной стоимости продукции.

2. Комбинированное использование технологий блокчейн и геоинформационных систем в будущем способно значительно изменить цепочку товародвижения, уменьшив транзакционные расходы на грузоперевозки за счет снижения комиссий; сократить документооборот в логистике; упростить процедуру отслеживания груза; способствовать увеличению конкуренции на рынке грузоперевозок, объединяя всех участников интермодальных грузоперевозок в единую децентрализованную систему. В настоящий момент в данной области уже реализуются проекты, позволяющие соединить транспортные контейнеры и промышленные машины с технологией блокчейн через микросхему интернета вещей.

3. Развитие транспортно-логистической инфраструктуры обладает выраженным синергетическим действием за счет реализации широкого спектра проектов в промышленности (создание индустриальных парков как элемента ядра транспортно-логистического кластера). В будущем это будет способствовать реализации модели государственно-частного партнерства в области крупных инвестиционных проектов (развитие сети многофункциональных транспортно-логистических комплексов; модернизация автомобильных и железных дорог), а также оказывать поддержку малому и среднему бизнесу за счет увеличения сетевой торговли и развития объектов придорожного сервиса.

4. Транспортно-логистическая инфраструктура ЕАЭС поможет Республике Беларусь устранить территориальную диспропорцию, выражающуюся в отсутствии собственного выхода к морю.

Развитие модели «сухих портов» позволит в будущем привлечь дополнительные транзитные потоки на территорию республики. Например, китайские инвесторы к 2020 году собираются потратить около 500 млн долларов на строительство крупного логистического центра под Минском. На данный момент проект собираются реализовать на территории китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень». По замыслам китайских инвесторов, «сухой порт» созданный под Минском, станет связующим звеном между логистическим хабом Хоргос (Республика Казахстан) и Евросоюзом (площадь нового логистического комплекса составит 94 га).

Преимущества развития транспортно-логистической инфраструктуры очевидны, но в данном случае любой промышленный рост может негативно повлиять на экологическую ситуацию. Именно поэтому в Республике Беларусь существуют одни из самых жестких экологических нормативов в Европе. Не зря при проведении государственной экологической экспертизы в стране действует принцип «презумпции виновности» (любой проект виновен в нанесении вреда окружающей среде, пока не доказано обратное).

Развитие транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС окажет синергетический эффект на экономику, логистику, экологию, геополитику каждой страны-участницы межгосударственного объединения, создавая дополнительные экономические, экологические и социальные выгоды.

Экономические выгоды: интенсификация развития экономики для ускоренного перехода к пятому и шестому технологическим укладам; повышение конкурентоспособности предприятий за счет использования инноваций, привлечение инвестиций в сферу услуг и промышленность.

Экологические выгоды: снижение уровня загрязнения окружающей среды, использование вторичных ресурсов, сохранение и восстановление природных комплексов; пропаганда социальной ответственности бизнеса, повышение экологической мотивации бизнеса в области инновационных проектов.

Социальные выгоды: создание новых рабочих мест, появление дополнительных источников дохода для населения, повышение уровня и качества жизни.

Таким образом, причины активного развития элементов транспортно-логистической инфраструктуры в странах ЕАЭС обусловлены в первую очередь рядом экономических, геополитических и социальных преимуществ, которые может получить каждая страна при своевременном использовании своего инфраструктурного потенциала. Вхождение в ЕАЭС, дальнейшая более глубокая интеграция с Российской Федерацией, выгодное транзитное расположение, формирование новой панъевразийской транспортной системы «Новый шелковый путь», рост грузооборота с Китаем – все это является обоснованием экономической целесообразности и первоочередности реализации комплексных проектов в сфере транспортно-логистической инфраструктуры [2, с. 29].

Выводы. Создание ЕАЭС стало важнейшим катализатором интеграционных процессов на всем постсоветском пространстве. В современных условиях перед странами ЕАЭС стоят конкретные задачи по стимулированию развития транспортно-логистической инфраструктуры на основе базисных принципов и инструментов построения цифровой экономики. За счет оптимального размещения объектов инфраструктуры Евразийский союз может упрочить свое положение на мировой арене при условии создания транспортно-логистической инфраструктуры «Нового шелкового пути» в рамках своей территории. Страны Евразийского союза, исходя из своего особого транзитного статуса, нуждаются в расширении партнерских отношений с соседними странами, привлечении транзитных грузопотоков на свою территорию. Поэтому дальнейшая углубленная интеграция потребует комплексного развития транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС с использованием потенциала инновационных и высокотехнологичных производств.

Список использованных источников

1. Вызовы евразийской интеграции: экономика, политика, гуманитарная сфера / А. Тавадян [и др.]; под ред. С. В. Регеды, В. В. Сутыркина. – М.: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2017. – 100 с.

2. Енин, Ю. И. Инновационный менеджмент и маркетинг инноваций / Ю. И. Енин, А. А. Пилютик, Н. А. Подобед. – Минск: Право и экономика (серия «Высшее образование»), 2017. – 115 с.

3. Енин, Ю. И. Инновационный менеджмент / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед. – Минск: БНТУ, 2015. – 98 с.

4. Енин, Ю. И. Организационно-экономический механизм обеспечения конкурентоспособности придорожного сервиса в ЕЭП / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед // Инновационные процессы: потенциал науки и задачи государства: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 78–81.

5. Енин, Ю. И. Формирование концептуальных основ стратегии развития системы придорожного сервиса в Беларуси / Ю. И. Енин, Н. А. Подобед // Белорус. экон. журн. – 2011. – № 3 (56). – С. 118–128.

6. Ковалев, М. М. Транспортная логистика в Беларуси: состояние, перспективы / М. М. Ковалев, А. А. Королева, А. А. Дутина. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – 327 с.

7. Подобед, Н. А. Место и роль белорусского придорожного сервиса в Едином экономическом пространстве / Н. А. Подобед // Проблемы социально-экономического развития России на современном этапе: материалы IX ежегодной Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. А. А. Бурмистрова; М-во обр. и науки РФ; ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. – С. 266–275.

8. Подобед, Н. А. Социально-экономические приоритеты развития инфраструктуры товарного рынка в Республике Беларусь / Н. А. Подобед // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук.– 2014. – № 2. – С. 117–123.

9. Подобед, Н. А. Формирование придорожного сервиса в Республике Беларусь / Н. А. Подобед ; под науч. ред. Ю. И. Енина. – Минск: Право и экономика, 2010. – 109 с.

10. Подобед, Н. А. Экономический потенциал инфраструктуры придорожного сервиса Республики Беларусь / Н. А. Подобед // Экономика и управление. – 2014. – № 1. – С. 96–100.

11. Подобед, Н. А. Современные тенденции развития теории и практики управления придорожным сервисом в Республике Беларусь / Н. А. Подобед, Н. С. Шелег // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2012. – № 2. – С. 46–54.

12. Статистика ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: www.eurasiancommission.org/ ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx. – Дата доступа: 02.12.2018.

13. Шелег, Н. С. Формирование системы содействия развитию придорожного сервиса / Н. С. Шелег, Н. А. Подобед // Белорус. экон. журн. – 2009. – № 2. – С. 107–118.

References

1. Tavadyan A., Sutyrkin V., Shimov V. *Challenges of Eurasian integration: economics, politics, humanitarian sphere.* Moscow, Integration: Education and Science Rubl., 2017. 100 p. (in Russian).

2. Enin Yu. I., Pilyutik A. A, Podobed N. A. *Innovation Management and Marketing Innovations.* Minsk, Law and Economics Publ. (Higher Education Series), 2017. 115 p. (in Russian).

3. Enin Yu. I., Podobed N. A. *Innovation Management.* Minsk, Belarusian National Technical University Publ., 2015. 98 p. (in Russian).

4. Enin Yu. I., Podobed N. A. *Organizational-economic mechanism for ensuring the competitiveness of roadside service in the SEP.* In the collection: Innovative processes: the potential of science and the tasks of the state. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Penza, Science and Education Publ., 2017, pp. 78–81. (in Russian).

5. Enin Yu. I., Podobed N. A. *Formation of the conceptual basis of the development strategy of the roadside service system in Belarus.* Belarusian Economic Journal, 2011, no. 3 (56), pp. 118–128. (in Russian).

6. Kovalev M. M., Queen A. A., Dutin A. A. *Transport logistics in Belarus: state, prospects.* Minsk, Belarusian State University Publ., 2017, p. 327. (in Russian).

7. Podobed N. A. *The place and role of the Belarusian roadside service in the Common Economic Space.* In the collection: Problems of the socio-economic development of Russia at the present stage. Proceedings of the IX Annual International Scientific and Practical Conference : in 2 parts. Part 2. Tambov, Publishing House of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2017, pp. 266–275. (in Russian).

8. Podobed N. A. Socio-economic priorities of the development of the infrastructure of the commodity market in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Serie*s, 2014, no. 2, pp. 117–123 (in Russian).

9. Podobed N. A. *Formation of roadside service in the Republic of Belarus,* under the scientific ed. Yu.I. Enin. Minsk, Law and Economics Publ., 2010. 109 p. (in Russian).

10. Podobed N. A. *The economic potential of the infrastructure of the roadside service of the Republic of Belarus.* Economics and Management, 2014, no. 1, pp. 96–100. (in Russian).

11. Podobed N. A., Sheleg N. S. Modern trends in the development of the theory and practice of roadside service management in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2012, no. 2, pp. pp. 46–54 (in Russian).

12. Statistics of the EAEU. Eurasian Economic Commission, 2018. Available at: www.eurasiancommission.org/ en / act / integr_i_makroec / dep_stat / union_stat / Pages / default.aspx (accessed: 12.02.2018).

13. Sheleg N. S., Podobed N. A. *Formation of a system to promote the development of roadside service.* Belarusian Economic Journal, 2009, no. 2, pp. 107–118.

Информация об авторах

Подобед Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент. Белорусский экономический университет (пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: trans80@inbox.ru.

Енин Юрий Иванович – доктор экономических наук, профессор. Белорусский государственный экономический университет (пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: trans80@inbox.ru.

Information about the authors

Natalia A. Podobed – Ph. D. (Econ.), Associate Professor. Belarusian State Economic University (26 Partizansky Ave., 220070 Minsk, Belarus). E-mail: trans80@inbox.ru.

Yury I. Enin – D. Sc. (Econ.), Professor. Belarusian State Economic University (26 Partizansky Ave., 220070 Minsk, Belarus). E-mail: trans80@inbox.ru.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

РЭЦЭНЗІІ

REVIEWS

Поступила в редакцию 06.11.2018
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-242-250 Received 06.11.2018

У. В. Здановіч

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА Ў СВЯТЛЕ НОВЫХ ГІСТАРЫЧНЫХ КРЫНІЦ

У 2011 г. у сувязі з 70-годдзем пачатку Вялікай Айчыннай вайны сумеснымі намаганнямі гісторыкаў Расіі, Беларусі і Украіны пачалася рэалізацыя праекта “Краіна ў агні”, вынікам якога з’явілася фундаментальнае трохтомнае выданне “Страна в огне” (тэматычныя нарысы і зборнікі дакументаў). Праца над праектам мае свае асаблівасці. Першы том “1941 год : Страна в огне” быў выдадзены ў 2011 г. Другі “Страна в огне: Коренной перелом. 1942–1943” і трэці “Страна в огне: в 3 т. Освобождение. 1944–1945” тамы ўбачылі свет толькі ў 2017 г. Такая затрымка ў значнай ступені выклікана сітуацыяй ва Украіне. Падзеі, якія адбыліся там, не толькі затрымалі выхад выдання, але і паўплывалі на склад аўтарскага калектыву, а таксама на структуру чарговага двухтомніка. Распачатую трохбаковую працу расійскіх, беларускіх і ўкраінскіх навукоўцаў працягнулі гісторыкі дзвюх дзяржаў – Расіі і Беларусі.

У першай кнізе, якая складаецца з трох частак – “Расія”, “Беларусь”, “Украіна”, змешчаны нарысы, падрыхтаваныя адпаведна супрацоўнікамі Акадэмій навук Расіі, Украіны і Беларусі, прысвечаныя падзеям першага года Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі адзначаных краін **(1941 год : Страна в огне: в 2 кн. – М .: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1. – Очерки. – 720 с.)**. 3 ліпеня 2009 г. Парламенцкай асамблеяй АБСЕ была прынята рэзалюцыя, у якой у развязванні Другой сусветнай вайны абвінавачаны разам з Германіяй і Савецкі Саюз. У гэтай сувязі апраўданым і мэтазгодным з’яўляецца ўключэнне ў расійскую частку раздзела, у якім раскрываюцца змены на міжнароднай арэне напярэдадні вайны, матэрыялаў па падрыхтоўцы Германіі і яе саюзнікаў да нападу на СССР. Рассакрэчаныя ў Расіі ў 1990 – 2000-я гг. дакументы Міністэрства замежных спраў і Міністэрства абароны пацвярджаюць, што, “нягледзячы на пралікі і памылкі, савецкая знешняя палітыка з часу прыходу Гітлера да ўлады і да нападу Германіі на СССР была накіравана на стварэнне сістэмы калектыўнай бяспекі, саюза дзяржаў і народаў для барацьбы з фашысцкай агрэсіяй. У той жа час дакументы бясспрэчна паказваюць (як і раней апублікаваны “Архіў Дзірксена”), што мэтай заходніх дэмакратый было не толькі пазбегнуць уключэння ў вайну, але і, спрыяючы ўзбраенню Германіі, накіраваць зарад яе агрэсіі супраць СССР” (с. 27).

У сваю чаргу ўкраінскія гісторыкі ўключылі ў сваю частку раздзел, прысвечаны “ўкраінскаму пытанню”, маючы на ўвазе “дзяржаўную прыналежнасць украінскіх этнічных тэрыторый, якія ахоплівалі ўласна УССР, а таксама Букавіну, Закарпацце, Валынь, Усходнюю Галіцыю, Лемкаўшчыну, Падляшша, Холмшчыну, Надсанне” (с. 541). Асноўную ўвагу аўтары засяродзілі на палітыцы Германіі і СССР. Так, аналізуючы планы Гітлера, яны адзначаюць, што “на справе Гітлер нікому не збіраўся даваць гарантый дзяржаўнасці ... Украіна цікавіла яго ў якасці невы-

© Здановіч У. В., 2019

чэрпнага рэзервуара сыравіны, прадуктаў харчавання і працоўнай сілы, і далей гэтага думкі фюрэра не ішлі" (с. 543). І. В. Сталін, "чаргуючы гнуткае манеўраванне, саступкі (у якасці прыкладу можа служыць палітыка "ўкраінізацыі") і жорсткія рэпрэсіі, яшчэ ў 1930-я гг. імкнуўся нейтралізаваць перадумовы для эскалацыі "ўкраінскага сепаратызму" (с. 545).

Як вядома, пачатковы перыяд аказаўся трагічным для Чырвонай Арміі. Аўтары трохтомніка адказваюць на пытанне аб тым, чаму краіна ўлетку 1941 г. апынулася на мяжы катастрофы. Так, расійскія гісторыкі вылучаюць аб'ектыўныя (колькасная перавага праціўніка, раптоўнасць нападу ворага, недастатковая ступень забяспечанасці сродкамі СПА, адсутнасць у фронту рэзерваў, запозненае заняцце рубяжоў УРаў, адсутнасць прыкрыцця з паветра) і суб'ектыўныя прычыны (неарганізаванасць і бестурботнасць многіх камандзіраў, у тым ліку вялікіх начальнікаў, расхалоджанасць многіх звенняў акруговага і армейскага ўпраўленняў, адсутнасць цвярозай ацэнкі праціўніка, яго магчымасцей, псіхалагічная негатоўнасць войскаў да нападу праціўніка) (с. 86, 87, 92, 93).

Аналізуючы прычыны няўдач Чырвонай Арміі ў першыя тыдні вайны, беларускія даследчыкі асноўны ўхіл зрабілі на суб'ектыўны фактар, падкрэсліўшы, што прычыны " заключаюцца перш за ўсё ў праліках ваенна-палітычнага кіраўніцтва ў поглядах на пачатковы перыяд вайны і мерапрыемствы па падрыхтоўцы краіны і яе ўзброеных сіл да верагоднай агрэсіі … штабы акругі і армій па ўзроўні сваёй падрыхтоўкі да ўпраўлення войскамі, аб'яднаннямі і злучэннямі аказаліся к пачатку Вялікай Айчыннай вайны недастаткова падрыхтаванымі… Тэатр ваенных дзеянняў, на якім давялося змагацца войскам Заходняга фронту, у тым ліку і 4-й арміі, к пачатку вайны аказаўся непадрыхтаваным" (с. 272, 292, 401).

Аднак, нягледзячы на ўсе абставіны аб'ектыўнага і суб'ектыўнага характару, уражлівыя першапачатковыя поспехі вермахта, вайна для Гітлера развівалася не па сцэнарыі, прадугледжаным планам "Барбароса". "У неверагодна цяжкіх умовах, – пішуць беларускія даследчыкі, – савецкім войскам сваім гераічным супраціўленнем удалося закласці першы камень у падмурак будучай перамогі над моцным і шматвопытным ворагам" (с. 402).

Перамогай Савецкага Саюза закончылася бітва за Маскву. "Нямецкія войскі зімой 1942–1943 г., – адзначаюць расійскія гісторыкі, – сталі губляць веру ў свае сілы, а савецкія салдаты і іх камандзіры, наадварот, набылі ўпэўненасць у перамозе над ворагам" (с. 190).

Высновы расійскіх і беларускіх калег падтрымалі ўкраінскія гісторыкі, якія, адзначаючы трагізм падзей, значныя страты Чырвонай Арміі, у той жа час падкрэсліваюць, што "ўвесь свет пераканаўся – нямецкая армія можа цярпець паражэнні, а савецкая – іх наносіць" (с. 585).

Значны ўклад у абарону роднай зямлі на пачатковым этапе ўнеслі добраахвотніцкія фарміраванні – народнае апалчэнне, знішчальныя батальёны і групы. Выклікае цікавасць ацэнка, дадзеная ўкраінскімі гісторыкамі наконт дзейнасці дадзеных фарміраванняў, якая адрозніваецца ад ацэнак расійскіх і беларускіх аўтараў. "З аднаго боку, – падкрэсліваюць даследчыкі, – яна сведчыла пра патрыятызм, самаахвярнасць і імкненні значнай часткі грамадзянскага насельніцтва змагацца з захопнікамі, а з другога – да яе разгортвання прывялі пэўныя аб'ектыўныя і суб'ектыўныя абставіны (у першую чаргу непадрыхтаванасць дзяржавы і арміі да вайны, а таксама звязаныя з гэтым меры, закліканыя забяспечыць абароназдольнасць краіны)" (с. 616).

Пры аналізе падзей 1941 г. неабходна звярнуць увагу на падрыхтаваны беларускімі аўтарамі раздзел "Война и белорусское общество", у якім разглядаюцца пытанні жыццядзейнасці савецкіх уладных структур і насельніцтва Беларусі ва ўмовах пачатку вайны – практычна не даследаваныя раней сацыяльныя і псіхалагічныя аспекты. "Шырокамаштабнае ваеннае супрацьстаянне на тэрыторыі Беларусі летам 1941г., – пішуць навукоўцы, – бамбёжкі, артабстрэлы і каласальныя разбурэнні, супраціўленне, у многіх месцах сапраўды гераічнае, часцей і злучэнняў Чырвонай Арміі, іх выніковае паражэнне і адступленне, захоп акупантамі аднаго за другім рэгіёнаў рэспублікі, смерць і палон дзясяткаў і соцень тысяч людзей прынеслі на беларускую зямлю крывавы хаос, стварылі шмагранную, у многім не кіруемую сітуацыю надзвычайнай складанасці… Сярод насельніцтва акрамя патрыятычных настрояў, лаяльнасці ў адносінах да савецкай улады існавалі іншыя погляды і ўчынкі" (с. 493, 494).

Гісторыя чалавецтва паказвае, што непазбежнымі спадарожнікамі любога ўзброенага канфлікту з'яўляюцца ваеннапалонныя. Дадзеная праблема разгледжана расійскімі гісторыкамі ў трэцім раздзеле. За ўвесь перыяд вайны ў палон трапіла 4 млн 59 тыс. чалавек, у тым ліку ў 1941 г. – 2 млн. Вялікую колькасць палонных аўтары тлумачаць наступнымі прычынамі: "войскі заходніх ваенных акруг аказаліся непадрыхтаванымі да раптоўнага нападу фашысцкай Германіі ... Многія савецкія салдаты і афіцэры былі захоплены ў палон будучы цяжка параненымі і кантужанымі. Апроч таго ... нямецкае камандаванне нярэдка засылала пераапранутых дыверсантаў, якія распаўсюджвалі лжывыя чуткі, сеялі паніку ... Маральна-псіхалагічны стан многіх байцоў пахіснуўся нечаканай сілай нямецкага ўдару" (с. 233). Разам з тым, як справядліва адзначаюць даследчыкі, маральны надлом савецкіх войскаў у пачатковы перыяд вайны не насіў незваротнага характару. Лёс савецкіх ваеннапалонных адносіцца да найбольшых трагедый вайны. Прыведзеныя ў кнізе факты пацвярджаюць сутнасць нацысцкай палітыкі, накіраванай на знішчэнне савецкіх ваеннапалонных, у дачыненні да якіх не дзейнічалі ні нормы міжнароднага права, ні агульначалавечыя прынцыпы гуманізму.

У выніку паражэння ў Беларусі войскаў Чырвонай Арміі ў ліпені – жніўні 1941 г. тэрыторыя рэспублікі была акупавана вермахтам. "Акупацыйны рэжым, – адзначаюць беларускія аўтары, – па кіраванні захопленымі мясцовасцямі ствараўся як спантанна нямецкімі ваеннымі структурамі, так і па загадзя падрыхтаванай схеме арганізацыі грамадзянскай германскай адміністрацыі ў рэгіёнах Беларусі, з прыцягненнем дзеячаў калабарацыі. Паглыбленне ў масіў дакументальных крыніц дазваляе ... убачыць больш дакладна, аб'ёмна разгорнуты нацыстамі з першых дзён акупацыі генацыд на беларускай зямлі" (с. 447).

Матэрыял, змешчаны ў раздзеле, сведчыць, што другая палова 1941 г. стала і часам зараджэння партызанскай і падпольнай барацьбы ў Беларусі, "якая была адзначана ўжо ў 1941 г. шэрагам эфектыўных баявых удараў па ворагу. На фоне надзвычай складанай і цяжкай для савецкага боку ваеннай сітуацыі гэта натхняла партызан і падпольшчыкаў, большасць насельніцтва" (с. 445).

Станаўленне партызанскай і падпольнай барацьбы ва Украіне мае свае асаблівасці. Нароўні з дзейнасцю савецкіх партызан і падпольшчыкаў, адпавядаючай агульным намаганням краіны, якая перажывала адно з самых складаных выпрабаванняў у сваёй гісторыі, што ўрэшце дапамагло выстаяць, украінскія навукоўцы звяртаюць увагу і на арганізацыі ўкраінскіх "незалежнікаў", самай значнай сярод якіх была АУН. Характарызуючы дзейнасць "аўнаўцаў", асноўны ўхіл даследчыкі зрабілі на рэпрэсіі германскіх улад супраць іх, а не на барацьбу арганізацый АУН-УПА з вермахтам і акупантамі, не пакідаючы з-пад увагі супрацьстаянне ўкраінскіх узброеных фарміраванняў і Чырвонай Арміі. Не даюць ўкраінскія аўтары і ацэнкі дзейнасці вайскоўцаў батальёна "Нахцігаль". У прыватнасці, у раздзеле змяшчаецца наступная інфармацыя: "Не ўдаючыся ў падрабязнасці дыскусій аб дачыненні ваеннаслужачых "Нахцігаль" да распраў над яўрэйскім насельніцтвам і польскай інтэлігенцыяй Львова, адашлём чытача да спецыяльнай літаратуры – айчыннай і замежнай (у прыватнасці, польскай), у якой гэтыя падзеі выкладаюцца без ідэалагічных нацяжак" (с. 696).

Другі том "Страна в огне: в 3 т. Коренной перелом. 1942–1943" убачыў свет толькі ў 2017 г. і быў падрыхтваны гісторыкамі Расіі і Беларусі **(Страна в огне: в 3 т. Коренной перелом. 1942–1943: в 2 кн.; отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – М.: Абрис, 2017.– Кн. 1. – Очерки. – 734 с.)**. Першая частка нарысаў падрыхтавана расійскімі гісторыкамі, якія асноўную ўвагу засяродзілі на баявых дзеяннях на тэрыторыі СССР у 1942–1943 гг.

Бітва пад Масквой прывяла да сур'ёзнага крызісу вермахта і шмат у чым прадвызначыла ход далейшага савецка-германскага супрацьстаяння. Разам з тым, надзеі савецкага кіраўніцтва на тое, што ў вайне адбыўся пералом і ініцыятыва цалкам перайшла да Чырвонай Арміі, не спраўдзіліся. Баявыя характарыстыкі асабістага складу Чырвонай Арміі заставаліся невысокімі: нізкая дысцыпліна, адпраўка на фронт недастаткова ці зусім непадрыхтаванага папаўнення, недахоп тэхнікі, стралковай аўтаматычнай зброі, боепрыпасаў, слабая сувязь, не заўсёды кампетэнтнае кіраўніцтва войскамі. "Усе гэтыя негатыўныя фактары ... – падкрэсліваюць даследчыкі, – сведчылі пра тое, што Чырвоная Армія ўзору вясны 1942 г. у цэлым пакуль яшчэ не ўяўляла эфектыўнай ваеннай машыны, здольнай у кароткі тэрмін разграміць вермахт" (с. 23). Пацвярджэннем дадзе-

нага вываду служыць факт паражэння савецкіх войскаў пад Ленінградам, Харкавам, у Крыме, сітуацыя з 2-й ударнай арміяй, якая апынулася адрэзанай ад асноўных сіл, немагчымасць ліквідацыі буйной нямецкай групоўкі, акружанай пад Дзямянскам. Аўтары прадстаўляюць сваё, на наш погляд, апраўданае бачанне прычын няўдач Чырвонай Арміі. Побач з аб'ектыўнымі (вялікая рухомасць нямецкага боку, якая давала перавагу ў выбары месца прарыву, масіраванае выкарыстанне ворагам авіяцыі на полі бою) гісторыкі вылучаюць і суб'ектыўныя прычыны, што было немагчыма ў савецкай гістарыяграфіі, да якіх адносяць перавагу нямецкіх военачальнікаў над савецкімі і зніжэнне баявога духу чырвонаармейцаў (с. 50).

Аналізуючы ход і вынікі Сталінградскай бітвы, сітуацыю на першым яе этапе, аўтары не абыходзяць увагай і такую складаную праблему, як выдадзены 28 ліпеня 1942 г. загад Народнага Камісара Абароны № 227, больш вядомы пад назвай "Ні кроку назад", згодна з якім мэтай навядзення парадку ў войсках, умацавання дысцыпліны і спынення здачы ў палон чырвонаармейцаў уводзіліся загараджальныя атрады, якія павінны былі расстрэльваць дэзерціраў, панікёраў і баязліўцаў, а таксама штрафныя батальёны і роты.

Дадзены загад разам з загадам Народнага камісара абароны № 270 ад 16 ліпеня 1941 г., паводле якога пакаранне распаўсюджвалася не толькі на чырвонаармейцаў, але і на іх родных і блізкіх, з канца 1980-х гг. стаў разглядацца ў савецкай, а затым і ў расійскай гістарыяграфіі як прыклад неапраўданай жорсткасці, а мерапрыемствы па ўмацаванні дысцыпліны – як "амаральныя", "цынічныя", "фашысцкія". Супраць такой трактоўкі загадаў выступілі ветэраны Вялікай Айчыннай вайны і прафесійныя ваенныя. Па меркаванні расійскіх даследчыкаў, "летам 1942 г. ніякія меры, якія маглі спыніць далейшае адступленне Чырвонай Арміі, ліквідаваць смяротную небяспеку краіне, не маглі лічыцца савецкім вярхоўным камандаваннем дастаткова суровымі. Да таго ж … увядзенне штрафных часцей адпавядала інтарэсам … многіх здзейсніўшых воінскія злачынствы ваеннаслужачых. Для іх альтэрнатывай знаходжання ў штрафной часці былі меры крымінальнага праследавання, надзвычай суровыя ва ўмовах ваеннага часу" (с. 59). Пагаджаючыся з расійскімі калегамі ў тым, што прыняцце загадаў, выкліканае надзвычайнымі абставінамі, мела станоўчае значэнне і дазволіла ўмацаваць дысцыпліну і стабілізаваць становішча, адначасова адзначым, што з іх з'яўленнем рэпрэсіі ў Чырвонай Арміі набылі яшчэ большыя маштабы. Камандзіры штрафных часцей набылі фактычна неабмежаваную ўладу, што нярэдка прыводзіла да злоўжыванняў, неапраўданых расстрэлаў, нягледзячы на тое, што расстрэл падначаленага не ў баявой абстаноўцы, ці за здзяйсненне злачыннага дзеяння, не прадугледжанага ў Палажэнні аб штрафных батальёнах і ротах, зацверджаным 26.09.1942 г., трактаваўся як злачыннае самаўпраўства, за якое камандзір падлягаў арышту і суду ваеннага трыбунала.

Як справядліва падкрэсліваюць расійскія гісторыкі, "Сталінградская бітва стала пераломнай бітвай Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай войнаў. Германскай арміі, якая знаходзілася, як здавалася, на вяршыні магутнасці, было нанесена буйное паражэнне з далёка ідучымі наступствамі. Чырвонай Арміі ўдалося перахапіць ініцыятыву і звесці да нуля ўсе поспехі нямецкіх войскаў у летняй кампаніі 1942 г. .... У цэлым аперацыі «Уран» і «Малы Сатурн» вызначылі тактыку і стратэгію, якая стала асновай поспехаў Чырвонай Арміі ў 1943–1945 гг." (с. 84).

У асобных раздзелах паказана барацьба савецкіх і нямецкіх войскаў за стратэгічныя крыніцы сыравіны, нафту і хлеб, баявыя дзеянні на заходнім кірунку і спробы прарыву блакады Ленінграда, ход і вынікі аперацый па вызваленні ад акупантаў Левабярэжнай Украіны, Данбаса, Кіева. Адзначаючы поспехі савецкіх войскаў у бітве за Каўказ, гісторыкі не пакінулі без увагі і дэпартацыю цэлых народаў Каўказа, якую даследчыкі ацэньваюць як рэпрэсіі. Асабліва несправядлівымі яны лічаць дэмабілізацыю з войску на працягу 1943–1944 гг. 157 тыс. прадстаўнікоў народаў Каўказа, многія з якіх мелі баявыя ўзнагароды, раненні, і перавод іх у разрад спецперасяленцаў.

Не далі жадаемых вынікаў 1-я Ржэўскі-Сычоўская і 2-я аперацыя (вядомая пад назвай "Марс"), праведзеныя ў лістападзе-снежні 1942 г., не былі паспяховымі і аперацыі па дэблакадзе Ленінграда ў першай палове 1942 г. Да таго ж трапіла ў акружэнне 2-я ўдарная армія. Паводле нямецкіх даных, прадстаўленых расійскімі гісторыкамі, у палоне апынулася каля 30 тыс. чырвонаармейцаў, у тым ліку і камандуючы арміяй генерал А. А. Уласаў.

Самым значным па аб'ёме з'яўляецца пяты раздзел, прысвечаны Курскай бітве, якая ў нямецкіх планах атрымала назву "Цытадэль", пацвярджаючы выснову савецкіх гісторыкаў аб тым, што "лета 1943 г. сталася пераломным у вайне на савецка-германскім фронце. З-за людскіх страт і страт у тэхніцы германская армія назаўжды страціла стратэгічную ініцыятыву і ў далейшым ўжо не змагла сабраць сілы для буйнога наступлення" (с. 263). Даследчыкі ўзгадваюць і памылкі, дапушчаныя савецкім камандаваннем падчас Курскай бітвы, і кошт праведзеных аперацый, у ходзе якіх страты Заходняга, Бранскага і Цэнтральнага франтоў склалі 429 890 чалавек, у тым ліку 112 529 – забітымі і знікшымі без вестак (с. 263).

Расійскія гісторыкі звярнулі ўвагу і на Тэгеранскую канферэнцыю, вынікі якой па-рознаму ацэньваліся і ацэньваюцца ў гістарыяграфіі. "Упершыню за час існавання антыгітлераўскай кааліцыі, – адзначаюць даследчыкі, – былі ўзгоднены планы вядзення вайны супраць Германіі і Японіі, абмеркаваны найважнейшыя праблемы пасляваеннага ўладкавання свету" (с. 326). Як бачна, дадзеная ацэнка не адрозніваецца ад ацэнак савецкай гістарыяграфіі.

У беларускай частцы нарысаў раскрыты сацыяльна-палітычныя і эканамічныя працэсы, якія адбываліся на акупаванай тэрыторыі Беларусі, удзел суайчыннікаў у баявых дзеяннях у 1942–1943 гг., роля беларускага народа ў дасягненні карэннага пералому ў Вялікай Айчыннай вайне. Факты, прыведзеныя аўтарамі, служаць яшчэ адным доказам таго, што сутнасцю германскага акупацыйнага рэжыму з'яўлялася ліквідацыя грамадскага дзяржаўнага ладу, рабаванне нацыянальных багаццяў і рэсурсаў, зняволенне і знішчэнне насельніцтва рэспублікі. Па падліках беларускіх гісторыкаў, зробленых на падставе айчынных і нямецкіх крыніц, "агульная колькасць мясцовага насельніцтва, у рознай ступені і розных формах прыцягнутага да абавязковай прымусовай і рабскай працы на захопленай тэрыторыі Беларусі, у тым ліку беларускіх остарбайтараў у рэйху, складала звыш 2 млн чалавек" (с. 398).

Асаблівае значэнне для ваюючых бакоў набыла барацьба за мясцовых жыхароў, ад падтрымкі якіх у значай ступені залежаў канчатковы вынік савецка-германскага супрацьстаяння. На пачатковым этапе вайны поспех мела нямецкая прапаганда. Гэта было абумоўлена перадваеннай палітыкай савецкага кіраўніцтва, паражэннямі Чырвонай Арміі, хуткай акупацыяй рэспублікі. Кіруючыя колы Германіі ў значнай ступені звязвалі свае планы з дзейнасцю маладзёжных саюзаў, якія павінны былі стаць важным сродкам рэалізацыі нацыянал-сацыялістычных ідэй. На акупаванай тэрыторыі рэспублікі былі створаны Саюз беларускай моладзі, Беларуская служба Айчыне, Саюз рускай моладзі, Саюз татарскай моладзі і Саюз барацьбы супраць бальшавізму. Найбольш уплывовым быў Саюз беларускай моладзі, у радах якога налічвалася 13,5 тыс. чалавек. Аднак "беларускія юнакі і дзяўчаты ў сваёй большасці не ўспрынялі нацыянал-сацыялістычную ідэалогію. Нават прапагандуемая ідэя нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння Беларусі не магла стаць прыцягальнай на фоне масавых рэпрэсій ..." – адзначаюць айчынныя даследчыкі (с. 453).

Аналізуючы падпольную барацьбу ў перыяд карэннага пералому, гісторыкі на канкрэтных прыкладах даказваюць, што, "нягледзячы на бязлітасны тэрор, развязаны германскімі спецслужбамі супраць удзельнікаў патрыятычнага падполля, колькасць партыйна-камсамольскіх органаў і арганізацый пастаянна пашыралася і ўмацоўвалася, ахопліваючы сваім уплывам усё новыя, больш шырокія пласты беларускага народа ... На акупаванай тэрыторыі Беларусі дзейнічалі 2934 тэрытарыяльныя падпольныя камсамольскія арганізацыі, якія налічвалі ў сваіх радах 18 790 юнакоў і дзяўчат. У 335 антыфашысцкіх моладзевых арганізацыях змагалася 2705 чалавек, 48 124 камсамольцы змагаліся ў радах партызан, аб'яднаных у 2579 пярвічных арганізацыях" (с. 483). Падпольшчыкі ажыццяўлялі тэрарыстычныя акты супраць германскіх служачых і іх памочнікаў, псавалі абсталяванне, выносілі і вывозілі гатовую прадукцыю, разбуралі сродкі сувязі, знішчалі ваенную тэхніку, воінскія склады, базы, гаражы.

На новы ўзровень паднялася партызанская барацьба, якая стала важкім укладам у разгром нацысцкіх агрэсараў. Асаблівасці яе станаўлення і развіцця ў 1942–1943 гг. раскрываюцца ў 4-м і 6-м раздзелах. Факты, якія прыводзяць даследчыкі, у тым ліку і новыя архіўныя матэрыялы, з'яўляюцца яшчэ адным доказам таго, што ўзброеная барацьба супраць акупантаў па арганізаванасці, колькасці ўдзельнікаў, формах і сродках барацьбы пераўзыходзіла ўсе еўрапейскія краіны. Партызанская барацьба вялася разнастайнымі сродкамі: разгром нямецкіх гарнізонаў,

барацьба супраць карных экспедыцый, тэрор супраць прадстаўнікоў акупацыйных улад і калабарацыяністаў, вызваленне населеных пунктаў і тэрыторый, разведка на карысць Чырвонай Арміі, дэзарганізацыі чыгуначнай сеткі. З восені 1943 г. партызанскі рух набыў сапраўды ўсенародны характар. "... Да канца 1943 г., – падкрэсліваюць аўтары, – у Беларусі дзейнічала добра арганізаваная армія беларускіх партызан (партызанскі фронт) які трымаў пад сваім кантролем велізарныя тэрыторыі – партызанскія зоны, якія займалі ад 40 да 60% агульнай плошчы, што стварала для ворага сур'ёзныя цяжкасці ў манеўраванні і перагрупоўцы войскаў" (с. 522). Праведзеныя аперацыі «Рэйкавая вайна» і «Канцэрт» не маюць сабе роўных у еўрапейскай гісторыі.

Значны маральна-палітычны ўплыў на актывізацыю партызанскай барацьбы на акупаваных тэрыторыях, дапамогу Чырвонай Арміі мела ўзаемадзеянне партызан Беларусі з расійскімі і ўкраінскімі партызанамі. Як падкрэсліваюць беларускія гісторыкі, "партызанскае братэрства і ўзаемадзеянне ўзброеных фарміраванняў саюзных рэспублік памнажала сілы ў баях супраць агульнага ворага, набліжала дзень Перамогі" (с. 642).

Карэнны пералом у вайне быў дасягнуты гераізмам не толькі на фронце, але і ў тыле савецкай дзяржавы. Як падкрэсліваюць расійскія даследчыкі, "… у 1942–1943 гг. были дасягнуты рэальныя вынікі, якія сведчылі аб тым, што ваенная эканоміка, вядучыя галіны цяжкай індустрыі і сельскай гаспадаркі сталі развівацца нарастаючымі тэмпамі" (с. 354).

Не менш значным для Перамогі быў і ўклад рабочых, калгаснікаў, служачых, дзеячаў навукі і культуры Беларусі. Пра гэта сведчыць матэрыял, які змяшчаецца ў восьмым раздзеле, аўтары якога засяродзілі ўвагу на дзейнасці эвакуіраванага насельніцтва Беларусі ў савецкім тыле, якое ўнесла значны ўклад у перамогу над нацысцкай Германіяй. Размяшчэнне і ўвод у дзеянне эвакуіраваных прадпрыемстваў, якія сталі асновай для развіцця новых, неабходных галін прамысловасці, у значнай ступені спрыялі павышэнню ваенна-эканамічнага патэнцыялу СССР. Прадстаўнікі беларускага народа прынялі актыўны ўдзел у стварэнні асновы матэрыяльна-тэхнічнай перавагі над фашысцкай Германіяй, зрабілі ўнёсак у духоўнае супрацьстаянне фашызму.

Падкрэсліваючы галоўную ролю савецкага народа ў стварэнні эканамічнай асновы для карэннага пералому ў Вялікай Айчыннай вайне, аўтары адзначаюць і "вайскова-эканамічную дапамогу краін-саюзнікаў СССР, якая ў асноўным, разгарнулася з восені 1942 г. і ў першую чаргу тычылася сродкаў транспарту і прадуктаў харчавання" (с. 354).

Заключны трэці том выдання, як і папярэдні, падрыхтаваны сумеснымі намаганнямі гісторыкаў Расіі і Беларусі **(Страна в огне : в 3 т. Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн.; отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков; ред.-сост. Д. В. Суржик. – М.: Абрис, 2017. – Кн. 1. – Очерки. – 717 с.)**. Расійскія даследчыкі засяродзілі ўвагу на пытаннях ваеннай стратэгіі, унутранай палітыкі, вызваленчай місіі Чырвонай Арміі, узаемадзеяння СССР з саюзнікамі па антыгітлераўскай кааліцыі. У сціслай форме раскрываюцца ход і вынікі асноўных аперацый, праведзеных у 1944–1945 гг.

Беларускія гісторыкі, аналізуючы ход наступлення Чырвонай Арміі ў студзені-сакавіку 1944 г., паказваюць не толькі станоўчыя вынікі, але і невыкананыя задачы, у прыватнасці, не ўдалося выйсці на рубеж Полацк – Лепель – Магілёў – р. Пціч. Асобнае месца ў раздзеле адведзена аперацыі "Баграціён", якая з'яўляецца адной з выдатных аперацый не толькі Вялікай Айчыннай, але і Другой сусветнай войнаў, узорам спалучэння стратэгіі і тактыкі. Прыведзеныя ў працы факты з'яўляюцца пераканаўчым доказам такой высновы.

У 3, 4, і 5-м раздзелах на канкрэтных прыкладах паказаны ўклад беларусаў і ўраджэнцаў Беларусі ў вызваленне савецкіх Карэліі і Прыбалтыкі, Правабярэжнай Украіны, краін Усходняй, Паўднёва-Усходняй і Заходняй Еўропы. У раздзелах грунтоўна раскрыты падрыхтоўка, ход і вынікі аперацый па вызваленні Карэліі, Эстоніі, Латвіі, Польшчы, Аўстрыі, Чэхаславакіі, Украіны, Румыніі, Балгарыі, Югаславіі, Венгрыі, удзел беларусаў у баях за Берлін. Так, толькі пры вызваленні народаў Паўднёва-Усходняй Еўропы стралковымі карпусамі камандавалі 10 генералаў-беларусаў, 12 беларусаў і ўраджэнцаў стаялі на чале дывізій, 35 беларусаў былі ўдастоены звання Героя Савецкага Саюза. Пададзены даследчыкамі матэрыял дае падставы сцвярджаць, што прадстаўнікі беларускага народа, змагаючыся на франтах Вялікай Айчыннай і Другой сусветнай войнаў, унеслі значны ўклад у перамогу над нацызмам.

Гісторыкі таксама засяродзілі ўвагу і на дзейнасці партызан на заключным этапе вайны. Так, расійскія даследчыкі асноўную ўвагу звярнулі на падзеі ў Прыбалтыцы і Украіне. "Адной з асаблівасцей узброенага супрацьстаяння за лініяй фронту на тэрыторыі Прыбалтыкі і Украіны ў ходзе Вялікай Айчыннай вайны, – адзначаюць расійскія вучоныя, – з'яўляецца шырокая апора нацысцкай акупацыйнай адміністрацыі на памочніках з ліку мясцовага насельніцтва" (с. 208). Характарызуючы дзейнасць АУН-УПА, Арміі Краёвай на завяршальным этапе вайны, аўтары сканцэнтравалі ўвагу на іх тэрарыстычнай, антысавецкай дзейнасці.

Сітуацыя ў Беларусі ў 1944 г. істотна адрознівалася ад папярэдняга перыяду. "Своеасаблівасць заключалася ў тым, – адзначаюць аўтары, – што агульная абстаноўка для партызан, падпольшчыкаў і насельніцтва Беларусі ў 1944 г. значна змянілася ў горшы бок: ім даводзілася дзейнічаць і выжываць у больш неспрыяльных умовах, чым у 1943 г. Тэрыторыя, якая знаходзіцца пад акупацыяй, скарацілася, што прывяло да значнага павелічэння шчыльнасці варожых і ахоўных варожых войскаў" (с. 359). Аднак і ў такой складанай сітуацыі партызаны Беларусі выканалі задачу і "выратавалі сотні тысяч мірных грамадзян ад знішчэння гітлераўцамі і ўгону іх на фашысцкую катаргу. Патрыёты ў значнай ступені сарвалі таксама і даўно складзены план татальнага рабавання Беларусі і правядзення ў жыццё палітыкі "выпаленай зямлі" (с. 387).

Асобныя раздзелы прысвечаны савецкаму тылу на заключным этапе вайны. Расійскія даследчыкі, падкрэсліваючы, што ў супрацьстаянні з Германіяй савецкая эканоміка засноўвалася, перш за ўсё, на свае сілы, адзначаюць ваенна-эканамічную дапамогу саюзнікаў у рамках ленд-ліза. Саюзнікі пастаўлялі ўзбраенне, у тым ліку танкі і самалёты, прамысловае абсталяванне, металы, у першую чаргу каляровыя і інш. Асаблівае значэнне мела пастаўка харчавання. Савецкая вёска, аслабленая ў матэрыяльных і людскіх рэсурсах, не магла ў поўнай меры забяспечыць армію і прамысловасць прадуктамі харчавання. Даючы высокую ацэнку пастаўкам саюзнікамі прадуктаў харчавання ў СССР, аўтары ў той жа час адзначаюць: "Вялікую перамогу над фашызмам у першую чаргу забяспечылі Чырвоная Армія і працаўнікі савецкага тылу, усе тыя, хто каваў меч Перамогі і хто гэтым мячом паламаў найвялікшае зло XX ст." (с. 177).

Працоўны подзвіг беларусаў на вызваленай тэрыторыі Беларусі раскрыты ў шостым раздзеле. Аналізуючы працэс аднаўлення, гісторыкі адзначаюць вялікую дапамогу, якую аказалі саюзныя рэспублікі : "станкі, абсталяванне, металы, іншыя матэрыялы былі дастаўлены ў Беларусь з Горкаўскай, Яраслаўскай, Новасібірскай, Кемераўскай, Свярдлоўскай, Кіраўскай абласцей, Удмурцкай і Татарскай АССР, Туркменскай ССР" (с. 618). У аднаўленні народнай гаспадаркі Беларусі пэўную ролю адыгралі трафейныя – рэпарацыйныя пастаўкі, якія ажыццяўляліся з мая 1945 г. па 1 студзеня 1948 г. і адбываліся найбольш інтэнсіўна ў 1945 г.

На вызваленых тэрыторыях "да людзей вярнуліся аптымізм, вера ў перамогу і надзея на будучы мір, што было абумоўлена перамогамі Чырвонай Арміі на ўсіх участках фронту, вызваленнем раней акупаваных тэрыторый Савецкага Саюза, удзелам саюзнікаў у сумеснай барацьбе з Германіяй, поспехамі ў аднаўленні народнай гаспадаркі (с. 196). Адначасова ў Прыбалтыцы, Заходняй Украіне ўзмацніліся антысавецкія настроі. Не ўсе сустракалі Чырвоную Армію з удзячнасцю на вызваленых ад нацызму краінах. Некаторыя стралялі ў спіны савецкім салдатам. Такім чынам, тыя, хто змагаўся свядома ці не супраць вызваліцелей, выступалі на баку сваіх прыгнятальнікаў.

Напружанай і нестабільнай была грамадска-палітычная сітуацыя ў Беларусі, асабліва ў заходніх абласцях. Неадназначнымі таксама былі адносіны мясцовага насельніцтва да антысавецкіх ваенізаваных фарміраванняў. У некаторых рэгіёнах Заходняй Беларусі сяляне дапамагалі атрадам АК і УПА. Разам з тым дакументальныя крыніцы фіксуюць і дапамогу мясцовага насельніцтва органам НКУС у барацьбе з антысавецкімі сіламі. Супрацьстаянне на землях Беларусі прыводзіла да чалавечых ахвяр. "За 1945 г. у раёнах ваенна-баявых дзеянняў унутраных войскаў Беларускай ваеннай акругі, – адзначаюць беларускія гісторыкі, – было зафіксавана 189 бандпраяў, 3 дыверсійныя акты, 13 падпалаў і 41 рабаванне, у выніку якіх загінулі 138 і былі паранены 25 чалавек савецкага і партыйнага актыву, ваеннаслужачых унутраных войскаў і мясцовага насельніцтва" (с. 650).

Значна больш увагі нададзена пытанням міжнароднай абстаноўкі, характару вайны з Германіяй, вызваленчай місіі Чырвонай Арміі. "... Другая сусветная вайна, – падкрэсліваюць расійскія

даследчыкі, – мела характар у вядомым сэнсе традыцыйны, вызначаны барацьбой за еўрапейскую гегемонію ... Стаўшы ахвярай несправакаванага нападу, Савецкі Саюз пачаў справядлівую, вызваленчую вайну, якая назаўсёды засталася ў гісторыі як Вялікая Айчынная. Падзеі на савецка-германскім фронце ў 1941–1945 гг. мелі вызначальнае значэнне на ход і зыход Другой сусветнай вайны ў цэлым" (с. 15, 37).

Раскрываючы ўзаемаадносіны краін антыгітлераўскай кааліцыі, працэс станаўлення і развіцця Ялцінска-Патсдамскай сістэмы міжнародных адносін, расійскія даследчыкі пішуць, што «нягледзячы на радасць ад сумесных перамог, антыгітлераўская кааліцыя была саюзам дзяржаў з супярэчлівымі геапалітычнымі мэтамі. Іх аб'яднанне было магчыма толькі пры наяўнасці моцнага агульнага ворага. Калі ж ён пачаў слабець, старыя супярэчнасці зноў выступалі на першы план, таму сакрэтнасць праекта "Цьюб Алойз", сепаратныя перагаворы ў Берне і аперацыя "Немагчымае" – звёны аднаго ланцуга, гэта вынік геапалітычных супярэчнасцей унутры "вялікай тройкі". Аднак трэба аддаць належнае палітычнай мудрасці яе лідараў. У іх хапіла волі на тое, каб спыніцца на мяжы новай гарачай вайны і стварыць новую, Ялцінска-Патсдамскую сістэму міжнародных адносін, якая ў асноўных сваіх рысах працягвае дзейнічаць да гэтага часу. У гэтым – урок для сучаснасці, новай пагрозай якой стаў міжнародны тэрарызм» (с. 12).

Аўтарамі паказана вялікая праца, якую праводзілі і праводзяць дзяржаўныя органы і грамадскія арганізацыі Беларусі і Расіі па захаванню памяці пра гераічныя і трагічныя старонкі мінулай вайны. Як падкрэсліваюць расійскія даследчыкі, "ахова гістарычнай памяці пра вайну прызнаецца як адзін з прыярытэтных напрамкаў унутры- і знешнепалітычнай дзейнасці", што выклікае "негатыўную рэакцыю ў адказ з боку сіл, не зацікаўленых у яе захаванні ў цяперашнім выглядзе" (с. 343). Праводзімыя ў Расіі мерапрыемствы спрыялі таму, што «рознага роду "чорныя міфы", якія паліліся ў грамадскую прастору ў эпоху крызісу і распаду Савецкага Саюза, не замацаваліся ў гістарычнай свядомасці большасці расійскіх грамадзян» (с. 344).

Памяць пра Вялікую Айчынную вайну з'яўляецца неад'емнай часткай калектыўнай памяці беларускага грамадства, што абумоўлена значнасцю дадзенага перыяду ў гісторыі Беларусі. Праца па мемарыялізацыі трагічных і гераічных старонак Вялікай Айчыннай вайны з'яўляецца часткай дзяржаўнай палітыкі. Памяць аб падзеях Вялікай Айчыннай вайны ўвасоблена ў розных формах у літаратуры, кінематографе, музычных творах, выяўленчым мастацтве, музеях і тэматычных экспазіцыях. Імёны герояў прысвойваюцца населеным пунктам, вуліцам і плошчам, установам, прадпрыемствам, арганізацыям, навучальным установам, воінскім часцям. Па падліках даследчыкаў, на беларускай зямлі налічваецца звыш 8,8 тыс. мемарыяльных комплексаў, помнікаў, курганоў, прысвечаных падзеям Вялікай Айчыннай вайны. "Увекавечанне памяці тых, – падкрэсліваюць аўтары, – хто ў суровыя саракавыя сваёй ратнай працай адстойваў свабоду і незалежнасць Радзімы, – гэта не толькі задача гісторыкаў, палітыкаў, але і грамадская неабходнасць. Гераічныя старонкі ваеннай гісторыі – гэта тое, што дазваляе ўмацоўваць звязваючую нітку пакаленняў, гэта найбагацейшы матэрыял патрыятычнага выхавання падрастаючага пакалення" (с. 681).

Другая кніга кожнага тома ўяўляе сабой зборнік дакументаў і матэрыялаў, у які ўвайшлі як апублікаваныя дакументы з фундаментальных прац, так і новыя, раней недаступныя даследчыкам архіўныя матэрыялы, выяўленыя ў Расійскім дзяржаўным ваенным архіве, Цэнтральным архіве Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі, Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі, Расійскім дзяржаўным архіве сацыяльна-палітычнай гісторыі, рэгіянальных архівах Расійскай Федэрацыі, Федэральным ваенным архіве Германіі ў Фрайбургу, Федэральным архіве Германіі ў Берліне, Прэзідэнцкай бібліятэцы Франкліна Рузвельта, Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, Архіве Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Латвійскім дзяржаўным гістарычным архіве, фондах цэнтральных дзяржаўных архіваў Украіны, галіновых архівах службы бяспекі і Міністэрства ўнутраных спраў Украіны, зборніках матэрыялаў, выдадзеных у Расіі, Беларусі, Украіне. Каштоўны дакументальны матэрыял запазычаны з гісторыка-дакументальных хронік гарадоў і раёнаў Беларусі "Памяць", заснаваных на матэрыялах абласных і занальных архіваў Рэспублікі Беларусь.

У другую кнігу двухтомніка "1941 год : Страна в огне" уключаны дакументы, якія адлюстроўваюць ход ваенных дзеянняў на франтах Вялікай Айчыннай вайны ў 1941 г. і арганізацыю

ўсенароднага адпору захопнікам. Усяго ў зборніку, які падзелены, як і першая кніга, на тры часткі, налічваецца 383 дакументы, у тым ліку: расійскіх – 134, беларускіх – 127, украінскіх – 122.

Другая кніга другога тома выдання, якая раскрывае падзеі 1942–1943 гг., налічвае 275 дакументаў: 185 дакументаў, прадстаўленых расійскімі аўтарамі, і 90 – беларускімі.

Зборнік дакументаў і матэрыялаў, які адлюстроўвае асноўныя падзеі і ключавыя моманты завяршальнага перыяду Вялікай Айчыннай вайны, налічвае 165 і 125 дакументаў, выяўленых адпаведна расійскімі і беларускімі даследчыкамі.

Падрыхтаваныя гісторыкамі зборнікі ўключаюць Пастановы СНК СССР і БССР, ЦК УКП, ЦК КП(б)Б, загады Вярхоўнага Галоўнакамандуючага, Дырэктывы Чырвонай Арміі, распараджэнні, дакладныя і тлумачальныя запіскі, лісты Ваенных саветаў франтоў, загады, спецпаведамленні, рашэнні міжнародных канферэнцый, радыё- і аператыўныя зводкі, шыфратэлеграмы, данясенні, перагаворы, дзённікі баявых дзеянняў нямецкіх фарміраванняў і інш. Дакументы дапоўнены ўспамінамі і сведчаннямі, што дазволіла паказаць не толькі гераічныя і трагічныя старонкі вайны, але і асаблівасці развіцця ваенна-палітычных падзей 1941–1945 гг. з найбольшай дакладнасцю. Разам з тым гісторыкі не выкарысталі ў поўным аб'ёме нямецкія дакументы, у тым ліку і апублікаваныя ў Расіі і Беларусі. У першую чаргу гэта тычыцца дакументальных зборнікаў, прысвечаных пачатковаму перыяду Вялікай Айчыннай вайны.

Большая частка дакументаў публікуецца ў поўным аб'ёме. Размешчаныя ў храналагічным парадку, у асноўным па часе падзей, дакументы змяшчаюць рэдакцыйны загаловак, у якім указваюцца яго разнавіднасць, аўтар, адрасат, кароткі змест і дата напісання. Кожны дакумент мае легенду, якая змешчана пад тэкстам дакумента і ўключае пошукавыя даныя дакумента (назва архіва, нумары фонду, справы і лістоў на нямецкай мове). У форме канцавых спасылак даюцца тэкставыя нататкі і каментарыі.

Такім чынам, нягледзячы на выказаныя заўвагі і пажаданні, гісторыкі прадставілі ўсебаковую рэканструкцыю мінулай вайны. Аўтарскаму калектыву ўдалося выканаць свой доўг і стварыць першую на тэрыторыі СНД фундаментальную працу, у якой дадзены аргументаваныя і дакладныя адказы на многія, у тым ліку і дыскусійныя, пытанні Вялікай Айчыннай вайны. Значнасць даследавання абумоўлена не толькі яго навуковай, але і грамадска-палітычнай складанай, што асабліва важна на сучасным этапе. Дасягнутая агульнымі намаганнямі савецкіх людзей перамога над агрэсарам павінна спрыяць лепшаму ўзаемаразуменню паміж народамі. Услед за аўтарамі спадзяемся, што дадзеная праца прыцягне ўвагу шырокага кола чытачоў і будзе садзейнічаць сцвярджэнню дакладных гістарычных ведаў.

Информация об авторе

Зданович Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси, Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (бул. Космонавтов, 21, 224016, Брест, Республика Беларусь). E-mail: zvv2003@tut.by

Information about the author

Uladzimir V. Zdanovich – D. Sc. (Hist.), Professor, Head of Foreign History of Belarus. Brest State University named after A. S. Pushkin (21 Kosmonavtov Ave., Brest 224016, Belarus). E-mail: zvv2003@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Поступила в редакцию 25.02.2019
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-2-251-253 Received 25.02.2019

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

АПОКАЛИПСИС ОТМЕНЯЕТСЯ. *HOMO SAPIENS* ВЫЖИВЕТ…

Сегодня существует много всевозможных предсказаний и фальсификаций вокруг будущего нашей планеты. Ожидает ли судьба Вавилона всю Землю? Такой вопрос ныне не праздный, ибо тревога все возрастает, а мера её терпения – не предельна. И это не может не волновать всех сущих. Ответ на столь острые вопросы пытаются представить широкому читателю в своей новой монографии «Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку» член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор П. А. Водопьянов и его украинский коллега, доктор философских наук, профессор В. С. Крисаченко[1].

Авторы данной фундаментальной работы – хорошо известные в мире специалисты в области философии науки и социальной экологии. Четверть века назад широкий общественный резонанс вызвала их совместная работа «Великий день гнева. Экология и эсхатология» (1993). За прошедшие годы много воды утекло, но наша планета Земля чище не стала: изменилась демографическая ситуация в мире, значительно возросло загрязнение окружающей среды, произошли крупнейшие природные и социальные катастрофы. Современная цивилизация столкнулась с новыми глобальными вызовами, угрожающими ее будущему, реальной проблемой стало существование людей на планете. Кроме того, авторы отмечают, что «не меньшую тревогу вызывает и проблема нравственного разложения современной цивилизации, свидетельством чего являются распространение наркомании, алкоголизма, употребление психотропных веществ, ведущих к биологической деградации человека. Извечные человеческие ценности – доброта, справедливость, порядочность, взаимопомощь – все чаще уступают место насилию, злобе, ненависти и другим порокам» (с. 5).

В условиях нарастания кризисных явлений в жизни современного общества особую актуальность приобретают такие тренды научного поиска, которые направлены на разработку проблем ближайшего будущего. К числу такого рода проблем относятся, в первую очередь, кардинальные вопросы прогнозирования дальнейшего роста численности народонаселения, качественные параметры окружающей среды, истощение природных ресурсов, недостаток продовольствия и финансовых активов и многое другое. От успешного решения этих проблем, в конечном итоге, зависят выбор направлений развития человечества и его будущее.

На повестке дня сегодня фактически гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?», только в современной редакции: «Что ожидает человечество: Апокалипсис, предсказанный в эсхатологии христианства, или надежды на дальнейшее процветание, достигаемое человеческим Разумом?». Такова, собственно, центральная идея, поставленная авторами рецензируемой работы, актуальность которой с каждым годом только нарастает. И понимания человечеством трагизма и важности ситуации, как утверждают авторы, пока не наблюдается. Более того, ситуация на планете с каждым годом только ухудшается…

Из всех существующих в современном мире проблем особую опасность представляет угроза экологического кризиса и в недалеком будущем, по мнению авторов, – угроза наступления эко-

[1] Водопьянов, П. А. Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку / П. А. Водопьянов, В. С. Крисаченко. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 306 с.

© Данилов А. Н., 2019

логической катастрофы как следствие утраты нравственного отношения человека к окружающей его природе, рассматривающего последнюю как созданную для удовлетворения его потребностей. В настоящее время становится очевидным, что беспрецедентная по своим масштабам эксплуатация залежей полезных ископаемых может привести к их полному исчерпанию. Поэтому вполне закономерно в мире нарастает борьба за ресурсы. Наряду с этим, нарастающее загрязнение окружающей среды приводит к изменению состояния атмосферы, поднятию уровня Мирового океана, что ведет к существенному изменению климата, качества окружающей среды, ставит под угрозу жизнь всего человечества.

Рецензируемая книга логически выстроена, учитывает произошедшие в этой сфере изменения за последние четверть века, появившиеся новые данные, анализирует большой массив новой научной литературы. Состоит она из предисловия, введения, пяти глав, 22 параграфов, заключения, списка использованных источников. ***Первая глава*** «Эсхатологическое измерение традиционного мировосприятия» получилась, пожалуй, самой большой и спорной, вобрала в себя теоретико-методологические основы всей монографии. Здесь представлены Всемирный потоп как глобальная катастрофа прошлого, Ветхозаветные пророчества, истоки апокалиптики, исторические судьбы идеи кончины мира, миллениум с его тревогами и надеждами. ***Вторая глава*** «Ойкумена и природные условия жизнедеятельности людей» переносит теоретические основы Ветхозаветных пророчеств, апокалиптики, концепций конца мира в область человекоразмерности, некой жизненной реальности. Здесь исследуются вопросы эволюции мира человека от «ручного рубила» до овладения силами природы, достижения энергетической безопасности. В ***третьей главе*** «Человек и естественный мир» рассматриваются влияние космологических факторов на живое вещество планеты и человека, экологические факторы и их роль в обеспечении жизнедеятельности, проблемы биологической детерминации бытия человека. В ***четвертой главе*** «Стратегия выживания человека» рассматриваются экологические кризисы антропогенного происхождения и историческая динамика народонаселения, болезни и эпидемии, испытание адаптивных возможностей человека, проблемы продовольственной безопасности, потенциальные и реальные ресурсы планеты, природные и социальные потрясения. И наконец, в ***пятой главе*** «Контуры стратегии достаточного развития на пути приближения ноосферного века» выстраиваются варианты дальнейшего развития и доказывается, что необходим переход человечества на «путь ноосферной цивилизации, основанной на формировании новой нравственности и достижениях современной науки».

Обозначенные в книге проблемы показаны в мониторинговом режиме, которые со временем, к сожалению, только усугубляются, наполняются новым содержанием, свидетельствующем о равнодушии к их решению современных государств. Это касается, в первую очередь, таких опасных явлений, как изменение климата планеты (постоянно происходящие саммиты по этому вопросу – наглядная иллюстрация сказанного), сокращение биологического разнообразия, открытия в науке, которые представляют опасность для человечества (ядерная энергия, генетическая инженерия, создание ГМО и другое), потребительский вектор социально-экономического развития. Это далеко не полный перечень вопросов, которые получили освещение в рецензируемой работе.

Вызывает интерес обращение авторов к исторической конференции по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Тогда эксперты в полный голос заявили о пределах роста, исчерпаемости ресурсов на планете и своем требовании к странам и правительствам жить по средствам. Однако, спустя 20 лет, на такой же конференции эксперты были вынуждены констатировать, что прогресса в реализации этих установок не произошло, мир в опасности.

Авторы подчеркивают, что «господствующие до сих пор во многих сферах экономики рыночные отношения ориентированы на получение сиюминутной выгоды и не учитывают отдаленные последствия человеческой деятельностя <…> не учитывают экологические ценности» (с. 270). Также требует изменения шкала сложившихся человеческих потребностей, необходим отказ от существующей модели развития, основанной на постоянном экономическом росте и ориентированной на достижение высоких уровней потребления, которая не учитывает потребность сохранения жизненного пространства, необходимого для нормальной жизнедеятельности людей.

Сегодня нельзя обойтись без формирования новой шкалы ценностей во взаимоотношениях человека и биосферы, которая должна учитывать отдаленные последствия достижений в области науки и техники (с. 277).

Необходимо подчеркнуть, что научное издание написано хорошим литературным, образным языком, каждый тезис аргументирован, практически выверен, приводятся новые факты и статистические данные, позиция международных организаций. Книга логически выстроена и хорошо иллюстрирована, рассчитана на широкий круг читателей – научных работников, преподавателей, аспирантов и всех, кто интересуется вопросами прогнозирования путей дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Нельзя не отметить прекрасную издательскую работу: книга хорошо отредактирована, замечательно оформлена, представлен современный дизайн, текст удобен для чтения.

Как правило, такие книги пишутся долго… Они, словно вещий колокол, взывают всех живущих на Земле задуматься о своей личной ответственности за ее будущее, сделать реальные практические шаги по упреждению глобальной экологической катастрофы. Победит все же оптимистичный прогноз и человечество найдет адекватные ответы на новые вызовы времени. «Мы верим, – пишут авторы, – в то, что человечество сможет пробудить спящие в нем Прометеевы силы и создаст достойный его мир. Не мир ядерной зимы или экологической безысходности, а мир гармонии, добра и разума» (с. 8). Поддерживая оптимизм авторов, мы вместе с ними искренне надеемся, что книга будет прочитана и послужит руководством к действию – защите жизни на Земле.

И еще, очень символично, что книга посвящена матерям, продолжающим род человеческий на Земле…

Информация об авторе

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.danilov@tut.by

Information about the author

Aleksandr N. Danilov – Corresponding Member, D. Sc. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Sociology. Belarusian State University (9 Kalvariiskaya Str., Minsk 220004, Belarus). E-mail: a.danilov@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
BELARUSIAN SCIENTISTS

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ШИРОКАНОВ
(К 90-летию со дня рождения)

Гомельская земля богата талантами. Она взрастила много деятелей культуры, изобретателей, ученых, прославивших отечество далеко за его пределами. Но особое значение в этом ряду приобрело имя Дмитрия Ивановича Широканова – выдающегося белорусского ученого, профессора, доктора философских наук, академика НАН Беларуси. В этом году Дмитрию Ивановичу исполняется девяносто лет. Он родился 20 мая 1929 года в деревне Галки Асаревичского сельсовета Брагинского р-на Гомельской области. Уже в раннем возрасте в юноше проявился творческий потенциал будущего ученого, сопряженный с незаурядным аналитическим даром. В тяжелые послевоенные годы отличная учеба в школе Брагинской средней школы (1947) и, как результат, по окончанию золотая медаль – свидетельство способности работать много, самозабвенно, результативно.

Та же самозабвенность сопровождает его на протяжении всей учебы на философском отделении исторического факультета Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина, студентом которого Дмитрий Широканов был с сентября 1947 по июнь 1952 года. И опять, как и в школе, – отличная учеба, конструктивно-критическое восприятие дисциплинарного материала, первая реализация аналитического потенциала. Под руководством профессора В. И. Степанова студентом Широкановым выполнена работа «Учение И. П. Павлова о второй сигнальной системе в свете идей Сталина о языке», которая в 1951 году заняла первое место на Всесоюзном конкурсе студенческих работ. Первое место на всесоюзном конкурсе – весомая заявка на право заниматься философией как научной дисциплиной. По существу именно с этого успеха и начинается поступательное шествие молодого дарования. Значимый этап такого шествия – кандидатская диссертация «Диалектика необходимости и случайности», которая была досрочно защищена в мае 1955 года. И сразу после этого выходит авторская монография общим тиражом 4000 экземпляров, что для молодого ученого того времени явление далеко не ординарное. Монография была встречена научным содружеством с большим интересом, ее появление вызвало резонанс среди отечественных философов. Имя белорусского исследователя с этого момента становится популярным в научном сообществе, на него все чаще ссылаются маститые философы, и апелляции к мнению Д. И. Широканова часто оказываются весомым аргументом в научной полемике.

Докторскую диссертацию «Взаимосвязь категорий диалектики» Дмитрий Иванович защитил в 1972 году. И с этого момента город Минск окончательно приобрел статус философского центра исследования категориальных структур. Работы Д. И. Широканова того периода позволили определить особенности конкретных этапов в развитии науки, выявить логические структуры, характеризующие стили мышления, концептуально описать типологию связей. Логичным и обоснованным был авторский вывод, что вероятностная форма детерминации, которую наука усвоила с переходом к исследованию квантово-механических процессов, включила в поле своего понимания нежесткий тип связей и соответствующие категориальные структуры, наполнившие

диалектику отношений необходимости и случайности более богатым, внутренне дифференцированным содержанием. Научные разработки этого периода характеризовались принципиально новым подходом к исследованию закономерностей развития научного познания, и краеугольной идеей явился вывод, что идеи случайности и независимости должны быть включены в структуру законов.

Особенно значимой для развития методологии научного исследования была разработка Д. И. Широкановым комплекса проблем систематизации категорий диалектики как ступеней познания сущности явлений. В этот период исследователь задался вопросами: каковы основные линии связи категорий диалектики, каковы принципы, которые определяют эту связь? Возможно ли установить устойчивые линии в системе отношений категорий или же развитие понятий не имеет отношения к построению систем категорий, а следовательно, и к анализу их взаимосвязи?

По мнению Д. И. Широканова, справедливым будет исходный посыл о том, что категория как важнейшая форма логического познания раскрывает свое содержание в богатстве своих отношений, несет на себе печать этих отношений, через эти отношения развивает свое содержание и обнаруживает переход в другие понятия. Поэтому свою функцию отражения действительности категория может проявить и проявляет лишь в связи с другими понятиями, выражающими те или иные стороны объективной действительности. Взаимосвязь понятий, их движение и развитие, их переходы, переливы определяются, в конечном счете, отражаемой объективной действительностью.

Взаимосвязь категорий и их систематизация – это две внутренне связанные между собой стороны одной и той же проблемы. Так же, как взаимосвязь понятий органически вытекает из диалектически понимаемой сущности категорий, так и система отношений категорий вытекает из сущности их взаимосвязи. Система основных категорий должна поэтому не только отражать достигнутый уровень в раскрытии диалектики взаимосвязи, но и служить их дальнейшему развитию, должна быть способной пополняться новыми категориями. Следовательно, она должна быть не только подвижной, но и открытой.

Методологические трудности систематизации категорий связаны с противоречием между определенностью, устойчивостью отношений и подвижностью их многообразных взаимосвязей. Гибкость взаимосвязи категорий не исключает устойчивости их отношений, выражающей определенную внутреннюю основу, определенную направленность развития познания.

Вопрос о соотношении устойчивости и релятивности системы категорий может быть решен на основе диалектических принципов построения этой системы, учитывающих, в частности, единство онтологического и гносеологического. Из истории и логики развития познания вытекает одно из главных требований категориальной систематизации – «выведение понятий» друг из друга. Принцип противоречия, выражающий переходы, переливы, источник движения понятий, не только находится в основе процесса «выведения», но также является важнейшим в выяснении субординационных отношений категорий. Противоречивая природа взаимосвязи, отражаемая категориями диалектики (причинность, необходимость, возможность, содержание, форма и др.), все полнее раскрывается в науках, исследующих глубинные уровни организации материи.

По мнению Д. И. Широканова, раскрываемые принципы внутренне связаны с принципом преемственности и поступательности в развитии, с процессом обогащения содержания категорий в их взаимосвязях. Вместе эти принципы выражают направленность развития категорий в процессе движения познания от простого к сложному, от внешнего к внутреннему, от абстрактного к конкретному, позволяют отразить содержание логического процесса, отразить «выведение» одних категорий из других через развертывание противоречий. Только единство всех важнейших принципов ведет к пониманию процесса развития познания объективной действительности, взаимосвязи и субординации категорий, логики, ее различных форм и уровней, дает основу для выработки гибкой, подвижной системы.

На этом основании ученым сделан вывод, что в многообразии диалектических отношений категорий может быть выделена ведущая линия, определяющая переходы в этих отношениях и выражающая указанное выше единство принципов. Такая линия во взаимосвязи и переходах категорий может быть выражена через отношение явление–сущность. Взаимосвязь и переходы категорий, выражающие процесс движения познания от явления к сущности, от сущности перво-

го порядка к сущности второго порядка, пронизывают собой все понятия и категории диалектики. Линия переходов, движения категорий, складывающаяся на основе отношения, выражаемого категориями явление–сущность, непосредственно ведет к познанию общей основы явлений и в то же время позволяет выразить единство исторического и логического в развитии познания.

Категории в системе своих взаимосвязей выражают многосторонний и многоступенчатый процесс отражения сущности явлений в качественном многообразии их форм и их отношений, закономерностей их существования и развития. Как общая методология познания категориальная система является основой научного понимания места и тех или иных специальных и общенаучных форм в прогрессе научного познания.

Вывод Д. И. Широканова о том, что система диалектических категорий, отражая в логических формах и отношениях основные моменты исторического развития знания, становится той логической базой, на которой осуществляется дальнейший прогресс научных знаний, явился концептуальной основой развития основных методологических школ отечественной философии.

Свой очередной юбилей Дмитрий Иванович встречает полным творческих сил. Он возглавляет научный коллектив, руководит актуальными исследованиями, плодотворно работает над монографией.

По результатам работы над Международным проектом «Высокие технологии в структуре устойчивого развития инновационной системы Республики Беларусь и Республики Молдова: проблема соответствия ноосферным ценностям» сам Дмитрий Иванович и исследовательский коллектив под его руководством стали лауреатами Премии академий наук Украины, Беларуси и Молдовы.

Ученики, друзья, коллеги желают глубокому исследователю, вдумчивому педагогу, талантливому руководителю Дмитрию Ивановичу Широканову новых свершений и полной реализации творческих идей и планов.

Коллектив сотрудников Института философии НАН Беларуси